

Василий Орехов

Линия огня

S.T.A.L.K.E.R. – 1

Василий Орехов

Линия огня

Глава 1

Чертово яйцо

Я вам честно признаюсь, ребята: когда в тебя с сорока шагов целится из пистолета твой ближайший друг, которому ты не раз и не два спасал жизнь в Зоне, с которым ты плечом к плечу неоднократно отстреливался от военных сталкеров и мародеров, с которым ты всегда делился последней банкой тушенки и совместно с которым у тебя выпита не одна цистерна горюче-смазочных материалов в баре «Шти», – то удовольствие значительно ниже среднего.

Предельно паскудно это, если кто еще не понял.

Как сказал в похожей ситуации страус из одного мультика, в таком дурацком положении я не оказывался даже в Канаде.

– Не дергайся, Хемуль, – сосредоточенно произнес Патогеныч, сжимая рукоять пистолета обеими руками. От напряжения голос у него слегка подрагивал, и это мне уже совсем не нравилось. – Стой спокойно. Вообще не шевелись, собака, не то я тебе вот такенную дырку во лбу сделаю. Будешь ходить с дыркой, как последний придурок.

Я судорожно облизал губы. Еще и еще раз измерил взглядом разделявшее нас расстояние. Черт. Черт.

– Ладно, брат, – проговорил я, стараясь, чтобы мой голос звучал сухо и независимо. Не уверен, что это у меня получилось, но я, по крайней мере, попробовал. – Решил стрелять, так стреляй, нечего разговоры разводить. Не в Верховной раде.

– Хемуль, ты меня не учи детей делать, – угрюмо хмыкнул Патогеныч.

Черное жерло пистолетного дула гипнотизировало меня, не давало отвести взгляд. Наверное, я смотрел на него, как кролик на удава. Поймав себя на этом, я усилием воли скосил глаза, скользнув взглядом мимо Патогеныча, замершего в воротах полуразрушенной фермы. Краем глаза зацепил видневшийся через пролом в стене лес вдаль, полуразрушенный железный шлагбаум, насмерть проржавевшие останки древнего «ЗИЛа», который когда-то

был припаркован на хоздворе, да так навсегда там и остался, закрутившиеся огромной пенной спиралью причудливые облака в пронзительно-синем небе. Подсознательно каждую секунду ожидая выстрела, придиричливо оглядел серые стены помещения. Все, что находилось внутри, было либо серым, либо черным, либо паутиной. Всеобщая разруха, мерзость запустения. Войдя в этот чертов коровник, я еще от входа заметил на стене плотоядный гриб-невидимку, вздувшийся уродливым наростом посреди неряшливых сырых пятен на потемневшей от старости штукатурке, но потом меня отвлекли начавшиеся крутые неприятности, и я теперь никак не мог вспомнить, где именно он сидит: поганое хищное растение идеально сливалось с окружавшей его серостью, чернотой и паутиной. Впрочем, какое мне теперь до него дело, если секундомер моей жизни, похоже, отсчитывает последние сладостные мгновения? Какими все-таки пустяками всегда забита голова в моменты смертельной опасности...

Не верьте тем книжным романтикам, которые утверждают, что за миг до смерти перед глазами человека проходит вся его жизнь. Чепуха, авторитетно заявляю как эксперт в данном деле. В этот момент в совершенно пустой голове болтаются только пара одиноких мыслей про спрятавшийся гриб-невидимку и обожженное жгучим пухом плечо, а также дурацкое мимолетное сожаление по поводу того, что куча денег за драгоценный артефакт, из-за которого ты сейчас почти наверняка останешься лежать здесь с простреленной башкой, благополучно промарширует мимо тебя. Да еще истерично мерцающее на краю сознания, как зеленый человечек на светофоре: «Нечестно! Нечестно!» Всякие умники-новички наивно полагают, что настоящий крутой сталкер должен думать исключительно мужественным матом, особенно в критических ситуациях, а слово «нечестно» годится разве что для детского сада или подростковых повестей; ступайте к дьяволу, умники. Почему-то все окрестные земли усеяны вашими костями, а не моими.

Впрочем, какая разница, если конец все равно один. Топтал я Зону во много раз дольше вас, умники, а что толку?

Я устало закрыл глаза, не в силах больше видеть многолетнюю пыль и паутину вокруг. Выстрела все еще не было. Неправильно это, когда последнее, что видишь перед смертью, – пыль и паутина. Есть в этом какая-то высшая подлость.

Как только зрение перестало передавать в мозг свои восемьдесят процентов информации, сразу обострились все остальные чувства. Иногда я пользовался этим приемом, когда не мог понять, что именно тревожит меня на маршруте, почему я никак не могу сделать следующий шаг по тропе, хотя глаза не различают ни малейшей опасности. Часто это срабатывало, и я быстро обнаруживал источник тревоги.

На грани слышимости тут же обозначился далекий гул винтов – патрульный вертолет миротворцев барражирует над Свалкой. Едва ли он направится в нашу сторону, тут же автоматически щелкнул аналитический центр в моей голове: закладывает вираж над Собачьей деревней в сторону Периметра. Тянет пронзительно-горелым и чем-то кислым от трупа псевдоплоти, валяющегося в соседнем стойле. Ребристая поверхность головки болта в пальцах. Зачем мне теперь болт? Ладно, пусть будет. Умереть с болтом в руках – мечта любого сталкера! Прекрасная героическая фраза, по уровню идиотизма вполне заслуживающая быть вставленной в мультфильм про страуса. Тяжелое прерывистое дыхание Патогеныча, отчетливо доносящееся даже с такого расстояния. Неплохо бы ему наконец бросить курить, не то рак легких в ближайшие несколько лет сведет его в могилу. А ведь не так-то просто выстрелить в своего старого боевого товарища. Ломает, брат, правда? Выстрела все еще не было. Интересно, я успею услышать выстрел или умру быстрее, чем его грохот догонит убежавшую вперед пулю?..

И еще тонкий отвратительный звук в окружившем меня непроглядном мраке – прямо передо мной. Едва уловимый, на грани слышимости, перекрываемый даже шепотом травы под порывами ленивого ветра, но от этого не менее зловещий и неприятный – словно кто-то снова и снова ударяет смычком по обратной стороне двуручной пилы, и ее изгибающееся полотно тонко вибрирует, плачет и поет неестественным голосом, захлебываясь и

всхлипывая, словно неземное существо с четырьмя пулевыми ранениями в груди.

Решив все-таки, что дожидаться выстрела с закрытыми глазами неконструктивно, я снова устался точно в дуло «беретты». Привет, родная.

А начинался этот поганый день совсем неплохо. Заночевав в баре «Сталкер», мы с Патогенычем рано утром вдвоем выдвинулись на Милитари. Солнце пекло как бешеное, даже не верилось, что уже глубокая осень. Впрочем, в Зоне всегда глубокая осень, даже поздней весной. Последний выброс был давно, так что до Милитари у нашего клана уже имелась более или менее провешенная тропа – не то чтобы совершенно безопасная, но, по крайней мере, минимально обозначенная на местности. Другой вопрос, что дальше, на севере уровня, куда мы сейчас направлялись, аномалии всегда стояли стеной, и даже самые матерые ветераны предпочитали не забираться сюда поодиночке или в паре. На Милитари часто рождаются хорошие артефакты, но такой риск все равно не оправдан. Для вылазки требуется пять-шесть минимально обученных отмычек, на всякий случай. Для собственного спокойствия. И опытный помощник ведущего. Опять же и от мародеров с кабанами чтобы можно было без особого труда отбиться, если что.

Однако когда несешь в контейнере жутко дорогой артефакт, а вокруг тебя пять-шесть непредсказуемых стволов, ситуация выходит довольно двусмысленная. Да и хабар приходится потом делить на всех, если ведешь с собой полдюжины отмычек. Не сказать, чтобы мы с Патогенычем по жизни были патологически жадными, но, когда он плюхнулся рядом со мной на высокий табурет бара «Шти» и выложил на стойку распечатку битого файла с ПДА одного погибшего бродяги, труп которого обнаружил неподалеку от брошенной военной базы, я сразу понял, что отмычки нам в этом деле ни к чему.

Судя по всему, сталкер из клана «Чистое небо» ходил на Милитари один. Иначе было бы непонятно, почему напарники бросили его тело в Зоне прикованным жадинкой к бетонной плите, со всем оружием и снаряжением, а также столь ценной информацией. За его портативный компьютер Патогеныч, кстати, получил некоторые деньги от системного гения Че; тот наверняка огреб вдвое больше, продав его «Чистому небу», но это уже не наш бизнес. Вот только предварительно мой коллега пошарил в ПДА покойника и скачал себе всю любопытную информацию, которая нашлась в электронной памяти. А один битый файл из корзины и вовсе затер – так, на всякий случай.

Внимательно изучив распечатку этого самого файла, я поднял глаза на Патогеныча:

– Это именно то, о чем я думаю?

– Пес тебя знает, о чем ты думаешь, – резонно отозвался Патогеныч, поднимая тремя пальцами стопку прозрачного. Выпив, задумчиво крикнул, поставил стопку на стойку и постучал ногтем по листу бумаги передо мной: – Но вот это должно быть страшно интересно, брат.

Я уже и сам понял. Так спросил, на всякий противопожарный случай. На распечатке были снимки участков местности и показания детектора аномалий. Очень размытые снимки и очень приблизительные показания детектора аномалий. Однако этого уже хватало, чтобы рискнуть. Кипятить твоё молоко!.. Паренек из «Чистого неба» оказался вполне опытен, чтобы сообразить, что именно может означать такое расположение аномальных полей, но недостаточно опытен, чтобы не делать по этому поводу никаких записей на ПДА. А может быть, он сам ничего не понял и специально записал данные, чтобы потом показать их какому-нибудь ветерану и выяснить поточнее, что означает такая удивительная картина. А означала она одну простую, но немаловажную вещь: богатство. Или мгновенную смерть – ну, это уже как карта ляжет...

– Яйцо, – сказал я, деловито придвигая к себе свою порцию прозрачного.

– Точно, – проговорил Патогеныч, отобрав у меня распечатку и тщательно упрятав ее во внутренний карман джинсовой куртки. – Еще громче крикни, собака, а то, может, еще не все в баре тебя услышали.

– Опасное дело, – сказал я, из вежливости понижая голос, хотя и так уже говорил почти шепотом. – Бочка с порохом.

– Куча денег, – немедленно отозвался Патогеныч. – Две кучи денег. Последнее яйцо было обнаружено три года назад. Стало быть, три кучи денег.

– На двоих, – на всякий случай уточнил я, чтобы потом не возникло какого-нибудь трагического недопонимания между компаньонами.

– Понятное дело. Четыре кучи денег на двоих. Молодняк внутрь не пошлешь, весь попередохнет на первых же шагах, а если они не пойдут внутрь – на кой хрен вообще брать их с собой? Деньги девать некуда? А лишний ветеран погоды не сделает, будет только мешаться.

– Нужно сначала договориться с Бубной, – озабоченно проговорил я. – У него может просто не оказаться при себе столько карбованцев, когда мы притащим ему эту штуку. Пусть приготовит нужное количество денег заранее.

– И надо сразу просчитать и договориться, как будем уходить из бара с такой суммой, – добавил Патогеныч. – Тут возможны всякие неожиданности. И как потом этой суммой распорядиться. Потому что распорядиться надо будет предельно быстро, слухи пойдут моментально...

На этом предварительные переговоры закончились, потому что на соседний табурет за стойкой приземлился Фаза. Хороший человек – Фаза, но зачем ему знать про чертово яйцо? Вот и я говорю: совершенно незачем хорошему человеку Фазе знать про чертово яйцо.

Через Периметр мы с Патогенычем прошли как нож сквозь масло. Красиво. После достопамятного грандиозного прорыва военные пока так и не сумели полностью восстановить целостность первой линии обороны, поэтому особых проблем у нас не возникло. Мы аккуратно вскрыли забор из колючей проволоки, аккуратно залатали дыру, в ударном темпе преодолели минное заграждение и успели раствориться в лесу, прежде чем со стороны Чернобыля-4 донесся стрекот патрульных вертолетов – то ли летящих по нашу душу, то ли совершающих плановый облет территории.

Подстраховывая друг друга, мы пересекли по короткой диагонали Свалку, успешно миновали Агропром, без особых приключений обогнули по берегу Янтариное озеро и выбрались к бару «Сталкер». Здесь заночевали, потому что в Зону мы вошли вечером, наскоро собравшись сразу после военного совета в «Штах». Лезть в лабиринт аномальных полей ночью, в кромешной тьме – нет, спасибо, я знаю более изящные способы самоубийства. Зверья на маршруте нам встретилось негусто: Большой Прорыв забрал слишком много биомассы, которую пожгли на подступах к Киеву военные, и теперь твари усиленно плодились и размножались где-то в глубинах Зоны, у Четвертого энергоблока, пытаясь восстановить свою былую численность. За всю вылазку мы подстрелили лишь псевдоплоть, кабана, трех слепых собак недалеко от Собачьей деревни и троих мародеров. В общем, до самого Милитари не израсходовали и по рожку патронов. Курам на смех.

Мародеры зачем-то напали на нас на окраине Свалки, хотя было очевидно, что мы пустые идем в Зону, а не возвращаемся с хабаром. Впрочем, с нас и без того было что снять: с первого взгляда становилось ясно, что люди идут бывалые, обстоятельные, экипированные по всем правилам. Пары наших ПДА уже хватило бы, чтобы скромно посидеть в баре «Шти». Плюс датчики аномалий, плюс оружие, плюс крепкие ботинки, в которых удобно топтать Зону. Однако с первого же взгляда должно было быть видно, что связываться с такими серьезными людьми себе дороже. Я бы, честно говоря, не удивился, если бы узнал, что мы обнаружили мародеров на несколько мгновений раньше, чем они нас. Все-таки мы с Патогенычем досконально знаем все места на Свалке, где можно устроить правильную засаду. Короче, едва только завязалась перестрелка, мы сразу пришили двоих короткими очередями к деревьям, за которыми они прятались. Третий пытался уйти, но целеуказатель моего «хопфула» не подвел и на сей раз. Не зря я забрал эту игрушку у Хе-Хе перед тем, как он навсегда покинул Зону. Машинка охотно жрала стандартный сорок пятый патрон от «М-16», так что проблем с боеприпасами у меня не возникало.

На трупах мародеров мы не обнаружили почти ничего интересного и реквизировали только патроны, полбутылки водки и початую пачку сигарет. Те копеечные артефакты,

которые мы вытряхнули из их контейнеров, не окупил бы даже усилий, чтобы за ними нагнуться, тем более в такой день, когда мы направлялись за чертовым яйцом. Заплесневелым полубатоном копченой колбасы, полупустой аптечкой и промокшей, разваливающейся буханкой хлеба мы, естественно, тоже побрезговали.

Уровень Милитаря, как по заказу, был прикрыт не полностью. За последние трое суток часть практически сплошного аномального фронта, рассекавшего его территорию почти пополам всю последнюю неделю, сместилась к северо-востоку. Половина контактных пар оказалась полностью разряжена. Нам это все было на руку, однако имелся риск, что при таких раскладах редчайшее пересечение разнородных аномальных полей в интересующей нас точке тоже распалось. Поскольку мы шли наугад, не уверенные даже на пятьдесят процентов, что удачное стечение обстоятельств вообще породило драгоценный артефакт, такие новости не прибавляли нам оптимизма.

Впереди раскинулся давно заброшенный животноводческий комплекс крупного фермерского хозяйства. В те времена, когда случился первый взрыв, они назывались как-то смешно – не то кибуцы, не то клохозы. Короче, какое-то еврейское слово. Три корпуса помещений для животных были расположены на местности гигантской буквой П. На огороженном невысоким бетонным забором хоздворе высились покосившимися бесформенными горами брошенные грузовики, проржавевшие до основания, в углу виднелся завалившийся набок трактор «Беларусь». И совсем рядом – новенькая, блестящая на солнце «Нива», словно вчера сошедшая с конвейера. Вот только такую модель не выпускали с прошлого века.

Мы залегли за пригорком и тщательно изучили коровники в армейский бинокль Патогеныча. Вот оно, это место. Все сходится. Именно эту бетонную букву П запечатлел покойный сталкер, и чуть ли не с этой же самой точки. Факт. Вот электроподстанция, вот домик с бывшими офисными помещениями, вот ручей, вот огромное уродливое дерево, словно скрученное гигантскими руками. А вот аномальное поле. Датчик будто взбесился: согласно его показаниям, на территории животноводческого комплекса мясорубки налезали на птичьи карусели, трамплины сталкивались с гравитационными плешами, а над всем этим безобразием парили жарки. Разумеется, так не бывает, разнородные аномалии никогда не соприкасаются друг с другом, между ними всегда остается проход. В сплошные непроходимые полосы сливаются только однотипные ловушки, и то далеко не всегда. Теперь лишь оставалось выяснить, насколько широки эти самые проходы между аномалиями – допустим, протиснется ли в них сталкер несколько крупнее средних размеров.

Пока мы добирались до места, я в основном шел впереди. Таков сталкерский закон: если тебя взяли в долю на вылазку за богатым хабаром, будь любезен отработать. Вопросов нет. Но когда мы достигли цели, отработка закончилась. Теперь предстояла самая сложная часть миссии, поэтому мы с Патогенычем в настоящий момент были на равных. Иначе получилось бы, что он взял меня в качестве отмычки, чтобы загрести жар чужими руками; но я умею зарабатывать и менее рискованными способами. То есть я готов и на достаточно серьезный риск, но когда работаю сам на себя, а не на постороннего дядю. Даже если этот дядя – Патогеныч.

– Ну, что? – негромко спросил коллега, не отрывая взгляда от полуразрушенного коровника. – На «камень – ножницы»?

– Идет.

Всем известная с детства игра: противники одновременно выкидывают вперед правые руки. Рука либо сжата в кулак – «камень», либо раскрыта – «бумага», либо вытянуты два пальца – «ножницы». Ножницы режут бумагу, бумага заворачивает камень, камень тупит ножницы. Все предельно просто.

Глупец в первом туре скорее всего выкинет «камень». Он наивно полагает, что «камень» – это нечто незыблемое, солидное, самая сильная позиция в игре, однозначно превосходящая и хрупкие «ножницы», и тонкую непрочную «бумагу». Однако это иллюзия, все знаки в данной игре равны: каждый из них бьет один знак и бьется другим. Ни у одного

из них нет абсолютно никакого преимущества – но, даже если глупец способен постичь это умом, на подсознательном уровне он все равно будет стремиться к «камню» как к символу мощи и непоколебимости. Поэтому умный, но неопытный человек в первую очередь непременно выкинет «бумагу». Это простейшая, интуитивно понятная логическая задача – мат в один ход.

Учитывая это, умный и опытный человек в игре с глупцом или ребенком выкинет «бумагу», а в игре с умным, но неопытным – «ножницы». Мат в два хода.

Мастер игры, рассчитывая комбинацию на несколько ходов вперед, должен очень тонко и безошибочно определить степень ума, способность к анализу и опыт противника. В игре с умным и опытным соперником он вначале непременно выкинет «камень» – но только в том случае, если убедится по косвенным признакам, что противник способен просчитать ход игры не более чем на два хода. Для большинства людей это предел расчета многоходовки в бытовых условиях – дальше они уже начинают сбиваться и путаться, – так что мастер особо не рискует. По крайней мере, его шансы на победу оказываются куда выше, чем у противника.

В игре мастера с мастером правил на первый ход нет. На первом ходу все решает слепая случайность. Впрочем, следует все же иметь в виду, что вероятность выпадения «камня» в такой ситуации чуть ниже, чем двух других знаков, – из тех же соображений, из каких глупец или ребенок скорее всего сразу же выкинет «камень»: подсознательно мастер старается не повторять эту примитивную ошибку. Однако это тоже ошибка, поскольку такое поведение от обратного другой мастер может вычислить и воспользоваться этим. Основная задача в игре с мастером – не дать ему подловить себя на какой-либо поведенческой закономерности, которую он сумеет обратить себе на пользу.

Мастера игры – тонкие психологи и порой способны предсказать до девяноста процентов символов, которые выбросит неопытный противник. В научных исследованиях такой результат наверняка признали бы экспериментально доказанным ясновидением.

Одним словом, на первом ходу мы с Патогенычем выкинули двое «ножниц».

Так; вот теперь другое дело. Первый ход – это как «e2 – e4» в шахматах: до него никакая разработка стратегии невозможна, а вот после – широчайшее поле комбинаций. Однако, в отличие от шахмат, длинные дебюты, розыгрыши и защиты тут неприменимы: каждый следующий ход может оказаться последним. Это суперблиц, выигрывает не тот, кто умеет кропотливо выстраивать сложные и хитроумные ловушки, а тот, кто точнее и быстрее сумеет просчитать ход мысли противника. И разумно рискнуть в соответствии со своими расчетами.

В следующем раунде я снова выбросил «ножницы», а Патогеныч – «камень».

Один – ноль.

Так. В третий раз подряд «ножницы» вряд ли выпадут, это уже будет четкая закономерность; однако есть небольшая возможность, что желающий сбить меня с толку своей непредсказуемостью Патогеныч решит выбросить именно их. Я внимательно смотрел на противника. Нет, вряд ли; он явно понимает, что я теперь настороже. Возможность «ножниц» мизерна, поэтому я ее в расчет не принимаю. Значит, «камень» или «бумага». «Камень» или «бумага»? Если я, по его мнению, ожидаю третьих «ножниц», будет «бумага», чтобы завернуть мой «камень». Если же нет и я, коварная бестия, сам собираюсь выбросить «ножницы», чтобы сбить противника с толку, то выпадет «камень».

Глядя прямо в непроницаемое лицо соперника, выкидываю «бумагу». У Патогеныча «камень». Ну, еще бы, старый лис. Кого ты хотел обмануть.

Игра продолжается до трех побед. Мы скрипим мозгами, усиленно просчитывая варианты, пытаюсь поступать максимально непредсказуемо, но при этом ловить соперника на его собственных просчетах и не попадаться на вражеские уловки. Восхитительная работа для аналитических центров мозга, словно спаррингуешь одновременно с двумя раскачивающимися макиварами – тебе необходимо поразить одну и одновременно увернуться от второй. Здорово развивает абстрактное мышление.

Следом опять выпадает двое «ножниц», затем Патогеныч возвращает мне плюху, заворачивая мой «камень». Два – один не в мою пользу. Следом выпадают два «камня». Две «бумаги». Два «камня». Затем я сравниваю счет, затупив «ножницы» Патогеныча. Необходимо также держать в голове все ходы, всю последовательность символов, выпавших прежде, – из этого тоже можно выделить необходимые для победы закономерности в поведении соперника.

Напряжение растет, зрители на трибунах благоговейно замерли.

Двое «ножниц».

Два «камня».

Двое «ножниц».

Две «бумаги».

– Перекур? – предлагаю я. Патогеныч мотает бородой, смотрит на меня исподлобья. Просчитывает в уме комбинации.

Своей репликой я не просто сбиваю ритм игры и отвлекаю его от анализа. С перекуром связано много вторичных ассоциаций. Папиросная бумага, картонная пачка сигарет, бумажные рекламные плакаты, клочок газеты на раскурку. Утираю взмокший лоб, тяну время, пристально смотрю на Патогеныча. Через несколько секунд ассоциация должна прочно внедриться в подсознание противника. Знаете, как бывает, когда случайно слышишь название какой-нибудь популярной песни или группы, а через несколько минут вдруг ловишь себя на том, что намурлыкиваешь знакомый мотивчик. Начинаешь раскручивать ассоциативный ряд – и понимаешь, откуда что взялось. Но это уже потом, на уровне сознания. Вначале подсознание послушно извлекает из своих пыльных архивов этот самый мотив и подсовывает его тебе – на, хозяин! Ты ведь про это говорил?..

Если все пойдет правильно, Патогеныч даже и не сообразит сперва, почему вдруг выкинул «бумагу». Решит, что это стало результатом его собственного хитроумного анализа.

Уверенно выбрасываю «ножницы» – и получаю в ответ такие же. Нет, дохлое дело – ловить старую опытную щуку на голый крючок. Патогеныч – это вам не Енот, которым можно манипулировать как угодно. Если, конечно, хорошо знать его слабые места.

И все же надо попробовать еще раз. Двое «ножниц» в третий раз с шагом в один тур – это уже устойчивый логический ряд, а первая задача мастера в этой игре – разрушить всякую внешнюю логику своих действий, чтобы противник не сумел их просчитать. И сейчас Патогеныч наверняка постарается как раз это и сделать. Скорее всего, нужная ассоциация уже прочно угнездилась в подсознании моего коллеги, закрепленная еще и выпавшими последними «ножницами» – предметом, в реальной жизни тесно связанным с той самой бумагой.

Снова, не задумываясь, выбрасываю «ножницы» – и напарываюсь ими на «камень» Патогеныча.

О как. Ну, стало быть, я сам себя перехитрил.

– Мелковат против баты, собака, – флегматично прокомментировал коллега, засовывая руки в карманы.

– Смотри не тресни от осознания собственной значимости, – буркнул я.

Мы неторопливо спустились с холма к коровнику, как те три быка из анекдота – правда, нас было только двое, но троих мы определенно стоили. Остановились в полусотне метров от ближайшего здания, придиричиво разглядывая его шероховатые, облупившиеся от непогоды стены, покрытые причудливыми сиреневыми лишайниками. За пределами Периметра таких лишайников не попадаетеся – идеально круглых, с губчатой поверхностью и ореолом острых зубцов по краям. Так и кажется, что вот-вот тяпнет за руку.

– Ну, что? – поинтересовался Патогеныч. – По приборам пойдешь?

– Есть другие предложения? – вяло огрызнулся я.

Других предложений не последовало.

Я снял перекинутый через плечо «хопфул» и аккуратно положил его на траву. Сбросил с плеч лямку рюкзака и поставил его рядом: чем меньше будут мои габаритные размеры, тем

лучше. Неизвестно, насколько узки щели между аномалиями, через которые мне придется пролезать. Отдал Патогенычу все имевшиеся у меня датчики и свой ПДА: еще не хватало, чтобы они притянули блуждающий разряд, когда я стану протискиваться вплотную к мясорубкам. Из оружия оставил себе только штык-нож в ножнах из диэлектрика.

– Хорошей работы, бродяга, – напутствовал меня Патогеныч, заняв такую позицию, чтобы было удобнее фиксировать по датчикам аномальные поля, окружающие коровник. Это и называется «идти по приборам»: ведомый в особо опасном месте движется предельно осторожно, полагаясь только на свои органы чувств, стараясь увидеть, услышать и ощутить в окружающем пространстве затаившуюся опасность. Потому что продвигаться, глядя одновременно на датчики и по сторонам, не самая лучшая идея – непременно что-нибудь упустишь, не там, так здесь. Чтобы не случилось такой беды, ведущий внимательно следит за световой меткой приятеля, движущейся по экрану датчика аномалий, и подает ведомому команды голосом – куда сместиться, где притормозить, куда свернуть. Ведомый же полностью раскрывается навстречу Зоне и корректирует передаваемые ведущим данные в соответствии с собственными ощущениями. Естественно, с обычным новичком-отмычкой такой номер не пройдет: опыта у него с собачий хрен, поэтому на свое чутье он полагаться не может и должен строго выполнять все команды ведущего. Чтобы уметь уверенно и относительно безопасно идти по приборам, ведомый должен топтать Зону как минимум года два. Про ведущего уже и не говорю.

Я медленно двинулся к полуразрушенному строению, делая короткие, едва заметные шажки. Шаг. Шаг. Шаг. Полоса выгоревшей, пожелтевшей травы справа, четко выделяющаяся на фоне буро-зеленого, напитанного дождевой влагой дерна. Пустяки, далеко; и Патогеныч молчит. На десять часов потрескивает маленькая мясорубка, покусывая крошечными фиолетовыми молниями раскачивающуюся на ветру травинку, покрытую каплями росы. Мясорубки – странное название для электрических аномалий; на самом деле когда-то так называли нынче уже начисто исчезнувшие ловушки, которые медленно и деловито перемалывали людей в фарш с обломками костей. Почему их название перешло к этим полусферам-молниям, появившимся чуть позже, – черт его знает. Бродяги из «Чистого неба» называют их «электро», «должники» – «розетками», «свободные» – «батареями». Тоже не бог весть что.

Шаг. Шаг. В широком дверном проеме покачиваются на сквозняке длинные спутанные сосульки ржавых волос, напоминающие бороду кровососа: значит, при входе придется поклониться Хозяевам Зоны, чтобы не обжечь голову, и при этом надо внимательно смотреть под ноги, чтобы не наступить на оторвавшиеся и упавшие вниз куски рыжих сосулек. Ботинки совсем новые, будет обидно. До вечера разъест насквозь. Шаг. Шаг. Шаг. Слева проплывает внушительный круг сплюсненной и вмятой в грунт травы, и рядом, рукой достать, – щедрая россыпь «волчьих слез». Разумеется, я за ними не нагибаюсь. Один из главных сталкерских законов: когда идешь на крупное дело, не отвлекайся на пустяки, не разменивайся по мелочам, не жадничай – целее будешь. Черный Сталкер жадных не любит.

Шаг. Шаг. По моим прикидкам, я уже двигался через невидимые аномальные поля, однако Патогеныч по-прежнему молчал. Я даже собирался окликнуть его – не уснул ли, – когда он наконец подал голос:

– Лево три. Карусель.

Я послушно принял правее, хотя и не различил слева никаких признаков птичьей карусели. Но вряд ли Патогеныч просто решил испытать мою покладистость.

– Два-двенадцать, – донесся до меня голос Патогеныча. – Круги. Три-девять. Ждем.

Повинуясь командам ведущего, я отвернул от входа в коровник, хотя до него оставалось всего метра три, казалось бы, совершенно чистого пространства.

– Переворот, – продолжал командовать Патогеныч, используя терминологию, принятую в нашем клане для того, чтобы обозначать малейшие повороты и движения на пересеченной местности. – Одиннадцать. Ждем. Право пять. Трамплин. Право два. Стоп! Куда прешь, собака! Восемь, право два!..

В результате я крошечными шажками описал внушительную дугу перед входом, обогнув потрескивающую от утренней сырости мясорубку и еще что-то невидимое – похоже, еще одну птичью карусель, потому что на свободном пятачке пространства у стены валялись какие-то неопрятные комки, похожие на разорванный в клочья трупик вороны. Затем снова свернул к воротам коровника. Со стороны мой безумный маршрут, наверное, выглядел трассой слалома. Но тут уж ничего не поделаешь. Хорошо, если в сплошном аномальном поле вообще есть проход внутрь, иначе нам придется возвращаться ни с чем.

Патогеныч продолжал вести меня невидимым коридором между смертельно опасных ловушек. Я протиснулся вплотную к дремлющей птичьей карусели, ощутив на лице ее ласковое дыхание. В затылке у меня пульсировала ледяная игла, покалывало кончики пальцев, волосы на загривке стояли дыбом, в глаза словно насыпали сухого песка – организм чутко реагировал на слишком близкое присутствие разнородных аномалий. Один я бы тут вряд ли прошел. Сейчас любой шаг в сторону, любое неправильное движение могли стать для меня последними. Я был сосредоточен, собран и внимателен. Я внимательно прислушивался к собственным ощущениям, стараясь не пропустить ни малейшего шороха, ни малейшего изменения в окружающем пространстве.

– Право семь. Ждем, – деловито командовал Патогеныч. – Ждем. Трамплин. Два-десять. Круги. Лево восемь...

Я уже начал выполнять его последнюю команду, но замер как вкопанный, сделав лишь полшажка. Даже не поставил ногу на землю.

– Лево восемь, – повторил Патогеныч на всякий случай, хотя уже понял, что я торможу не просто так.

Я очень медленно, аккуратно опустил ногу. Ничего страшного не случилось. Я напряженно вглядывался в участок земли прямо перед собой, поросший высокой, уродливо искривленной тимофеевкой. Он совершенно ничем не отличался от соседних. Не обнаружив ничего примечательного, я начал вертеть головой по сторонам, пытаюсь обнаружить близкую контактную пару или какой-либо признак наличия другой аномалии. Безрезультатно.

Однако откуда же такое жуткое, почти физиологическое нежелание идти вперед? Вправо – пожалуйста. Влево... нет, влево не пойду, там мощный гравиконцентрат: подтащит к себе и расплющит об землю, пискнуть не успеешь. Назад – тоже нежелательно: нельзя сталкеру возвращаться тем же путем, каким пришел, почти наверняка гробанешься. Короче, иди вперед и не парься...

Нет, не могу.

Я достал из нагрудного кармана болт и кинул его перед собой. Болт торчком воткнулся в мокрую глину. Да нет, конечно, не гравиконцентрат, даже не жадинка – просто сырая глина. Вот он, собака, и воткнулся...

– Там точно ничего нет? – придушенным голосом спросил я.

– Чисто на три метра, – уверенно отозвался Патогеныч. – Что, брат, плющит?

Старый ветеран лучше, чем кто-либо, понимал, что сталкерским предчувствием пренебрегать никак нельзя. Может, просто подсознание шалит, а может, в самом деле уберегает от вполне реальных опасностей, которые иначе никак не определишь.

– И колбасит, – сдавленно отозвался я.

– Девять-двенадцать, – тут же без колебаний проложил новый маршрут Патогеныч.

Я двинулся вправо, проклиная свою интуицию. Если бы не она, я бы уже через десяток шажков оказался у ворот фермы.

А может быть, валялся бы сейчас на этом самом месте, насквозь пробитый мощным электрическим разрядом. Нет, ну его к монахам, лучше потихонечку, кружным путем, но вернее.

Когда-то сталкерские кланы пытались использовать в Зоне специальных саперных роботов – такие дистанционно управляемые игрушки с большим успехом разминируют неразорвавшиеся боеприпасы в горячих точках и мины террористов. Но эта мода быстро прошла, когда несколько возмутительно дорогих роботов были потеряны на ровном месте.

Находящийся на безопасном расстоянии оператор через специальную камеру и телеметрические датчики видит то же, что и машина, но слишком много параметров остается для него за кадром – внезапное дуновение горячего ветра, странное ощущение покалывания в кончиках пальцев, вонзающаяся в затылок ледяная игла, тончайшее сталкерское предчувствие, которое не распространяется на железяку, набитую электроникой.

Я блуждал в лабиринте аномалий еще минут пять, пока наконец новая безопасная трасса не вывела меня прямо к распахнутым настежь воротам коровника. Осторожно заглянув внутрь, я внимательно осмотрел помещение, машинально отметив, что неподалеку от входа на правой стене сидит плотоядный гриб-неведимка.

Коровник напоминал длинный ангар или пустой склад, поделенный деревянными и металлическими барьерами на ряды загонов для животных. Кормушки в стойлах давно проржавели до основания, силос в них превратился в бугристую каменную массу. По помещению лениво разгуливал ветер, проникавший через выбитые окна, прохудившуюся крышу и внушительный пролом в стене. Внутри было достаточно светло, чтобы я сумел разглядеть несколько гравиконцентратных плешей, стянувших к себе и впечатавших в бетонный пол остатки прелой соломы. Ближние загородки были заметно выгнуты в их сторону.

Ну, вот. Четверть дела сделана.

Интересующее нас сочетание аномальных полей располагалось в дальнем конце коровника. Ничего не поделаешь. Если ценный артефакт имеет хоть малейшую возможность оказаться в наиболее неудобном и опасном месте, то именно там он и окажется, будьте уверены. Я даже не стал расстраиваться по этому поводу, потому что с самого начала знал, что так все и будет.

У самого входа мне пришлось исполнить почти цирковой трюк. Дверной проем перегородили небольшой гравиконцентрат и мясорубка, между которыми остался проход сантиметров в тридцать шириной. Патогеныч вывел меня на стартовую позицию, я обозначил границы аномалий болтами, а затем боком, втянув живот, малюсенькими приставными шажками двинулся между ними. Положение еще усугублялось длинными космами ржавых волос, спускавшихся с притолоки: мне пришлось чуть пригнуться, чтобы не зацепить их головой. Мясорубка заискрила за моей спиной, когда я протиснулся в опасной близости от нее, но для полного разряда я, видимо, приблизился недостаточно.

До дальнего конца помещения я добрался минут за двадцать, хотя расстояния там было всего шагов сорок. Мне приходилось подолгу кружить на одном месте, повинуюсь командам Патогеныча, перелезая через барьеры, протискиваясь в узкие щели между смертельно опасными участками. В одном месте я даже преодолел пару метров на руках, цепляясь за низко нависающую потолочную балку и поджимая ноги – понизу могла ударить струей пламени горизонтально ориентированная жарка.

В дальнем углу обнаружился ссохшийся, почти мумифицированный труп псевдоплоти, перед которым лежала куча здоровенных, дочиста обглоданных костей – я так думаю, коровьих, потому что кости крупных мутантов имеют куда более причудливую форму. Одна кость торчала из сморщенного ротика псевдоплоти. Не знаю, эвакуировали ли отсюда животных после первой аварии. Вряд ли – транспорта едва хватало, чтобы вывезти людей. Значит, несчастные коровы остались здесь. Едва ли их разлагающиеся туши валялись до второго взрыва, чтобы стать добычей мутантов, все-таки с тех пор до него прошло двадцать лет, а до настоящего момента все сорок – так что они еще в прошлом веке достались бродячим собакам. А еще скорее, их убрали после первой аварии спецотряды ликвидаторов, соорудив неподалеку от заброшенного животноводческого комплекса крупный скотомогильник, который четыре десятка лет спустя раскопали и разорили слепые собаки – вот откуда тут эти кости.

Для псевдоплоти коровник стал смертельной ловушкой. Голыми твердыми костями сыт не будешь. Она наверняка попала сюда во время очередного выброса – может быть, случайно, а может быть, пыталась укрыться. Я не знаю, прячутся ли мутанты от выбросов,

как люди, или для них это как легкий летний дождик. Боюсь, никто этого не знает. По крайней мере, вылезти наружу во время этого локального катаклизма и посмотреть дураков не находится, а те, что все-таки осмеливаются вылезти, больше никогда никому и ничего не расскажут. В любом случае после выброса аномалии поменяли свое расположение, на чистых прежде местах возникли новые ловушки – и псевдоплоть оказалась заперта в этом проклятом коровнике. Псевдоплоти – очень чуткие и осторожные твари, в отличие от собак, они крайне редко попадают в аномалии, и если эта не учуяла обратного прохода в почти сплошном аномальном поле, значит, его для нее и не было. Там, где вплотную к смертоносным аномалиям бочком протиснулся я, не смогла бы пройти псевдоплоть, вдвое превосходившая меня по ширине. Тварь долго ждала, когда проход наконец откроется, пока наконец не сдохла с голоду.

Я осторожно покрутил головой. Вот оно. Две большие мясорубки, сросшиеся боками, их видно даже невооруженным глазом. Сбоку лениво крутит пыльную спираль птичья карусель. Чуть дальше – трамплин, ближе ко мне – гравиконцентрат средних размеров. Все это сосредоточено на крошечном пятачке пространства, все это многоголовой гидрой дышит, пульсирует и ждет идиота, который подойдет поближе. И генерирует уникальное аномальное поле, способное породить драгоценный артефакт.

– Прибыли на место! – донесся снаружи вопль Патогеныча, подтверждая мои догадки.

Я задрал голову и, прищурившись, стал внимательно изучать крышу и потолочные балки. Чертово яйцо имеет отрицательный вес, поэтому искать его следует под крышами полуразрушенных зданий, под потолками подвалов, в плотных кронах деревьев, которые мешают ему взмыть в небо. Наверное, именно этим и объясняется крайняя редкость чертовых яиц: большая их часть после возникновения просто падает вверх и навсегда исчезает в космическом пространстве.

Нет, ничего не видно.

Впрочем, с этого места я мог наблюдать только часть перечеркнутой диагональными балками крыши. Я сообщил напарнику, что мне нужно покрутиться по территории, сделал еще несколько шагов, повинаясь доносившимся через окно командам невидимого Патогеныча: «Угол семь, ждем, право три, четыре-двенадцать!» – и приблизился к трупам псевдоплоти, придирчиво изучая волнистую шиферную поверхность у себя над головой.

После чего правый глаз мертвого мутанта, казалось, навсегда выпученный в предсмертной агонии, рывками повернулся и уставился на меня.

Глава 2 Псевдоплоть

– Мурлинап, – сварливо поведала мне псевдоплоть, пожевывая старческим ротиком коровью кость каменной твердости.

– И тебе того же, подруга, – негромко проговорил я, медленно отстегивая тонкий кожаный ремешок, который удерживал штык-нож от случайного выпадения из ножен.

Вот оно, значит, как. Бока у псевдоплоти были впалыми, как у мумии, и вся она выглядела как обтянутый сухой блестящей пленкой кожи собственный скелет – но с чего я взял, что она мертва? Голодна как черт – это наверняка. Мутанты Зоны – крайне живучие создания, а если их непросто убить пулей, отчего я решил, что их легко уморить голодом? Сколько она без пищи – две недели? Три? Когда там у нас был последний выброс? Такое и человек способен пережить.

Солишь твою капусту! Псевдоплоть труслива, и парой выстрелов я вполне мог бы заставить ее забиться в дальний угол коровника и не высовываться ближайšie четверть часа. Вот только стрелять мне не из чего, разве что из пальца, как тому страусу. А штык-нож против псевдоплоти – оружие несерьезное: ее передние зазубренные конечности, которыми она атакует противника, словно взбесившийся богомол, раза в полтора длиннее, чем моя рука с ножом. Нет шансов.

– Сталкер, почему встал? – донеслось снаружи. – Проблемы? Лево пять!

– Проблемы, брат, – негромко отозвался я. – Очень серьезные.

Псевдоплоть мигом отреагировала на дополнительный раздражитель, заскребла острыми костяными копытами в своем углу, пытаясь встать на ноги. Получилось у нее это, к моему неудовольствию, довольно резво. Похоже, надежду на то, что тварь ослаблена длительной голодовкой, можно было похоронить сразу.

– А? – крикнул Патогеныч. – Чего сказал?..

Мать твою. Если я гаркну во все горло, эта дрянь сразу на меня кинется. К счастью, Патогеныч оказался сообразительным парнем и сменил датчик, потому что тут же заорал:

– Хемуль, у тебя мутант прямо по курсу!

Ай, спасибо, дорогой товарищ. Прямо спас.

Псевдоплоть стояла напротив меня, пружиняще покачиваясь на зазубренных конечностях, несинхронно вращая выпученными глазами разного размера и бормоча неразборчивую чепуху. Со стороны могло показаться, что это неуклюжее причудливое создание, похожее на кошмарную помесь краба, медведя и свиньи, вовсе не собирается нападать. Однако на самом деле тварь просто сосредоточенно оценивала, годится ли этот двуногий верзила в пищу или лучше оставить его в покое. И я не сомневался, каковы будут результаты оценки: псевдоплоть сейчас атаковала бы и матерого кровососа – потому что слишком долго обходиться без пищи все-таки не могла, и инстинкт самосохранения гнал ее в самоубийственную атаку.

Пятиться было нельзя – кругом сплошной стеной стояли аномалии. Поворачиваться спиной к умирающему от голода мутанту – нельзя. Атаковать псевдоплоть с одним только штык-ножом – нельзя. Вот что хочешь, то и делай. Смотри, сколько возможностей.

– Проблемэбрат, – попугайски пробормотала тварь своим старушечьим голосом, лукаво зыря на меня одним глазом и медленно, очень медленно, на кончиках острых хитиновых копыт подбираясь все ближе. – Очуень сераёзна.

Тупая тварь, но сейчас она была прискорбно права.

Я крест-накрест махнул перед ней ножом, пытаясь отогнать, но псевдоплоть ножа не испугалась. Она замерла в паре метров от меня, покачиваясь на крабьих ногах, как на хороших рессорах, ее бугристые впалые бока тяжело вздымались и опадали, зловещая пародия на человеческое лицо, служившая ей мордой, непрерывно кривилась и дергалась, словно у сумасшедшего. Тварь безумно хотела жрать, и ей было наплевать на нож. Ей не терпелось приступить к завтраку.

– Пошла вон! – Я постарался напугать ее громким окриком, но добился противоположного результата.

– Мастабарру! – внезапно взвизгнула псевдоплоть, разом взмахивая зазубренными косами передних ног и подаваясь вперед.

Мне удалось уклониться от страшного удара, молниеносно развернувшись боком. Одна из хитиновых кос просвистела в нескольких сантиметрах от моего живота. Поняв, что промахивается, тварь мгновенно скорректировала направление движения своей лапы, чуть согнув локтевое суставное сочленение, и то с размаху садануло меня в низ живота. Крайне удачно садануло, надо сказать: еще бы на три пальца ниже, и мой драгоценный маленький сталкер очень серьезно пострадал бы. Впрочем, дух из меня все равно вышибло конкретно – напрямь пресс я, разумеется, не успел. Отлетев к загородке, пару секунд я хватал ртом воздух в бесплодных попытках вдохнуть, и тут меня, пожалуй, и можно было брать тепленьким, однако по инерции пролетевшая мимо тварь не смогла достаточно оперативно развернуться, чтобы полоснуть меня поперек груди своими ужасными пилами или вонзить мне в грудь заостренные копыта: нас по-прежнему почти вплотную окружали смертоносные аномалии, а занос у псевдоплоти сопоставим с заносом легкового автомобиля. Пока она, сосредоточенно поскуливая, отползала задом, чтобы сделать разворот на чистом месте, я уже перевел дух и быстро проскользнул мимо нее в угол, где она совсем недавно лежала бездыханной грудой костей, обтянутых кожей. Ловушек там не было наверняка, раз псевдоплоть ничего не учуяла

и не угодила ни в одну из них.

С грехом пополам развернувшись посреди коровника, бешеный мутант без какой-либо паузы снова бросился на меня – нетерпеливо сопя, издавая бессвязные вопли, дробно топоча по цементному полу острыми конечностями. Приблизившись на расстояние удара, тварь снова резво вскинула свои зазубренные сабли. Поднырнув под левую лапу чудовища, со свистом рассекая воздух, и задыхаясь от жуткой трупной вони, источаемой покрытым радиоактивными язвами телом твари, я выбросил вперед руку с ножом, судорожно пытаюсь достать соперника в глаз, но хитрая псевдоплоть тут же прыгнула назад. Чудом спасенный глаз в два приема, словно хамелеоний, повернулся и изучающее уставился на меня.

– Двурфсед! – уважительно оценила псевдоплоть мою отчаянную попытку и тут же повторила свою.

Два молниеносных удара с двух сторон мне удалось отбить штык-ножом, при этом мой четвероногий противник атаковал с такой яростью, что едва не выбил у меня из рук единственное оружие.

– Хрена, сука! – рывкнул я прямо в бессмысленно вращающиеся глаза монстра, крепче стиснув рукоять ножа и описывая лезвием в воздухе восьмерки перед собой. – Ну, попробуй, возьми!

Тварь начала непрерывно насакивать на меня, словно взбесившаяся сноповязалка, молотя по воздуху смертоносными суставчатыми конечностями. Пару раз ей удалось чиркнуть мне бородавчатой хитиновой шкурой по костяшкам пальцев, сжимавших штык-нож, и рассечь их до крови, но это лишь вызвало у меня новый приступ ярости, придав сил. Мы бешено плясали на крошечном пятачке пространства в дальнем конце коровника; я с трудом уворачивался от ее длинных лап, тут же переходил в контратаку, пытаюсь достать ножом в морду или мягкое брюхо, и мгновенно отскакивал, когда тварь снова широко взмахивала своими зазубренными оглоблями. Пару раз мы с ней входили в клинч, и тогда я, навалившись всем телом, отчаянно пробовал выпихнуть ее за пределы безопасного пятачка в одну из окружавших нас аномалий, однако псевдоплоть упиралась отчаянно, что твой осел.

Мутировавшая скотина, почуяв запах крови, бросалась на меня с разных сторон, твердо решив довести начатое дело до конца. Я по мере возможности старался пропускать ее мимо себя, словно тореадор, – вбок тварь была неуклюже и слабо. Тот подлый удар в низ живота, который я получил в начале схватки, пожалуй, был самым сильным из таких ударов. Кроме того, острые смертоносные зазубрины на ее ногах были обращены внутрь, так что удары вбок она наносила гладкими внешними сторонами копыт и суставными сочленениями: строение суставов просто не позволяло ей в таких случаях развернуть острые пилы в мою сторону.

В какой-то момент, в очередной раз пролетев мимо, тварь на мгновение замешкалась, прежде чем развернуться мордой ко мне, – видимо, уже начала выдыхаться. Многонедельное голодание все же давало о себе знать. Я тут же выпустил штык-нож и обеими руками ухватил ее сзади за взметнувшиеся передние конечности чуть пониже заостренных копыт, заламывая их назад. Я не был уверен, сумею ли таким образом обездвижить тварь или отломать ей ногу, но попробовать определенно стоило – вариантов-то у меня было не так много. Разумеется, я вряд ли рискнул бы проделать такой трюк с полной сил и бодрости псевдоплотью, но в борьбе с ослабевшей от голода мумией шансы у меня определенно были.

Хитиновая скотина возмущенно взвизгнула, почувствовав, что попала в захват. Я сразу пожалел о своем маневре: острые и шероховатые выступы на панцире, покрывавшем конечности мутанта, впились мне в ладони с коварством рыболовных крючьев, рассекая кожу до мяса. Свинья-мутант тут же принялась беспорядочно лягаться короткими задними ногами, но от их ударов уворачиваться оказалось гораздо легче, чем от передних, потому что на затылке глаз у твари не было. Мне удалось придержать псевдоплоть на месте и даже вывернуть ее суставчатые передние ноги так, чтобы что-то треснуло у их основания, однако дальше терпеть режущую боль в ладонях я не мог и разжал руки. Неистово рвавшаяся и тянувшая в противоположную сторону тварь от своего слишком резкого рывка кубарем

полетела вперед и всем телом с размаху впечаталась в деревянную перегородку стояла напротив, отчего тяжело содрогнулась и закрипела вся секция.

И тут же я услышал, как где-то наверху коротко и пронзительно дзенькнуло – словно кто-то резко ударил металлическим прутом по полотну двуручной пилы.

Звук был до боли мне знаком, хотя я и не слышал его уже несколько лет. Можно было считать, что чертово яйцо успешно обнаружено.

Трудно сказать, что именно представляет собой эта загадочная штука – смертоносный артефакт или компактную блуждающую аномалию. Я, по крайней мере, не возьмусь. Попадаетея она крайне редко и всегда на границах максимального напряжения аномального поля разнородных ловушек Зоны. Размерами и формой она отдаленно смахивает на куриное яйцо, вот только имеет антрацитово-черный цвет и поблескивает на свету. И время от времени издает странный звенящий звук, певучий, но до того зловещий, что сердце в груди замирает от ужаса и непередаваемой тоски.

Чертовы яйца стоят чертову прорву денег, и некоторые бродяги целенаправленно за ними охотятся. Однако это очень опасный трюк: от прикосновения к таким артефактам-аномалиям смерть наступает мгновенно, и никто не знает, что тому причиной – внезапный и резкий термический удар, органическое отравление, мгновенный и мощный электрический разряд, точечное радиоактивное облучение невероятной силы... Потому что трупа для медицинских исследований не остается: в течение нескольких последующих минут он стремительно обугливается без видимых причин и рассыпается грудой безвредных головешек, сохраняя при этом температуру человеческого тела. А самое главное, что порой чертово яйцо пробивает своим неведомым смертоносным разрядом даже через стенку специального герметичного контейнера для артефактов. Так что брать и транспортировать его надо умеючи и крайне аккуратно. Для этого умными людьми разработана целая система действий.

И мало того что эта штука крайне смертоносна, она еще и предельно коварна. В присутствии живых организмов ведет себя совершенно непредсказуемо, словно шаровая молния. Хотя вроде бы нет оснований подозревать живое существо в ней самой. Впрочем, кто его знает...

Потревоженное псевдоплотью чертово яйцо, которое все это время, как выяснилось, мирно сидело под крышей, прячась за застрехой, скатилось по наклонной потолочной балке плавно и медленно, словно воздушный шарик. Точнее, нет: скатилось – это я так для простоты сказал. На самом деле оно перемещалось под балкой, мешавшей ему взмыть обратно к потолку, время от времени стучаясь об нее верхней частью и издавая неприятный звон. Левый глаз псевдоплоти, провернувшись в два приема, настороженно уставился на поблескивающую черную смерть, неторопливо спускавшуюся к нам: тварь явно уже была знакома с подобной дрянью либо просто обостренными инстинктами мутанта почувствовала таящуюся в ней опасность.

– Кизлода, – беспокойно пробормотала псевдоплоть, вжавшись в деревянную перегородку стояла и одним глазом глядя на меня, а другим – на чертово яйцо. Она пыталась отползти еще, но лишь беспомощно заскребла по полу костяными копытами – дальше ее не пускала перегородка. – Бестармиуф. Проблемабрат, глырбеглиау.

– Я не шевелюсь, не шевелюсь, – тихонько заверил я ее. – Сам вижу, не дурак.

Чертово яйцо докатилось до края балки, вынырнуло из-под нее и медленно, словно в невесомости, поплыло по воздуху в нашу сторону.

– Очуинь сурнаёздна! – заволновалась мутировавшая тварь.

Смертоносный артефакт преодолел половину расстояния до нас и задумчиво повис в воздухе, словно решая, с кого начать. Шевелиться сейчас было ни в коем случае нельзя: яйцо реагировало на малейшее движение. Мы с псевдоплотью окаменели, словно памятники самим себе. В результате чертову яйцу, похоже, оказалось не за что зацепиться в окружающем пространстве, оно не ощущало ни малейшего движения воздуха, поэтому отрицательная гравитация понемногу начала снова сносить его к застрехе.

На этом наше с псевдоплотью везение на сегодня иссякло, потому что, воспарив вверх, чертово яйцо качнулось в сторону, словно от резкого порыва сквозняка, и с пронзительным звоном натолкнулось на верхнюю перекладину загородки. Оно тут же приклеилось снизу к деревянному поперечному брусу и покатилося вдоль него, вихляя и то и дело задирая один конец, словно имело смещенный центр тяжести. Докатившись до одной из вертикальных металлических стоек, на которых крепилась загородка, артефакт-аномалия описал вокруг нее задумчивую петлю и опять замер, угрожающе покачиваясь.

Прищурившись, я оценивающе посмотрел на чертово яйцо. Перевел взгляд на подрагивавшую у загородки псевдоплоть. Проклятая тварь совершенно перекрыла мне путь к отступлению. Если бы ее здесь не было, дело вообще оказалось бы в шляпе: аккуратно снять с пояса контейнер, осторожно подвести его под артефакт и поймать чертово яйцо контейнером, не касаясь руками. Это самый опасный момент охоты: тут как раз и может шарахнуть. Если все обошлось, контейнер все равно нельзя выносить из Зоны на пояс и даже в руках, это очень опасно; необходимы две длинные палки со сложной конструкцией из кожаных ремней на концах, при помощи которых следует... Впрочем, вопросы транспортировки – дело десятое, сначала надо забрать яйцо так, чтобы не шарахнуло, и вынести его из коровника. Однако псевдоплоть не позволит мне этого сделать. Едва ощутив, что помещенный в контейнер смертоносный артефакт больше не способен причинить ей вреда, она снова атакует меня, и тогда мне рано или поздно конец. В рукопашной схватке с мутантом, причем даже без ножа, мне не устоять.

Ладно. Кто не рискует, тот не пьет тормозной жидкости.

Я резко присел и ладонью, порезанной о панцирь псевдоплоти, на ощупь обхватил рукоять валявшегося у меня под ногами штык-ножа, поморщившись от боли. Чертово яйцо колыхнулось, миготом отреагировав на мое движение, и неторопливо заскользило ко мне вдоль поперечного бруса загородки, негромко позвякивая. Мутировавшая тварь забеспокоилась в своем углу, вразнобой вращая выпученными глазами.

– Проблемибрат! – жалобно проблеяла она.

Докатившись до следующей стойки, возле которой стоял я, чертово яйцо снова остановилось. Затаив дыхание, я медленно, буквально по миллиметру потянулся к нему ножом. Важно было не вспугнуть чувствительную и смертельно опасную штукину, колыхавшуюся рядом со мной: в ней заключалось мое единственное спасение. Что касается того, что для осуществления своего плана мне необходимо было к ней прикоснуться, то я рассудил, что через металлическое лезвие и рукоять из токонепроводящего материала шарахнуть меня не должно. Впрочем, гарантий этому по-прежнему не мог дать никто, иначе все охотники за чертовыми яйцами брали бы их через два слоя разнородных изолирующих материалов и проблем не знали.

Я едва-едва дотянулся до антрацитово поблескивавшего яйца кончиком штык-ножа и тихонько толкнул. Был риск, что оно просто покатится под горизонтальным брусом прочь от меня, но нет – эта штука была слишком чувствительной к малейшим колебаниям воздуха и, пару раз ударившись о вертикальную стойку, сделала в воздухе изящную петлю, возвращаясь ко мне. Что, собственно, и требовалось.

Черная смерть приближалась, время от времени издавая тонкий певучий звон. Я напряженно ждал, плашмя выставив перед собой нож. Промахнуться было никак нельзя. Второй попытки у меня не будет.

Псевдоплоть заскребла ногами по полу в своем углу, изо всех сил вжимаясь в перегородку, – видимо, она решила, что я совсем с приветом и решил красиво покончить с собой. Однако у меня были немного другие планы. Подпустив судорожно раскачивавшийся, рывками приближавшийся смертельный артефакт к себе на полметра, я взмахнул штык-ножом, словно ракеткой для пинг-понга, и плашмя ударил чертово яйцо лезвием, резким движением отправив маленькую черную смерть в направлении аж присевшей от такой подлости псевдоплоти.

План был неплохой, однако успехом он не увенчался. Слишком непредсказуемой

оказалась траектория пущенного моей рукой артефакта из-за его отрицательной гравитации и смещенного центра тяжести. Яйцо крутило и мотало, словно попавшую в ураган пушинку. Описывая в воздухе сложные фигуры, оно по синусоиде пронеслось над бесформенной головой псевдоплоти, мигом приникшей к полу, словно боец под пулеметным огнем, – и тут же, не давая твари опомниться, я бросился на нее, выставив вперед штык-нож: раз уж не удалось поразить ее смертельным артефактом, надо успеть причинить ей максимальный ущерб, пока она не пришла в себя и снова не атаковала меня. Яростно выкрикнув какую-то чушь, псевдоплоть стремительно вскочила на ноги и отразила лезвие ножа мощным ударом костяной передней конечности, отбив мне правое запястье до полного онемения.

Между тем яйцо врезалось в противоположную стену коровника, обрушив солидный пласт отслоившейся от сырости штукатурки, отскочило, издав мелодичный звон, и снова устремилось в нашу сторону.

Опаньки! Теперь мне следовало одновременно уворачиваться и от псевдоплоти, и от летящего прямо в лицо яйца. Задача из пространственной тригонометрии получилась на загляденье, почище чем с «камнем, ножницами и бумагой»: мгновенно вычислить траектории двух смертельно опасных объектов – живого и мертвого, после чего увернуться от каждого из них таким образом, чтобы не натолкнуться на другой и не угодить в аномалию за спиной. Псевдоплоть не могла видеть возвращающуюся к нам посверкивающую черную смерть, однако она загравком почувствовала страшную опасность и снова попыталась вжаться в угол. Но я не позволил ей этого, в очередной раз бросившись на нее с ножом. В отличие от твари я прекрасно видел, по какой траектории возвращается яйцо, и способен был от него уклониться. Поэтому я не собирался упускать такую возможность. Я должен был либо заставить тварь коснуться смертоносного артефакта, либо выколоть ей глаз, а еще лучше – протолкнуть лезвие через глазницу в мозг. Сдаваться я не собирался, еще чего. Перетопчется.

Псевдоплоть судорожно отмахнулась от меня передними ногами, едва не зацепив плавно плывущее по воздуху чертово яйцо. От нашей возни его траектория стала совершенно хаотичной – яйцо чутко реагировало на все движения и перемещения. Пару раз с трудом увернувшись от псевдоплоти, я вновь дотянулся до него ножом и с ускорением послал в сторону противника – и вновь оно бешено завертелось вокруг своей оси, выделявая непредсказуемые петли и кульбиты. Нет, метательный снаряд из него определенно получился как из дерьма пуля, однако оно, по крайней мере, позволяло мне успешно отвлекать внимание твари от своей драгоценной персоны. Ситуация резко изменилась в мою пользу: теперь я обстреливал тварь смертельно опасным артефактом, отскакивавшим от стен и поперечных брусьев загородки, словно теннисный мяч, а псевдоплоть судорожно защищалась, стараясь не коснуться яйца и одновременно уворачиваясь от моего штык-ножа. Преимущество теперь оказалось на моей стороне, потому что у меня в руках был предмет, не являвшийся частью моего тела, а у твари такого предмета не было, и любое прикосновение к чертовому яйцу стало бы для нее смертельным. Да даже если бы и был, она все равно не смогла бы удержать его в заостренном копыте.

В момент очередной теннисной подачи зацепив беглым взглядом свой штык-нож, я вдруг обнаружил неприятное. Очень неприятное. Вся поверхность лезвия была испещрена черными пятнами размером с чертово яйцо – надо полагать, в тех местах, где с ней соприкасался загадочный артефакт-аномалия. Плашмя выставив нож против света, я с досадой обнаружил, что металл внутри этих пятен истончился настолько, что еще немного – и сквозь них вполне можно будет разглядывать солнечное затмение. Похоже, черное яйцо пожирало мое единственное оружие с энтузиазмом ржавых волос.

Ситуация снова перестала внушать оптимизм.

Ножа хватило еще на пару подач. А затем, в очередной раз приняв на лезвие отразившийся от противоположной стены угольно-черный артефакт, я вдруг услышал зловещий щелчок лопнувшего металла, который оказался разъеден настолько, что не смог выдержать очередного несильного удара. Сорвавшись с треснувшего у рукояти лезвия, яйцо

заплясало в воздухе прямо перед моим лицом, и я внезапно ощутил распространяемый им резкий креозотный запах.

Смерть с любопытством заглянула мне в глаза. Я прирос к полу, оторопело глядя на звонко поющий сгусток черноты, кувыркающийся в сорока сантиметрах от моей головы, словно вражеская лимонка, на крошечный предмет, малейшее прикосновение к которому убивало все живое вернее, чем цианистый калий. Мне показалось, что весь мир вдруг ошарашенно присел, ожидая, чем закончится это мгновение, в которое я влип, словно муха в мед, которое все длилось и длилось без малейшей надежды на завершение.

Однако так мне лишь показалось, потому что кое-кто в абсолютно замершем мире продолжал активно действовать. Псевдоплоть обрушилась на меня всем телом, словно элитный борец сумо, и мощным толчком бугристой головы сбила с ног. Мое счастье, что предварительно она не рубанула наотмашь длинной передней конечностью с острыми зазубринами и не ткнула острым копытом, видимо, побоявшись при замахе зацепить вертевшееся на высоте полутора метров чертово яйцо. Мы вместе с мутантом ввалились в одно из стойл напротив входа и рухнули на грязный пол, обхватив друг друга, словно пылкие любовники. Выбитая из моей ладони рукоять штык-ножа весело поскакала в угол, лишив меня последней возможности безопасно прикоснуться к чертовому яйцу.

Категорически неплохо день начинается, как говорит в подобных случаях один страус.

Вжатый громоздким воняющим телом мутанта в перепревшую солому, я не мог пошевелить даже рукой. Ощущение было такое, будто на меня обрушилась разлагающаяся коровья туша. Бессмысленная морда чудовища маячила перед моим лицом, хамелеоны глаза судорожно вращались в разные стороны, щель сморщенного рта по-жабьи раздвигалась, демонстрируя мелкие темные зубы под верхней губой. Изогнувшись, я попытался сбросить противника, однако сделать это оказалось непросто. Коленами я нанес твари несколько ударов в брюхо, но она только недовольно хрюкала после каждого попадания, вряд ли испытывая по-настоящему серьезную боль: мне казалось, что я пинаю наполненную песком тренировочную грушу. Подхваченное мощным движением воздуха от нашего совместного падения, яйцо нырнуло вслед за нами в стойло и теперь, привлеченное возней на полу, начало описывать над нами глубокомысленные окружности, снизившись еще сантиметров на двадцать.

– Да я ж тебя зубами загрызу, дура! – с ненавистью прошипел я в перекошенную морду псевдоплоти.

Я снова и снова пытался сделать «мостик», упираясь в пол каблуками и лопатками. Возникла патовая ситуация: я ничего не мог поделать со свиньей-мутантом, но и она не в силах была немедленно разделать меня на куски – ее передние конечности были слишком длинными и при взмахе могли зацепить чертово яйцо, а чтобы дотянуться до моего лица мелкими острыми зубками, ей пришлось бы привстать с меня с риском пихнуть смертоносный артефакт мясистым загривком. Сложившееся положение вещей бесило нас обоих до крайности. Псевдоплоть яростно бормотала на своем птичьем языке, на все лады повторяя, что у нас с ней очень серьезные проблемы. Я неистово матерился, ерзая под ее тушей. Лишь антрацитовый смертоносный артефакт сохранял абсолютное, ледяное спокойствие, нарезая над нами бесконечные круги в воздухе.

Тварь сдалась первой. Все-таки ее очень нервировала звенящая и поющая нечеловеческим голосом над головой черная смерть. Псевдоплоть вдруг прыгнула чуть назад, одновременно приподнимаясь на кончиках острых копыт, и тут же вновь подалась вперед, уже стоя на полусогнутых и пытаясь дотянуться сморщенной пастью до моего горла. Но я ожидал этой ошибки. Едва тварь приподнялась с меня, я сумел мгновенно высвободить из-под ее брюха придавленные руки и, скрючив пальцы на манер когтей, вонзил их в податливые глазницы вновь надвинувшейся на меня уродливой морды.

Отчаянно крича и неразборчиво ругаясь, полуослепшая псевдоплоть свирепо замотала кошмарной башкой. Больно, понимаю; терпи, красавица. Тварь снова придавила меня к полу, но теперь руки у меня были свободны, и щадить ее я не собирался. А кто сказал, что

сталкеры должны являть миру исключительно примеры высокого благородства? Такое даже Рэду Шухову показалось бы странным.

Чертово яйцо скользнуло еще ниже, едва не задев моего противника по мохнатой холке. Отлично, отлично. Псевдоплоти все-таки удалось стряхнуть мою правую руку, но левую я очень глубоко пропихнул ей в глазницу, захватив в горсть выпученный хамелеоний глаз и безжалостно его выкручивая. Прости, подруга, не я затеял эту драку. В черепе твари что-то звучно лопнуло и оторвалось. Псевдоплоть тонко подвывала, стараясь схватить меня за руку старческим ротиком, но я не позволял ей баловать, изо всех сил колотя кулаком свободной руки по кривой башке.

Наконец тварь решила, что с нее хватит этого кошмара, и внезапным движением откатилась в сторону. Ни за что не подумал бы, что эта туша способна перекатиться с такой быстротой и легкостью. Полураздавленный правый глаз твари с куском глазного нерва остался у меня в руке. Ценная вещь, между прочим, научники за такие глаза нормальные деньги платят. Лежа на спине, я увидел, как на меня хищно пикирует чертово яйцо, и, ни на мгновение не задумавшись, швырнул в него драгоценным глазом. По касательной задев окровавленный кусок плоти мутанта, смертоносный артефакт чуть изменил траекторию и коснулся пола в полутора метрах от меня – почти ровно посередине стойла, между мной и снова перекрывшей выход наружу тварью. И словно примагнитился к бетонной поверхности, засыпанной сгнившей соломой, встав на один конец, а другим описывая в воздухе плавные круги.

Час от часу не легче.

Псевдоплоть начала потихоньку пятиться, отползая к выходу из стойла, судорожно толкаясь заостренными ногами, но чертово яйцо вдруг «шагнуло» следом за ней, перекатившись с одного конца на другой, и тварь замерла в священном ужасе, уставившись на черный артефакт единственным оставшимся глазом. По ее морде из развороченной опустевшей глазницы сгустками стекали грязно-бурая кровь, гной и сукровица, превращая и без того мерзкую морду монстра в совершенно адскую маску.

Терять мне уже было нечего: без ножа я не мог справиться ни с тварью, ни с артефактом смерти. Поэтому я неторопливо поднялся на ноги, хладнокровно перешагнул прямо через елозившее по полу чертово яйцо и снова ухватил тварь за боевые заостренные конечности, только теперь уже спереди. Дернувшись изо всех сил, она едва не вырвалась, но я держал крепко, невзирая на то что из моих рассеченных ладоней опять потекла кровь. Чертово яйцо с мелодичным звоном крутилось совсем рядом с моей левой лодыжкой. Страх внутри меня уже не было: хватит, отбоюсь. Остались только невероятная психологическая усталость и жуткая досада на то, что все опять сложилось не так, как следовало бы. Ну что этой скотине стоило откатиться в другую сторону, в глубь стойла?! Разве не подлость с ее стороны?..

Псевдоплоть яростно мотнула всем корпусом туда-сюда, сбив меня с ног и провезя по полу в сторону артефакта, но я резко согнул ноги в коленях и ухитрился не зацепить ботинком смертоносную штуковину. Прямо перед моим лицом снова подергивалась и корчилась в болезненных гримасах страхолюдная морда твари, выпачканная собственной нечистой кровью, с ее тоненьких губ срывались клочья отвратительной пены. Уцелевший глаз был яростно устремлен на меня.

– Думискуфгли-и-и! – завизжала псевдоплоть.

Не обращая внимания на ее завывания, я сосредоточенно продолжал выворачивать ей передние конечности, пытаясь лишить маневренности. Упершись коленями в пол, я обрел наконец необходимую точку опоры и теперь медленно поднимался на ноги. Молись своему гнилому богу, тварь, если он у тебя есть.

Псевдоплоть дернулась снова – раз и второй. В другое время она наверняка проявила бы куда больше активности и мне едва ли удалось бы удержать ее руками, но сейчас ее до смерти пугала маленькая вытянутая сфера черного цвета, перекатывавшаяся по полу рядом с нами. Тварь боялась сделать лишнее движение, чтобы не потревожить смертоносный

артефакт. Поэтому я без особого труда сумел подняться на ноги, после чего, упершись в пол каблуками, мощным рывком подтащил противника к себе.

Перепуганная псевдоплоть начала судорожно вырываться, оказывая теперь весьма серьезное сопротивление, но я упорно тащил ее за собой. Чертово яйцо под моими ногами уже перестало вращаться, оторвалось от пола и медленно воспарило в воздух. Я снова решительно перешагнул через него, пока оно выписывало сложные петли сантиметрах в десяти над разбросанной соломой, и поволок за собой неистово сопротивлявшуюся псевдоплоть. Тварь совсем взбесилась от страха, она упиралась задними ногами в пол, стараясь вырвать из моей железной хватки передние, но я по-прежнему не собирался давать ей шанса. Она слишком расстроила меня сегодня. Адреналин бешено струился по моим жилам, и в горячке схватки я почти не ощущал боли в изуродованных кровотокающих ладонях.

Плавно поднимавшееся к потолку чертово яйцо вновь оказалось между нами, в совсем узком пространстве, ограниченном кольцом моих рук, стиснувших крабы конечности мутанта. Псевдоплоть выла, вырываясь все яростнее, и в какой-то момент я вдруг остро ощутил, что мне ее не удержать. Варить твою кашу!.. Выходит, столько усилий оказалось потрачено зря. По-моему, я вообще ухнул на эту решающую атаку последние силы, которые у меня еще оставались. Если тварь вырвется, я больше ничего не смогу сделать – без оружия и в десяти сантиметрах от непредсказуемого и смертоносного артефакта-аномалии.

«Боже, какая нелепая смерть...» – как удрученно сказал один английский лорд, когда за ним явилась смерть с клоунским носом, в рыжем парике и гавайской рубашке. С гармошкой через плечо.

Мутировавшая тварь яростно дергалась, неумолимо выворачиваясь из захвата, а я в тихом отчаянии цеплялся за ее шипастые передние конечности, словно висящий над пропастью альпинист, который из последних сил хватается за скальный выступ, но чувствует, как силы стремительно покидают его. Чертово яйцо между тем продолжало нерешительно колыхаться между моими руками, выбирая, кого из нас коснуться первым. Теперь достаточно твари неожиданно дернуть всем корпусом на себя, и оно ужалит меня точно в то место, в которое она ударила в начале схватки.

Все, больше удерживать противника я не мог. Псевдоплоть окончательно вывернулась из захвата, и я, резко отпустив руки, тут же подался назад, чтобы оказаться подальше от маленькой черной смерти, висевшей в воздухе между нами. Тварь же, все это время усиленно тянувшая в противоположную сторону, по инерции взмахнула неожиданно высвободившимися передними конечностями и концом острого хитинового копыта случайно зацепила чертово яйцо, которое тут же пулей устремилось в мою сторону.

Глава 3 Западня

Жуткий, пронзительный визг твари, колебавшийся на грани ультразвука, прорезал пространство коровника. Меня же спасло лишь небольшое расстояние до смертоносного артефакта, мгновенно превратившегося в снаряд: будь оно чуть больше, я непременно успел бы дернуться в попытке увернуться, и тогда скорее всего лег бы рядом с псевдоплотью. Однако Черный Сталкер уберег меня и на этот раз – не успев ничего предпринять, я просто оторопело остался на месте и, как выяснилось, поступил вполне здраво, потому что чертово яйцо, стремительно летевшее по прямой, вдруг резко вильнуло, завалилось набок и, кувыркаясь, пронеслось мимо, описав вокруг меня неправильную параболу. Если бы я бросился в сторону, не исключено, что там бы мы с ним и повстречались.

Между тем псевдоплоть кричала не переставая. Судя по всему, ей было очень плохо, хотя умирать она явно не собиралась. У мутантов совершенно другая биохимия и обмен веществ, так что прикосновение к чертовому яйцу необязательно должно было привести ее к летальному исходу. Тем не менее интерес ко мне тварь утратила мгновенно. В конце концов,

тот страх и почтение, которые она выказывала перед этим загадочным артефактом, тоже говорили о многом. Если не серьезные повреждения, то уж нестерпимые страдания он ей причинил точно.

Чертово яйцо с треском ударилось о стену за моей спиной и отрикошетило от нее. Я резко присел, пропустив его над головой. Псевдоплоть, трясаясь всем телом и жалобно блея что-то невразумительное, понемногу отползала от меня. На выходе из стойла она дважды врезалась массивным задом в стену, прежде чем сумела выбраться в широкий центральный проход. Похоже, она совершенно потеряла ориентацию. Я внимательно наблюдал за ней, ожидая любой гадости, и при этом не выпускал из поля зрения чертово яйцо, которое кувыркалось в воздухе посреди коровника, будто влипнув в невидимую паутину.

Тварь крутанулась на месте – сначала в одну, потом в другую сторону, словно собака, пытающаяся поймать собственный хвост. Ее ротик страдальчески кривился, издавая мучительный визг. Копыто, которым она прикоснулась к яйцу, почернело и растрескалось. Затем псевдоплоть снова начала неуверенно пятиться. Она словно пыталась отползти подальше от собственной конечности, пораженной неведомой страшной заразой, однако сделать этого, естественно, не могла: почерневшее копыто безвольно волочилось по полу вслед за ней. Поняв тщетность своих усилий, тварь начала бешено трясти пострадавшей ногой, затем, словно придя в неистовую ярость, принялась с размаху лупить ею по бетонному полу. Я с изумлением увидел, как трескается от ударов хитиновый панцирь зазубренной конечности. Похоже, тварь совершенно обезумела от боли.

Видимо, эта тактика тоже не принесла облегчения. Жалобно подвывая, псевдоплоть вновь принялась пятиться по проходу, мелко семеня тремя ногами и волоча за собой четвертую; в другой ситуации это выглядело бы даже забавно.

А потом раздался оглушительный хлопок, и тварь подбросило в воздух. Она взлетела метра на полтора над полом, перевернувшись кверху брюхом и нелепо взмахнув длинными крабьими конечностями.

Интересно, насколько силен у мутантов Зоны инстинкт самосохранения? Способны ли они в безнадежной ситуации на самоубийство, чтобы прекратить страшные мучения? Контролеры и бюреры – почти наверняка: у них примитивный человеческий интеллект. Это в теории. Однако на практике они слишком дорожат своей жалкой жизнью и бьются за нее до последнего, даже если это совершенно бессмысленно и лишь продлевает агонию. Кровососы и снорки довольно умны для зверей, но не настолько, чтобы рассудок мог перевесить звериный инстинкт самосохранения. Остальные твари, обитающие внутри Периметра, в том числе и псевдоплоти, просто животные, некоторые более, некоторые менее умные и хитрые.

Как бы то ни было, нарочно ли псевдоплоть сунулась в аномалию или попала туда случайно, потеряв от боли и ужаса ориентацию, фейерверк вышел на славу. Трамплин подбросил ее, и перекрученное гравитационной аномалией тело мутанта рухнуло в самую середину мясорубки, которая насквозь пробила его огромным сиреневым разрядом, исторгнув из глотки жертвы низкий утробный вопль. Резко, но приятно пахнуло жареной свининой.

Однако тварь была еще жива, когда рухнула на бетонный пол и стала судорожно скрести по нему заостренными копытами, пытаясь встать на ноги. Подняться у нее так и не получилось, задние ноги, похоже, оказались парализованы электрическим разрядом, поэтому псевдоплоть лишь вращалась вокруг своей оси, лежа на боку. В какой-то момент судорожно сгибающаяся и распрямляющаяся передняя конечность мутанта угодила в пятно притаившегося рядом гравиконцентра, который резким рывком придавил ее к бетонному полу и сплющил в лепешку.

По-видимому, тварь уже не могла кричать: отчаянно хрипя, она судорожно забилась в капкане, всем телом с размаху ударяясь о пол, совершенно ничего не соображая. На четвертом ударе трамплин возле гравитационной плечи снова поймал ее и попытался подкинуть в воздух, однако сумел оторвать от пола лишь заднюю часть – раздавленное

копыто, которым тварь была прикована к бетону, сухо треснуло. Нелепо взмахнув другой передней ногой, псевдоплоть угодила в зону действия гравиконцентра и ею тоже. Трамплин сработал снова, и еще раз, и еще – внутри сдавленно сипящей твари что-то с треском и бульканьем рвалось, из угла ее ротика побежала темная струйка, уцелевший глаз вылез из орбиты настолько, что казалось, вот-вот лопнет.

Гравиконцентр не отпускал конечности псевдоплоти, а трамплин упорно тянул к себе ее заднюю часть. Наконец аномалии разорвали ее пополам: трамплин принялся подбрасывать доставшуюся ему половину мутанта, разбрызгивая во все стороны мутную кровь, и вскоре уронил ее в соседнее стойло, а передняя часть твари рухнула прямо в центр гравитационной плещи и мгновенно была превращена в темное пятно плоти, спрессованной с такой силой, что толщина пятна не превышала толщины бумажного листа.

Потревоженное резкими хлопками, движениями и бросками, чертово яйцо, до этого кувыркавшееся в воздухе над центральным проходом, снова решительно направилось в мою сторону. Я замер. Долетев до моего стойла, яйцо натолкнулось на его левую боковую стенку, отразилось от нее, ударилось в вертикальную стойку, к которой крепились деревянные щиты перегородки, снова изменило вектор движения, стукнулось в противоположную стенку, отлетело назад... Я терпеливо ждал, пока наконец этот черный бильярдный шар оставит меня в покое и, отразившись под тупым углом, улетит обратно в центральный проход – и вот тогда уже можно будет начинать думать, как отсюда выбираться. Однако чертово яйцо продолжало неумоимо шнырять посреди стойла, и вскоре я ощутил, что происходит что-то не совсем понятное.

Левая стенка, вертикальная стойка, правая стенка. Зловещий мелодичный звон. Левая стенка, вертикальная стойка, правая стенка. Зловещий мелодичный звон. Стенка, стойка, стенка. Стенка, стойка, стенка. Звон. Звон, твою мать!..

Маленькая черная смерть сновала по одному и тому же невидимому треугольнику – ни разу не сбившись, не отклонившись в сторону, не потеряв амплитуды и скорости движения даже на сотом повторе. Левая стенка, вертикальная стойка, правая стенка. Зловещий звон, и все сначала: левая стенка, вертикальная стойка, правая стенка. Так не могло, так не должно было быть, но так было – заставшись в узком пространстве между стенками, чертово яйцо надежно заперло меня в стойле.

Единственное, что невозможно в Зоне, – это слово «невозможно».

– Хемуль! – донеслось от ворот.

Я осторожно, чтобы не потревожить своего чуткого тюремщика, поднял голову и бросил взгляд на выход из коровника, который располагался как раз напротив моего стойла в противоположном торце фермы. Патогеныч стоял в воротах, сжимая в руках пистолет. Черт, у меня даже дыхание перехватило: он слишком сильно рисковал, в одиночку преодолевая аномальное поле перед зданием, причем сделав это за рекордное время – вряд ли мы с псевдоплотью бились дольше пяти минут. В устном рассказе или на бумаге подробное описание схватки занимает много места, однако на самом деле счет в ней обычно идет на секунды.

И теперь не факт, что нам с Патогенычем удастся успешно выбраться обратно.

Честно говоря, я с самого начала совершенно не рассчитывал на его помощь, понимая, что пробиться ко мне снаружи будет тяжеловато. Однако старый бродяга не смог бросить меня на растерзание мутанту. Спасибо, конечно, брат, но какой же ты идиот. Старый sentimentalный идиот.

– Замри! – раздраженно распорядился я. – Обалдел?! Не размахивай руками!

– Куда делась тварь? – настороженно спросил напарник, продолжая рыскать стволом девяносто второй «беретты».

– Вон валяется, – произнес я. – Сам справился, без салажни. Голыми руками загрыз.

– Молодец какой, – безжизненно проговорил Патогеныч. Ага; стало быть, увидел яйцо. – Проползти сможешь под ним?

– Хрена, – сообщил я. – Оно меня не выпускает. Смотри, как низко ударяет в правую

стенку.

– Паскуда.

– Не то слово.

Патогеныч задумался.

– Может, ему скоро надоест мельтешить? – предположил он.

– Может, – согласился я. – Или наконец раскурочит металлическую стойку к чертям, а потом изменит траекторию. Подождем.

– Подождем. Время у нас есть.

– О, черт, – убитым голосом проговорил я.

– Что? – угрюмо вскинулся напарник.

– Нет у нас времени ни фиги.

Патогеныч проследил направление моего взгляда и, судя по всему, обнаружил то же, что и я: потемневшую полосу на правой стенке стойла. Полоса была широкой, длинной и хорошо заметной даже с такого расстояния.

– Это оно делает? – на всякий случай уточнил Патогеныч, хотя все и так было ясно.

– Нет, я нарисовал только что! – огрызнулся я. – Фломастером! Разумеется, оно!

– От собаки.

На дереве чертова яйцо тоже оставляло следы, как и на металле, – неровные овальные ожоги, похожие на следы от огромного паяльника. Вот только если бы траектория яйца была неизменной, как нам казалось, если бы оно действительно стучалось в одну точку, то на правой стене должно было бы оставаться все более и более темное обожженное пятно, может быть, лишь немного увеличивающееся в размерах. Однако вместо пятна на стене оказалась выжжена полоса – смертоносный артефакт с каждым ударом неувовимо сдвигался в мою сторону, и его отпечатки накладывались один на другой. У меня за спиной еще имелось около метра свободного пространства, но по длине коричневой полосы на стене было ясно, что менее чем через четверть часа яйцо окончательно прижмет меня к торцевой кирпичной стене коровника.

А потом нежно поцелует. В щечку.

Ладно. Одну партию в теннис мы сегодня уже выиграли, можно попробовать еще раз. Я осторожно, чтобы не потревожить мельтешащую перед лицом маленькую черную смерть, положил левую ладонь на бедро... сдвинул чуть левее... еще левее...

Под ладонью все еще было бедро. Чудненько. А где же мой контейнер для артефактов?

Я аккуратно покрутил головой. Контейнер обнаружился неподалеку от выхода из стойла, наполовину вмятый в пол тем самым гравиконцентратором, который превратил в лепешку половину моего предыдущего противника. Видимо, сорвался с пояса, когда мы схватились с псевдоплотью.

Дважды чудненько. И чем, простите, я теперь отобью смертельно опасный теннисный мяч?

Я бросил взгляд на стенки своей камеры смертников. Можно было бы попробовать оторвать от них брус или доску, однако конструкция выглядела крепкой, и этой возней я наверняка привлек бы внимание чертова яйца. Посмотрел на Патогеныча. Можно было бы попросить его кинуть мне свой нож или контейнер, но слишком велико расстояние – точный бросок не получится, предмет может угодить в трамплин, который выстрелит им с такой силой, что мне снесет голову. Да и вообще, когда возле тебя шныряет реагирующая на малейшее движение смертоносная штука, швыряться контейнерами или размахивать руками, пытаться их поймать, не самая продуктивная идея.

Судорожно перебрав в уме все, что на мне было, от куртки до ботинок, и сообразив, что ничего подходящего нет, я посмотрел на Патогеныча. Тот молчал, явно тоже что-то прикидывая про себя. Потом медленно поднял «беретту», и я даже с такого расстояния разглядел черную точку дула.

– Я попытаюсь сбить его из пистолета, – хрипло проговорил он.

– Ты хоть раз слышал, чтобы яйцо сбили из пистолета? – безнадежно осведомился я.

– К черту! Все когда-то бывает в первый раз. Оно твердое, значит, не пропустит пулю. Оно обладает массой, значит, пуля сможет его отбросить. Понял?

– Ты мне башку прострелишь, академик, – я едва удержался от того, чтобы качнуть головой. – Сто процентов.

– У тебя есть другие предложения, радиоактивное мясо?

Я скромно промолчал, потому что других предложений у меня не было.

Патогеныч тщательно прицелился. Сморщился недовольно: слишком далеко. Осторожно шагнул вперед, не отводя взгляда от мушки.

– Оттуда стреляй! – вполголоса прорычал я. – Тут аномалии кругом!

До Патогеныча было шагов сорок, а попасть ему надо было в черную на темно-сером фоне цель размером с половину его кулака, непрерывно меняющую вектор движения. Черт, далековато! Но позволить приятелю приблизиться еще я не мог. Если он выстрелит оттуда, у меня еще есть шансы, а вот если он сунется ближе и угодит в трамплин или карусель, мне точно хана. Один, без датчиков, под охраной смертоносного артефакта-аномалии я отсюда не выберусь. Даже если яйцо перестанет приближаться, что вряд ли, мне останется только занять место покойной псевдоплоти в углу и обглаживать доставшуюся по наследству голую коровью кость.

В общем, я вам так скажу, ребята: когда в тебя с сорока шагов целится из пистолета твой ближайший друг, которому ты не раз спасал жизнь в Зоне и все такое прочее, то это запредельно паскудно. Утверждаю как эксперт.

– Не дергайся, Хемуль, – сосредоточенно произнес Патогеныч, сжимая рукоять пистолета обеими руками. – Стой спокойно. Вообще не шевелись, собака, не то я тебе вот такенную дырку во лбу сделаю. Будешь ходить с дыркой, как последний придурок.

Я судорожно облизал губы. Еще раз измерил взглядом разделявшее нас расстояние.

– Ладно, брат, – негромко проговорил я. – Решил стрелять, так стреляй, нечего разговоры разводить. Не в Верховной раде.

– Хемуль, ты меня не учи детей делать, – угрюмо хмыкнул Патогеныч.

Решив, что дожидаться выстрела с закрытыми глазами неконструктивно, я уставился точно в дуло «беретты». Привет, родной.

Патогеныч выстрелил.

Пуля взвизгнула у меня над ухом и глубоко вонзилась в оштукатуренную кирпичную стену за спиной – я даже не успел испугаться.

– Нихренаськи ты снайпер, – только и сказал я, глядя на Патогеныча, когда окончательно понял, что в этот раз пуля досталась не мне. – Покойный Янкель тебе и в подметки не годится.

– Пошел в мясорубку! – психанул напарник. Его борода возмущенно встопорщилась, мне даже показалось, что сейчас он швырнет в меня пистолетом. – Иди сам попробуй, умник!

– С удовольствием. Меняемся местами?

– Слушай, ты, остряк-самоучка! Стой спокойно и скорбно молчи, как мемориал жертвам Голодомора, пока я тебе ухо не отстрелил!

Патогеныч переложил пистолет в левую руку, покрутил кистью правой, разминая запястье. Закрыв глаза, помассировал их двумя пальцами у переносицы. Снова открыл, поморгал, потряс головой. Крепко стиснул рукоять пистолета правой ладонью, поверх обхватил левой.

– Не пытайся ловить яйцо в движении, – посоветовал я. – Целься в то место на стенке, куда оно ударяет, и жми на спуск за мгновение до того, как оно там окажется.

– Заткнись и не тряс башкой, – распорядился напарник.

Пришлось подчиниться, потому что дуло пистолета, казалось, опять направлено мне точно между глаз. Не стоит отвлекать человека в такой ответственный момент. Я и так уже на нервной почве наговорил больше, чем надо. Например, покойника Янкеля в такой ситуации точно не стоило упоминать. Еще, чего доброго, услышит и поманит за собой...

Выстрел!

Мне снова стоило больших усилий не упасть на пол и не перекатиться, уходя с линии огня. Полезные привычки намертво въедаются в подсознание, даже когда от них нет никакого толку, один вред.

Справа от меня раздался гулкий треск, и в перегородке стояла возникло перекошенное отверстие. Эта пуля, под небольшим углом вошедшая в деревянную стенку, тоже не попала в чертово яйцо, однако зацепила по касательной. А может быть, и не зацепила, поскольку яйцо даже на миллиметр не сбилось со своей траектории, но определенно пронеслась почти вплотную к нему, потому что после выстрела смертоносный артефакт издал такой оглушительный звон, что у меня даже в ушах зазвенело.

– Живой? – испуганно спросил Патогеныч.

– Не то слово, – мрачно проговорил я. – Но когда выберемся отсюда, мне понадобятся запасные штаны. Много запасных штанов.

– Я тебе подарю десяток-другой... – сквозь зубы процедил Патогеныч.

Я не стал отвечать, потому что после предыдущего выстрела коллега так и не опустил руку с пистолетом и по-прежнему сосредоточенно целился в меня. По-видимому, ему не хотелось терять уже почти пристрелянную линию огня.

Ладно. В «камень – ножницы – бумагу» играют до трех побед. Два промаха не считаются.

После короткой паузы Патогеныч выстрелил снова, и я вновь услышал прямо перед собой короткий, пронзительный и тонкий звон – только теперь он был таким оглушительным, словно взорвался кровеносный сосудик у меня в голове. Пригнувшись, я бросился вперед, в освободившийся проход, чтобы не столкнуться с отброшенным пулей чертовым яйцом, которое сейчас должно было со страшной силой отразиться от противоположной стены, – и в ту же секунду перед моими глазами ослепительно вспыхнул мрак, рассеянный посередине тонкой огненной линией. Мне показалось, что я потерял сознание, и это ощущение блаженного небытия и абсолютной защищенности от всего окружающего длилось несколько часов. Однако на самом деле, похоже, все продолжалось ничтожную долю секунды, потому что затем я по инерции сделал еще один неуверенный шаг вперед и, совершенно дезориентированный, присел от неожиданности, ощутив, как по спине и голове колотят кусочки чего-то легкого и твердого. Я все же упал на пол и перекатился, но лишь для того, чтобы, поднявшись, зафиксировать страшное: от столкновения с пистолетной пулей чертово яйцо разлетелось вдребезги, и его осколки, от ricochetив от торцевой стены коровника, осыпали меня с головы до ног.

Я поднял блуждающий взгляд и споткнулся им об ошарашенное лицо Патогеныча, который только что, кажется, меня убил.

– Твою мать, – только и сумел выдать Патогеныч. Вид у него был жалкий. – Р-раствую размасть!..

М-да. Подавляющее большинство артефактов Зоны – это монолитные булыжники и прочие предметы, почти не поддающиеся механическому воздействию. Только поэтому идея сбить чертово яйцо из пистолета показалась нам стоящей. Кто же мог знать, что оно хрупкое, словно сделано из керамзита?!

Патогеныч попытался броситься ко мне через весь центральный проход, но я остановил его резким взмахом руки. На хрена нам здесь два трупа, когда вполне можно обойтись одним?

– Стой там! – яростно прохрипел я. – Хватит играть в юного партизана УПА!

– Ты как вообще? – мрачно поинтересовался напарник.

– Восхитительно, – огрызнулся я. – Замри хоть на минуту, не маячь. Душевно тебя прошу.

Патогеныч повиновался, и я внимательно прислушался к себе, пытаясь ощутить какие-либо сбои в работе организма, пытаясь почувствовать стремительное приближение неминуемой гибели. Только не было никаких сбоев и никакого стремительного

приближения. Текли секунды, но абсолютно ничего не происходило. А ведь малейшее прикосновение к чертовому яйцу обязано приводить к мгновенной смерти. Как такое может быть?

Видимо, последнюю фразу я пробормотал вслух, потому что Патогеныч тут же осторожно откликнулся:

– Чего?

– Говорю, я в норме! – произнес я, распрямляясь.

Фух. Ну, кажется, счастлив наш бог. Похоже, разбитый артефакт-аномалия просто не работает. Смертельно опасно лишь целое чертово яйцо, а его осколки не способны удерживать смертоносного заряда, или чем оно там поражает вольных бродяг и прочие живые организмы.

Вот только как быть с той мгновенной потерей сознания, которая накрыла меня в момент, когда обсидиановая смерть разлетелась вдребезги? С тонкой линией оранжевого огня перед глазами?..

Может быть, пошало подсознание, понявшее, что я обречен, и со страху на полсекунды погасившее рассудок? Но откуда оно могло это взять – ведь я, только выйдя из транса, понял, что меня обсыпало кусочками смертоносного артефакта?

Ладно. В Зоне полно загадочного, и не всегда загадочное непременно заканчивается плохо. Иногда фортуна улыбается и сталкерам.

– Точно все в порядке? – подозрительно спросил Патогеныч. – Как себя чувствуешь?

– Как и положено вольному бродяге, обсыпанному чертовым яйцом, – отозвался я. – Погано. Прям помираю.

– Зубоскалишь, собака, – с неудовольствием отметил коллега. – Значит, выживешь. А я-то, блин, беспокоился.

– Если выживу, с меня пиво, – пообещал я. – Не знаю, сумел бы я сам попасть в цель при таких условиях...

– Пиво – это хорошо, но я бы, конечно, предпочел продать чертово яйцо, – печально отозвался Патогеныч.

– Бери пиво, потому что яйца тебе теперь точно не видать. – Стараясь не наступать на разлетевшиеся по всему полу антрацитовые осколки, я неторопливо приблизился к центральному проходу и остановился на границе аномальных полей. – Или ты мне предъяву выписываешь за спасение?

– Да какая там предъява, брось, – вздохнул Патогеныч. – Ты же ни при чем. Беру пиво.

– Замазали. Что дальше? Выбираемся по приборам?

– А хрена вот, – отозвался Патогеныч, поднимая левую руку с ПДА на запястье.

Экран его портативного компьютера был мертв. Мы попали в мертвую зону, где не функционировало никакое электронное оборудование. Соответственно, не работали и датчики аномалий. Мое счастье, что сработал пистолет напарника. В подобных зонах порой даже бывает так, что огнестрельное оружие дает сплошные осечки: порох категорически отказывается воспламениться.

– Мать твою, дорогой друг, – ровным тоном произнес я.

– Моя вина, – со вздохом согласился Патогеныч. – Значит, я пойду впереди.

– Обломайся, – заявил я. – Ты же спасал мне жизнь. Теперь расслабься и получай удовольствие.

– Хрена, – отрезал Патогеныч. – Тебе еще добираться до выхода. И вылезать наружу.

– Ладно, тогда помогай. У ворот разберемся, кто тут самый крутой медведь в берлоге.

Я сунул руку в нагрудный карман и извлек несколько болтов. Подбросил их на ладони раз и другой, выбирая подходящий. То есть все они, разумеется, были совершенно одинаковыми, как и всегда, но я часто позволяю своему организму самостоятельно, без участия сознания выбрать нужный в настоящий момент болт. Не знаю, имеет ли это какой-либо смысл, но порой мне кажется, что разные болты по-разному проходят одну и ту же трассу. Некоторые лучше реагируют на мясорубки, некоторые издали чуют жарки,

некоторые под правильным углом входят в гравиконцентраты. Возможно, на каких-то из них просто остается статический заряд от трения о ткань кармана, какие-то чуть больше намагничены, у каких-то неуловимо нарушена симметрия, из-за чего они вращаются в полете немного быстрее или медленнее других... Неважно. Короче, я свято верю в то, что без участия сознания организм способен выбрать самый подходящий в данный момент болт, и этого достаточно. Сталкерской интуиции надо доверять, иначе быстро останешься без головы. Зря я, что ли, считаюсь самым везучим сукиным сыном по эту сторону Периметра? Везение – оно ведь не возникает ниоткуда, это просто результат невидимой работы подсознания, древней сигнальной системы, заранее паникующей там, где сознание отказывается видеть какую-либо опасность. Чаще всего эта паника не основана ни на чем серьезном, но в одном случае из ста она реально спасает тебе жизнь.

Выбрав нужный болт, я небрежным движением бросил его перед собой – недалеко, метра на три. Я помнил, что дальше прямо посреди прохода расположилась солидная птичья карусель, так что брать большую дистанцию не имело смысла. Болт беспрепятственно проскакал по бетонному полу и замер на месте, но потом качнулся, перекатился с грани на грань, пополз в сторону, набирая скорость, и шмыгнул в одно из стойл. Значит, там притаилась небольшая жадинка; ну, ничего страшного, я не стану там задерживаться, и она не успеет меня приковать.

– Чисто, – донеслось от ворот. Патогеныч осмотрел мою предполагаемую трассу со своей стороны и тоже не обнаружил ничего подозрительного, кроме жадинки, – насколько вообще можно было что-нибудь разглядеть с такого расстояния. Ладно, ближе к выходу его помощь станет более ценной.

На обратный путь к воротам фермы я затратил вдвое больше времени, чем на дорогу в противоположный конец коровника. Было тяжело выбирать новую трассу, но возвращаться прежней я не собирался. Сталкер никогда не возвращается по собственным следам, это аксиома. Достаточно какой-нибудь ловушке чуть сместиться – и привет, заказывай деревянный макинтош. Ну его к монахам. Лучше поискать новую дорогу: муторно, зато надежнее.

Наконец я встал прямо перед Патогенычем. Я увидел искорки страха, промелькнувшие в его глазах, но он не стал машинально отстраняться. Старая школа. Да, я вполне мог быть инфицирован какой-нибудь гадостью из расколотого чертова яйца, однако, если Патогеныч собирался вытащить меня из Зоны, любые меры предосторожности для него все равно были бесполезны. Чего ж тогда дергаться без толку? Единственной санитарной мерой, которая стопроцентно избавила бы его от возможного биологического поражения, было издать положить меня из «беретты» – прямо там, в стойле. И то еще не факт, что помогло бы.

Я остановился перед дверями – напротив Патогеныча, который благоразумно не полез в ворота между двумя близко расположенными аномалиями и ожидал меня по ту сторону порога. Оно и правильно.

Мы с двух сторон обкидали аномалии болтами.

– Запомнил, как легли маркеры? – спросил я.

– Ото ж.

– В оба смотри, – на всякий случай предупредил я.

– Не бойсь, – хрипло отозвался напарник. – Готов?

– Командуй.

– Три-двенадцать.

Датчики аномалий у нас не работали, поэтому единственным для меня шансом выбраться из коровника было положиться на Патогеныча. Ему приходилось прокладывать маршрут на глазок, а мне – молиться Черному Сталкеру, чтобы интуиция и память нас не подвели.

Поскольку я двигался боком, мне так или иначе приходилось повернуться спиной к одной из аномалий, и контролировать их одновременно я не мог. Оставалось надеяться, что старый приятель не даст мне слишком сместиться в сторону.

Я вдвое сократил и без того крошечные шажки. Патогеныч деловито командовал с той стороны двери, но я чувствовал, как он напряжен. Не знаю, что было бы проще для меня – находиться на его месте или на своем.

Громко треснула мясорубка за моей спиной, и я едва не подпрыгнул. Лохматить твою бабушку! Ржавые волосы над головой качнулись на сквозняке, попытавшись погладить меня по макушке, но я втянул голову в плечи. Дырку вам от бублика, а не Хемуля.

Шажок. Шажок. Шажок.

Уже у самого порога меня качнуло и поволокло влево. Патогеныч стремительно метнулся вперед и, ухватив за куртку, одним движением выдернул меня из зоны искаженной гравитации. Рискованный трюк, конечно, – гравиконцентратная плешь вполне может втянуть двоих. Но нам не привыкать дергать смерть за усы.

Я покрутил рукой в воздухе – дескать, спасибо, отплачу хабаром. Говорить я не мог, горло у меня перехватило от переизбытка адреналина.

– Ну что, бродяга? – негромко спросил Патогеныч, дав мне немного отдышаться. Он смотрел туда, где мы оставили рюкзаки. – На «камень – ножницы»?..

Я не стал протестовать, мы снова сыграли на «камень – ножницы», и на этот раз мой напарник проиграл. Не знаю, поддавался он или нет; похоже, что нет. Я, по крайней мере, не поддавался и на его месте тоже не стал бы. Баловство это и недостойно вольного бродяги. Если уж судьба должна сама что-то решить, нечего ей помогать. Иначе обидится и страшно отомстит.

Патогеныч осторожно двинулся вперед. Шаг. Шаг. Шаг.

– Трамплин заметил? – подал голос я, когда он преодолел несколько метров.

– Заметил... – сдавленно отозвался коллега. – Справа что, видишь?

– На контактную пару похоже.

– Где второй контакт? Первый вижу.

Изо всех сил напрягая зрение, я покрутил головой по сторонам.

– Сделай право восемь, – посоветовал я. – Это почти наверняка контакт, но второго не вижу.

– Мать твою, Хемуль! Как мы тут прошли пять минут назад?!

– Пес его знает. Сделай право восемь, а лучше десять. И ждем.

Патогеныч послушался и вскоре обнаружил искомый второй контакт:

– Фу, черт! За кустами было не видно.

– Не расслабляйся давай. Не теряй контроля. Осторожнее семь-двенадцать, по-моему, кусты неправильно растут. Что-то невидимое на них давит с той стороны...

Напарник продолжил движение. Аккуратно перешагнул длинную полосу пожелтевшей, выгоревшей травы. Медленно обогнул хорошо очерченный гравиконцентрат. Несколькоими болтами обозначил границы небольшой птичьей карусели, обошел ее стороной. Напряжение было нешуточное: идти через аномальное поле без датчиков – это высший пилотаж. Врагу не пожелаешь.

Отпустив Патогеныча метра на четыре, я двинулся за ним – осторожно, след в след, стараясь точно повторять его маршрут.

Пронзительный вой донесся из разросшейся лесопосадки справа. Затем еще раз, и еще – уже ближе. Слепые собаки гнали кого-то через лес в нашу сторону. Ну, все одно к одному. Как не заладилось с самого начала, так и дальше пойдет.

Когда от сплошной стены деревьев отделилось массивное темное тело, Патогеныч остановился. Я тоже замер у него за спиной, пытаюсь определить, что за тварь выгнали на открытое пространство падальщики Зоны.

Это был небольшой припять-кабан – омерзительный мутант с четырьмя огромными клыками, в разных плоскостях торчащими из пасти. Затем из леса вылетело несколько слепых псов, следовавших на значительном расстоянии за своей жертвой. Обычно собаки не охотятся на кабанов, те для них великоваты и чаще всего бродят небольшими стадами; впрочем, этот кабан мог быть болен или ранен, хотя на первый взгляд ничем не отличался от

здорового. Но собакам-телепатам с невероятно развитым чутьем, конечно, виднее, на кого охотиться, а на кого нет.

Не обращая на нас внимания, кабан тяжелым галопом проскакал мимо. Следом, сохраняя солидную дистанцию, промчались четыре или пять молодых собак, которым некуда было девать дурную энергию. За ними из леса показались несколько ветеранов и вожак-чернобылец – они не преследовали метавшегося в разные стороны кабана, а сразу трусили наперерез тому направлению, в котором он бросался в следующее мгновение. Последними двигались самки со щенками: они обычно почти не принимали участия в загоне, зато свирепо атаквали выдохшуюся жертву, когда та уже не могла бежать дальше и забивалась в какой-нибудь угол. На почтительном расстоянии загонную охоту сопровождали две молодые псевдоплоти, видимо, рассчитывая на остатки собачьей трапезы. Однако собак было много, и я бы на месте псевдоплотей особо губу не раскатывал. Да и вообще семь раз подумал бы о том, как самому ненароком не оказаться главным блюдом на обеде.

Кабан вдруг резко остановился, разворачиваясь на месте со значительным заносом, словно тяжелый внедорожник. Преследовавшие его собаки тут же прыснули во все стороны, только одна, увлекшись, подскочила слишком близко к кабану и тут же была наказана страшным ударом внушительных кривых клыков. Неистово взыв, собака пролетела по воздуху несколько метров и тяжело шлепнулась в грязь, подняв фонтан брызг. Не став добивать врага, кабан снова развернулся и бросился прочь от фермы, перпендикулярно своему прежнему маршруту. Собачий молодняк, вывалив языки, азартно кинулся следом, остальные неторопливо потрусили наискосок. В другое время слепые псы наверняка разорвали бы своего раненого собрата, но сейчас у них имелось более интересное занятие: мяса в кабане было гораздо больше. Поэтому собаку с перебитым хребтом, издававшую душераздирающие вопли, стая бросила умирать своей смертью; впрочем, со стороны лесопосадки уже осторожно подбирались псевдоплоти, готовые бесплатно прекратить ее муки.

Отвлекаться на нас с Патогенычем собаки тоже не стали, тем более что мы находились посреди минного поля ловушек, и выцарапывать нас отсюда было еще опаснее, чем охотиться на кабана. Лишь чернобыльский пес пробежал через тот пятачок, где мы оставили вещи, брезгливо понюхал мой рюкзак и, не обнаружив ничего съедобного, бросился догонять сместившуюся к северо-востоку загонную охоту.

– Пошли, пошли! – скомандовал я, когда собачья стая отделилась от нас метров на триста.

– Подожди, не мельтеши... – с досадой поднял руку Патогеныч.

Взгляд его был устремлен туда, где две псевдоплоти, взмахивая зазубренными передними конечностями, деловито разделяли умолкнувшую слепую собаку. Однако в следующее мгновение между падальщиками вспыхнула ссора за лучшие куски, и они, позабыв про все вокруг, принялись ожесточенно драться, неуклюже лупцуя друг друга длинными передними лапами. Поэтому Патогеныч снова двинулся вперед, прокладывая безопасный путь в сплошном аномальном поле. Даже если псевдоплоти и заинтересуются нами, он сможет отогнать их выстрелами из пистолета, а потом мы уже доберемся до тяжелой артиллерии, и тогда лучше бы поганым тварям не приближаться на расстояние прицельной стрельбы.

Две трети пути мы успешно преодолели без всяких аномальных датчиков, а потом наконец включились наши ПДА, и продвигаться стало проще. И все равно пересечение этого коварного участка Зоны требовало максимального напряжения и предельного внимания. Поэтому когда четверть часа спустя Патогеныч вполголоса чертыхнулся, я не сразу понял, в чем дело. Решил, что он наткнулся на какую-то особо сложную ловушку или непроходимый барьер. Что ж, бывает и так: внутрь проникаешь успешно, а потом что-то сдвигается в окружающем пространстве, и проход оказывается закрыт наглухо. Однажды мне пришлось просидеть на Милитари двое суток без еды и курева, прежде чем блуждающая птичья карусель отползла чуть в сторону и мне удалось ускользнуть из руин через образовавшийся

узкий проход – под самым носом у военных сталкеров, между прочим. Хорошо хоть водки было с запасом...

Однако когда я поднял голову, мне стала понятна причина плохого настроения Патогеныча. Слепые собаки трусцой возвращались к нам. Не знаю, что у них там вышло с кабаном, но поймать его они явно не сумели, иначе сейчас у них был бы знатный пир где-нибудь за соседним холмом. Может быть, он выбрел на стадо сородичей, оказавших ему моральную поддержку, может быть, влетел в большую аномалию, из которой собаки не сумели его вытащить. Может быть, поверженного кабана отнял у них псевдогигант. Может быть, они наконец решили, что это слишком опасная добыча. В общем, какая разница? Главное состояло в том, что собаки возвращались ни с чем – усталые, голодные и сердитые.

– Не дергайся, – на всякий случай предупредил я.

– Пошел к черту, – закономерно отреагировал Патогеныч. До чистого пространства ему оставалось метров пятнадцать, и он упорно двигался вперед, достав из кобуры «беретту». – Сообразим по ходу дела...

Напротив заброшенной фермы понемногу собралась вся стая – дюжина особей разных размеров во главе со злорадно скалящимся чернобыльским псом. Они расселись полукругом возле наших рюкзаков и, уставив на нас безглазые морды, принялись терпеливо дожидаться, когда мы выйдем на свободное пространство и нас можно будет беспрепятственно растерзать.

– Может быть, переждем? – поинтересовался я. – Рано или поздно им надоест нас сторожить. А в аномальное поле они не сунутся.

– Нет, – отозвался Патогеныч, продолжая делать короткие шажки вперед. – Не сегодня завтра выброс. Закупорит нас внутри, и останемся сидеть неизвестно сколько. Надо прорываться.

Ну, добро. Конечно, я не был уверен, что нам удастся благополучно добраться до автоматов, вспугнув целую стаю слепых собак, которые тем больше нагледят, чем больше стая. Но и идея переждать среди аномального поля была так себе, честно говоря. Одна псевдоплоть вон тоже попыталась пересидеть выброс в коровнике, но это не принесло ей счастья. А собаки умеют ждать гораздо лучше сталкеров. Ну его к монахам.

– У меня граната есть, – после паузы пояснил Патогеныч. – Забыл вынуть, когда внутрь полез. Совсем некогда было.

– Отлично, – отозвался я, обкидывая болтами мясорубку, которую недавно благополучно миновал мой коллега. – Живем. Один пистолет и одна граната – чтобы отбиться от целой стаи слепых собак, лучшего и желать нельзя.

– Хотя бы пугнем как следует.

– Ну, попробуем... – Отвлекаясь на разговоры, я едва не влез локтем в зону действия гравиконцентра, но вовремя заметил, как меня нежно потащило влево, тут же захлопнул пасть и торопливо, с трудом преодолев сопротивление гравитационной аномалии, шагнул в противоположную сторону.

Патогеныч наконец оказался за пределами аномального поля. На всякий случай он остановился на самой его границе: если бы псы атаковали, ему достаточно было бы одного шага, чтобы вновь оказаться в узком коридоре посреди смертельно опасных ловушек, и тогда попробуй его возьми. Поднял пистолет, тщательно прицелился в ближайшую собаку... Молодые псы заволновались, вскочили с мест, но матерый самец, которого взял на прицел мой напарник, даже ухом не повел. Лишь за мгновение до того, как Патогеныч выстрелил, пес неуловимым движением ушел в сторону, и пуля вонзилась во влажный грунт рядом с ним.

Нет, бесполезно. Если одиночную собаку еще есть шанс отогнать из пистолета, то против стаи шансов нет. Патронов у нас точно не хватит. Слепые собаки довольно пугливы и осторожны, но, когда сбиваются в толпу, коллективный разум у них начинает преобладать над индивидуальным. Так что стая даже не подумает разбежаться и охотно пожертвует парой особей, чтобы остальные члены банды оказались накормлены.

А самое паскудное, что эти твари – телепаты. Проникая в кратковременную память стрелка, они считывают прямо у него из мозгов, куда именно он целится. Именно поэтому автоматов они боятся больше, чем снайперских винтовок – потому что стрелок чаще всего и сам не знает точно, куда лягут пули длинной очереди. Что касается пистолета, то с ним возможны варианты.

Я потратил еще пару минут, чтобы преодолеть последние несколько метров аномального поля, и встал рядом с Патогенычем.

– Ну, давай, бродяга, пугни их гранатой, – сказал я.

Он вынул из кармашка разгрузочного жилета оборонительную гранату. Собаки возле наших рюкзаков насторожились, наострили уши, повернули головы в его сторону. Скорчив страшное лицо, Патогеныч сделал вид, что срывает чеку, широко размахнулся...

Слепые псы не отреагировали, хотя и продолжали настороженно прядать ушами.

– Твою бабушку через колено, – проговорил Патогеныч.

– Они же копаются у тебя в голове, – напомнил я. – Они видят, что на самом деле ты не собираешься бросать гранату. Напряги фантазию!

– Да напярй я! – отмахнулся он. Снова быстро и широко размахнулся, после чего медленно опустил руку с гранатой. – Нет, ноль внимания. От твари!

– Они понимают, что ты не швырнешь гранату в сторону рюкзаков, потому что опасаясь повредить автоматы, – пояснил я. – Пока ты сам уверен, что не бросишь гранату ни при каких условиях, псы в этом уверены тоже. Попытайся не думать об автоматах, думай лучше о том, что эта штука у тебя в руках разнесет половину стаи.

– Умный, да? – неодобрительно поинтересовался Патогеныч. – На, сам кидай.

– Отойди, салага, – сказал я, забирая у него гранату. – Ты впустую пожираешь мой кислород.

Я перевел взгляд на слепых собак возле наших рюкзаков, вытянувших морды в мою сторону. Поганые твари. Облезлые, полуразложившиеся, вонючие мутанты. Шакалы. На самом деле нам с Патогенычем не так уж и нужны автоматы, чтобы положить прямо на месте дюжину слепых псов. Половину стаи разметет граната, а остальных мы легко примем в ножи... а, черт, у меня больше нет ножа... плевать, голыми руками порвем! Передушим, как щенят! Зубами растерзаем! Я чувствовал, как во мне понемногу закипает неподдельная ярость, и собаки, тоже ощутив это, заволновались, начали привставать, по-прежнему не сводя с меня безглазых морд, словно прослушивая мои мысли чувствительными радарами. Заберите эти чертовы автоматы себе, твари, все равно они вам не помогут! Мать вашу, как же я мечтаю впиться зубами в ближайшую глотку! Как мне хочется ощутить на языке вкус горячей крови!.. Короче, сейчас я вас всех буду зверски убивать, а для начала держите подарок от дяденьки Хемуля...

Игнорируя протестующий вопль Патогеныча, я решительно вырвал из гранаты чеку и широко размахнулся. Честное слово, если бы слепые собаки тут же не брызнули во все стороны, словно осколки хлопнувшей со второго этажа чашки, я без малейших колебаний разнес бы их в клочья вместе с рюкзаками и автоматами, и будь что будет. Я был совершенно уверен, что сейчас брошу гранату. Мне нужно было самому поверить в свою ненависть и отморозенность, чтобы в это поверили собаки. Однако поняв, что мой план удался, я мгновенно погасил бушевавшую в сознании ярость и, продолжая уже начатое было движение, изо всех сил запустил гранатой на девяносто градусов от первоначально намеченного направления.

Мы с Патогенычем резко присели. Взрыв не нанес разбежавшейся собачьей стае ощутимого урона – разве что двух или трех псов слегка посеколо на излете осколками. Зато мы с напарником прямо с низкого старта рванули к нашим освободившимся от чужого контроля рюкзакам и, схватив автоматы, встали рядом, привычно взяв на себя по половине огневого направления каждый – по четверти часового циферблата. Недалеко отбежавшие и оглушенные взрывом псы тем временем неторопливо возвращались к нам, настороженно поводя слепыми мордами.

– Итак, господа, – негромко сказал я голосом мультяшного страуса, досылая патрон в патронник. – Не сплясать ли нам знойное латиноамериканское танго?..

Глава 4

Динка

А вечером я сидел в бронированном подвале бара «Шти» перед торговцем Бубной, который, сцепив руки на животе, скорбно взирал на меня из-за своего стола.

– Значит, Патогеныч расколол чертово яйцо выстрелом из «беретты», – со вздохом вычленил он главную идею моего рассказа. Возможно, Бубна надеялся, что, когда он произнесет это вслух, я сам пойму, насколько безумно это звучит. Тем не менее я кивнул и сказал:

– Ага.

– И тебя обсыпало осколками, – продолжал припирять меня к стенке торговец.

– Точно, отец. – Припираться к стенке я категорически отказывался. – В яблочко.

– Но тем не менее ты сейчас здесь, а не валяешься тушкой за Периметром.

– Нет, я как раз валяюсь, а с тобой сейчас разговаривает мой брат-близнец, с которым нас разлучили еще в младенчестве.

Бубна внимательно посмотрел на меня, словно и в самом деле пытаюсь найти в моей внешности какие-то неуловимые отличия от знакомой физиономии Хемуля, затем сокрушенно покачал головой:

– Ну, допустим. А если ты тогда заразу какую притащил, сынок? Что прикажешь делать?

– Значит, не судьба. – Я едва заметно пожал плечами. – Все по одной дощечке ходим, чего там. Без риска в нашем деле никак. У тебя тут курить можно?

– Нельзя, – отрезал хозяин кабинета. Побарабанил короткими волосатыми пальцами по столу. – Ну, значит, так, бродяги. Если я узнаю, что вы отнесли яйцо Сидору, Нафане или Клещу – а я узнаю, будьте уверены, – то я сурьезно рассерчаю. Как минимум пострадают наши деловые отношения. Это как минимум.

Бродяги – это он так ко мне обращался. В целях безопасности сталкеры в подвальный кабинет с люком от подводной лодки допускались исключительно по одному. Патогеныч же всегда почему-то страшно робел перед Бубной, поэтому отдуваться за свой героический подвиг в коровнике послал меня. Похоже, очень давно, еще до моего появления в Зоне, между ними произошло что-то на редкость неприятное, из-за чего мой старый приятель до сих пор избегал вести с Бубной самостоятельные дела.

– О как, – понимающе отозвался я. – Сурьезно рассерчаешь, значит. Думается мне, это будет трагическая потеря для человечества.

Торговец молчал, пожирая меня мрачным взглядом.

Когда я вернулся в клан после двухмесячного отсутствия, мы с ним мигом поладили. Старый плут понимал, что тогда, в осажденных мутантами «Штях», когда у нас с ним вышли некоторые идеологические разногласия, я был в своем праве. В конце концов, джип со двора угнал не я, а Хе-Хе с «туристами». А я имел полное право забрать свое оружие и уйти. Что я, в общем-то, и сделал. И, кроме того, Бубна не мог не понимать, что мы с моим вторым номером и «туристами» сделали за него его собственную работу – спасли Динку и бармена Джо. А самое главное, он был деловым человеком и не собирался разбрасываться опытными сталкерами – дольше меня из нашего клана топчет Зону, пожалуй, только Патогеныч, да еще Гвинпин тоже понемногу приближается к рекорду долгожительства Ивана Тайги. Так что после моего возвращения Бубна не задал мне ни одного неправильного вопроса и вообще сделал вид, что я просто уезжал в отпуск. Меня это вполне устроило.

Честно говоря, сначала я не собирался возвращаться вовсе. Мне казалось, что катастрофа, которую при моем непосредственном участии учинили объединенные силы американских и русских спецслужб, переросла в глобальную. Когда я бросил выживших

«туристов» с Динкой и Айваром возле нового Периметра, чтобы не попасть в лапы к военным, ситуация выглядела пиковой. После того как Камачо зарядил в сеть Хозяев Зоны какие-то загадочные коды, Зона рывком расширилась на тридцать километров, а затем продолжила расползаться – медленно, но неуклонно. Я шагал к границе Зоны, но она приблизительно с той же скоростью убегала от меня.

Расквартированные возле второй линии обороны гарнизоны коалиционных сил, не готовые к такой беде, были раздавлены довольно быстро. Зона неумолимо двигалась в сторону Киева, на столицу перли стаи обезумевших кровожадных тварей. Дорогу им преградили два российских мотострелковых батальона, которые устроили мутантам кровавую баню и скорее всего остановили бы их, если бы проползшие прямо через оборонительные ряды гравиконцентраты не уничтожили большую часть боевой техники. В результате катаклизма погибло множество военных разных национальностей, большое количество бродяг осталось в Зоне навсегда. Лишь стянутые со всех ближайших областей украинские войска сумели остановить прорыв. До следующего утра по остаткам мутантов работали тяжелая артиллерия и вертолеты.

А потом все кончилось. В какой-то момент электронная аппаратура военных перестала сходить с ума, а отдельные прорвавшиеся твари началидохнуть одна за другой. Зона разом вернулась в свои прежние границы. Аномалии отступили вместе с ней, а не успевшие достаточно быстро отступить мутанты усеяли своими разлагающимися радиоактивными телами среднеукраинские пейзажи. То ли загадочным Хозяевам Зоны так и не удалось запустить дополнительный реактор, коды доступа к которому сбросил им Камачо, то ли он действительно зарядил им в сеть вредоносную программу, и Хозяева, решив, что это первый удар массовой атаки военных, в отчаянном порыве решили нанести контрудар всеми имеющимися средствами, разом уничтожив силы противника, сконцентрированные по Периметру. Как бы то ни было, ничего у них не получилось; впрочем, Зона тоже так и не была уничтожена. Она вернулась в свои прежние границы и снова затаилась, а наши ребята, окопавшиеся в «Штях», благополучно пересидели там Большой Прорыв, как тут же окрестили данное бедствие военные коалиционных сил.

Меня все это интересовало мало, ибо к тому времени я уже выбрался из Зоны, проскользнул через немногочисленные армейские заслоны, прикопал в приметном месте свой «хопфул» и контейнер с радужной сферой, которую взял на Агропроме и так и протаскал с собой весь тот безумный день, а потом, добравшись пешком до ближайшего населенного пункта, уехал с беженцами в родной Харьков. Мне казалось, что на этом моя сталкерская карьера благополучно окончена. Проведал матушку с сестренками, оставил им малость денег на хлеб – с маслом и черной икрой, ясное дело. Погулял по местам боевой славы своей юности, посорил бабками в «Метрополе», покатался на канатной дороге. Навестил Люську, зачем – сам не знаю; сначала это показалось мне хорошей идеей. Потом уехал в Киев. Пошатался по Крещатику, поklubился по ночным клубам, повидался с Калбасиком – в свое время мы славно зажигали в Зоне, пока Калбас не решил, что с него достаточно адреналина, и не смотался на родину. Кстати, именно он научил меня готовить правильный техасский стейк, который я поджарил в гостях у Болотного Доктора. Теперь Калбасик занимал пост средних размеров в столичной милиции. Звал в органы и меня, но я вежливо уклонился от заманчивого предложения.

Потом съездил во Львов, потом в Москву и Питер. Везде мне было душно и скучно. Суета, шум. Люди. В толпе я чувствовал себя неуютно до чертиков, я постоянно ловил себя на том, что машинально фиксирую, кто из прохожих может нести под курткой ствол, кто излишне пристально на меня смотрит, кто способен представлять наибольшую угрозу при внезапном нападении. Я не мог расслабиться в мирном городе – начисто забыл, как это делается. Первое время мне жутко хотелось поехать куда-нибудь в Южную Европу, поваляться на чистом песке под правильным солнышком, попить марочного вина, пожевать омаров. Познакомиться в Харькове с симпатичной студенточкой – девушки в Харькове знатные, ничем не уступают московским и крымским, а по меркам Европы вообще отпад, –

пригласить с собой, устроить ей непродолжительное, но незабываемое приключение с матерым, но нежным самцом. Благо загранпаспорт у меня на всякий случай давно был оформлен. Я даже зашел в пару турагентств, чтобы разведать обстановку.

Денег на эту авантюру у меня было достаточно. На счету в киевском банке меня ждала некоторая сумма на черный день, а кроме того, у меня имелся гонорар от полковника Стеценко из ФСБ. Прежде чем обналичить эту карточку, я долго смотрел на нее, но в конце концов перевел деньги на свой счет, а карточку сломал и выбросил. Заманчиво, конечно, но пусть со спецслужбами работают идиоты или фанатики вроде Хе-Хе. Случай с американскими «туристами» и вызванными ими катаклизмами лишний раз продемонстрировал: держись подальше от спецслужб и их запутанных интриг, приятель, целее будешь.

В итоге я, разумеется, никуда не поехал. Потосковал, помучился, несколько раз напился как свинья, после чего сдал билеты и, не попрощавшись с симпатичной студенточкой, вернулся в полуразрушенный после Большого Прорыва Чернобыль-4. Вот такой я кретин, радиоактивное мясо.

Да, здесь я на своем месте. Здесь я всех знаю, я представляю, как себя вести и как поступать в определенных ситуациях. Здесь я свой.

Мне только здорово доставало Динки, маленького кусачего зверька, проклятой лживой сучки, подтеревшейся моими чувствами. Разумеется, они с Айваром так и не вернулись в «Шти», они ведь не кретины вроде меня. Я надеялся, что у них все будет хорошо и она не позволит ему бить себя чаще двух раз в неделю. Больше было бы перебором.

Чепуха. Бабы – чепуха. Я немедленно нашел себе отличную замену. Ириш, коллега Динки по стриптиз-подиуму «Штей», сохла по мне уже не первый год. Некоторое время назад, еще в начале моей сталкерской карьеры, мы с ней несколько раз крайне удачно перепихнулись, и с тех пор она мне проходу не давала в надежде повторить столь славный опыт. Однако у меня к тому времени уже была Динка, а я считал западлом крутить романы на стороне при живой подруге. Слишком много она для меня значила. Теперь, когда выяснилось, что сама подруга так не считает, никаких тормозов у меня не было. Ириш оказалась первой в очереди – и наплевать, что ею когда-то хвастались и Муха, и Енот, и покойный Астроном. Мне теперь, похоже, на все было глубоко наплевать.

Ириш оказалась так же хороша в постели, как и пять лет назад. Только поистаскалась малость за прошедшие годы; впрочем, все мы не молодеем. Однако меня здорово доставало ее постоянное подбострастие, нелепое стремление все время угождать небожителю, который наконец откликнулся на ее страстные молитвы и спустился с небес. Я не чувствовал с ней того душевного комфорта, который ощущал когда-то со своей черноволосой девочкой – колючей, ершистой, дерзкой, независимой и непредсказуемой. Нет, в добровольной рабыне я не нуждался. Я переехал жить к Ириш, поскольку мне было собораться – только подпоясаться, однако я остро ощущал, что все это понарошку и ненадолго.

Вот такая жизненная ситуация сложилась у меня к тому вечеру, как мы с Патогенычем отправились за чертовым яйцом.

– Ну что ж, бродяги, – проронил наконец Бубна. – Смотрите, я вас предупредил. В конце концов, я готов накинуть еще две сотни. Но это уже будет конкретно последнее слово. Больше вы не получите ни от Нафани, ни от Сидоровича.

– Отец, – проникновенно сказал я, – всего лишь за четверть суммы я могу вернуться на Милитари и принести тебе осколки этого чертова яйца. Надо было сразу прихватить несколько, чтобы ты поверил, но нам было немного не до того. Сильно пахло жареным. Да и контейнер свой я посеял.

Некоторое время Бубна молча гипнотизировал меня испытующим взглядом. Я взираю на него спокойно и миролюбиво, не моргая и не опуская глаз.

Торговец сдался первым.

– Ладно, – безразлично пробурчал он. – Ступай, развлекайся. После поговорим. Рыжий, проводи.

Рыжий был новым старшим барменом «Штей» и доверенным лицом Бубны вместо исчезнувшего Айвара. Нет, все-таки Джо поступил очень мудро, что не вернулся в Зону, иначе на третий или четвертый день я все-таки не выдержал бы и непременно прикончил ублюдка – возможно, прямо в кабинете у босса.

Вернувшись в общий зал, я забрался на свой высокий стул перед стойкой.

– Порядок? – поинтересовался сидевший рядом Патогеныч.

– Порядок, – сказал я. – Даже не испачкался.

– Ну, тогда нет повода не выпить за очередное успешное избавление от смертельной опасности.

Я так и не понял, что он имел в виду – наши утренние похождения на Милитари или мой разговор с Бубной, но переспрашивать не стал. Оно мне надо? Выпить имело смысл в любом случае.

Мы душевно выпили по полстакана прозрачного и закусили ничем.

По телевизору над головой бармена, как обычно в это время, крутили мультик про страуса. Данную серию я уже видел раз пятнадцать, однако все равно невольно косил взглядом на экран. Обожаю эту рисованную бестию, ничего не могу с собой поделать. Есть между нами что-то неуловимо схожее. И особенно люблю наблюдать, как он реагирует на всякие серьезные опасности: невероятно тупо, но с глубоким достоинством и не теряя присутствия духа. Наш человек, прирожденный сталкер.

«Хаба-хаба! – доносилось из телевизора. – Однако в такой дурацкой ситуации я не оказывался даже в Канаде! Ни хрена ж себе день начинается...»

– Ты, кстати, новость слышал? – между делом поинтересовался Патогеныч, примериваясь к очередной порции прозрачного.

– Пес его знает, – лениво отозвался я. – Может, и слышал. Это смотря какую.

– Ребята говорят, сегодня новая стриптизерша будет выступать. Видал, народу в бар набилось ближе к программе?

– О, круто, – сказал я. – Наконец-то. Симпатичненькая? Если понравится, тряхну стариной. Как зовут?

– Динка, – проговорил Патогеныч, глядя на меня. – Дина Байчурина.

– А. – Я мигом поскущел и снова уткнулся в экран.

«Бабы – чепуха, – авторитетно поведал мне с экрана мультяшный страус. – Без баб тоже неплохо. То есть я, конечно, не гей, но и без баб тоже неплохо. Уважаемый, когда мне наконец принесут пиво?...»

– «А» – это все, что ты можешь сказать по этому поводу? – на всякий случай уточнил Патогеныч, когда мрачное молчание затянулось.

– Ну в общем, да, – ответил я. – Дура она, вот что. Нечего нормальным женщинам здесь, рядом с Зоной, выменем трясти. Уехала – и молодец. Жила бы себе спокойно, детей рожала каким-нибудь барменам... – Помолчав, я все же признал: – Впрочем, рад. Она всегда была звездой местного стриптиза, и без нее программа много потеряла.

Патогеныч шумно вздохнул. Без тоста и не дожидаясь меня осушил свою порцию прозрачного, принялся задумчиво катать пустой стакан по стойке, пока Рыжий не подошел и не отобрал у него хрупкую посуду.

– Вот что, брат, – проговорил мой приятель. – Ты уже большой мальчик и сам способен решить, что для тебя хорошо и что плохо.

– Спасибо, что заметил, – отозвался я. – Я, в общем, приблизительно так и думал. А к чему ты это сказал?

– Так, ни к чему. – Он развернулся на стуле и принялся наблюдать, как полуголая Ириш плавно скользит по стриптизному подиуму.

Пока выступали Ириш, Гюзель и длинноногая Светка, мы с Патогенычем успели чокнуться еще пару раз, а поскольку порции у нас были вполне взрослые, вскоре я начал испытывать настоящую потребность подраться с кем-нибудь. Патогеныч для этого не годился – рука у него тяжелая, а рукопашная подготовка вполне неплохая. Я же не сказал,

будто возмечтал вдруг, чтобы мне набили морду, я сказал «подраться».

Однако с этим мне не повезло. Потому что сталкеры за соседними столиками вдруг зашевелились, по залу побежал шумок, и на подиум одним прыжком мягко и хищно выметнулось под бодрящую музыку оно – горе мое черноволосое, лживая сучка, которую я ненавидел больше всех на свете.

Динка, солнышко мое. Здравствуй, родная. Сто лет бы тебя не видеть, коза.

Зал взорвался общим радостным воплем. Я не стал смотреть, чем там занимается эта стерва – польщенно раскланивается или, по своему обыкновению, с каменным лицом сразу начала танец, не обращая внимания на массовый восторг поклонников. Мне до нее больше не было никакого дела.

Я решительно развернулся на вращающемся стуле к стойке.

– Рыжий, посчитай-ка, – я описал пальцем окружность над своей последней порцией, – вот таких вот сколько было? Заплачу хабаром.

– Э, куда это ты собрался? – возмутился Патогеныч.

– Домой, – честно признался я. – Спать. – Кулаки чесались по-прежнему, но я отчетливо понимал, что здесь и сейчас не время и не место.

– Никаких «домой»! – рявкнул напарник. – Вместе пришли, вместе уйдем, понял? Кто меня пьяного обратно на себе потащит – Енот?!

Я невольно усмехнулся, представив себе эту картину.

– Нет, Енота ты, пожалуй, раздавишь на месте, – согласился я. – Ладно, пьем дальше, если настаиваешь. – Я жизнерадостно помахал Рыжему: – Слышь, брат, не считай пока. Папенька возражает.

Без тоста и без Патогеныча я опрокинул в себя очередные пятьдесят и, сморщившись, показал бармену на пустой стакан, после чего поднял два пальца. Рыжий кивнул и стал готовить мне двойную порцию. Сообразительный парнишка; Джо, например, в такой ситуации налил бы в стакан водки на два пальца. То есть я именно это и имел в виду, но вариант Рыжего меня тоже вполне устроил. Пожалуй, сейчас как раз вариант Рыжего устраивал меня больше всего.

Повернувшись спиной к стриптизному подиуму, я зачерпнул из миски, стоявшей возле бармена, горсть ржанных сухариков и принялся жевать их, уткнувшись в телевизор. Очередную начавшуюся серию про страуса я тоже смотрел много раз, что не мешало мне с неподдельным интересом следить за уже знакомыми похождениями анимационной бестии. Не знаю, понравилось ли Динке созерцать со сцены мою сгорбленную спину; мне хотелось надеяться, что очень, очень понравилось. Патогеныч явно был недоволен моим поведением, но ничего не сказал. Ну еще бы. Попробовал бы. Тогда бы я сегодня точно подрался, что пошло бы мне только на пользу.

Динкино выступление очень кстати закончилось вместе с мультиком.

– Блестяще, – с чувством произнес я, снова поворачиваясь к подиуму. – Никогда не видел ничего круче. Гениальный мульт. Ты видел, как он выбросил его из машины и сказал: «Дальше сам доедешь, ублюдок?»

– Дурак ты, Хемуль, – с сожалением сказал Патогеныч, сползая со стула.

– Чё, правда? – изобразил удивление я.

– Не то слово, – пробурчал Патогеныч и побрел в туалет.

– Ну, значит, не судьба, – задумчиво проговорил я в пространство, придвигая к себе отмеренную Рыжим двойную порцию прозрачного.

Отгадайте загадку: прозрачное, но не вода? Вот именно.

Очередную порцию я принялся цедить маленькими глоточками, как научил меня в свое время один мичман. На душе у меня было исключительно погано. Причем непонятно отчего. Неужели оттого, что совсем рядом, рукой подать, снова была моя бывшая подруга? Нет, чепуха. Я полностью вычеркнул ее из своей жизни. Такие вещи не прощают. Неприятно, конечно, в ее присутствии оживают дурацкие воспоминания, и все такое. Однако все, что между нами было, уже благополучно отболело и умерло. Я хозяин своим эмоциям, я

свободен и счастлив. Отчего же так исключительно погано на душе?..

Некоторое время болезненно помедитировав над своей порцией, я вдруг обнаружил, что стакан пуст. Я совершенно не помнил, когда и каким образом опустошил его, но на всякий случай заказал еще прозрачного – на тот случай, если бармен меня разводит и зачем-то коварно пытается не дать мне нажраться. И снова замер в горестных размышлениях...

– Привет, Хемуль.

Я даже не заметил, как она подошла и залезла на соседний стул у стойки. На ней был шикарный, но довольно строгий халатик, черный с серебряными драконами. Повинуясь ее безмолвному жесту, Рыжий тут же принялся готовить сложный коктейль.

– Сейчас старик вернется и прогонит тебя пинками со своего места, – ровным голосом предупредил я, технично оставив ее приветствие без внимания.

– Ничего, мы с ним договоримся как-нибудь. – Она придвинула к себе мою пепельницу, вытащила из валявшейся на стойке пачки Патогеныча сигарету, помяла в пальцах. – Прикурить не дашь? – поинтересовалась после затянувшейся паузы.

Я вежливо щелкнул зажигалкой, дал ей прикурить. Спрятал зажигалку в карман, по-прежнему бездумно глядя в телевизор. Она деликатно выпустила в сторону от меня длинную струю дыма, затянулась снова. Кивнула в сторону телевизора:

– Страус?

– Страус, – сдержанно подтвердил я.

– Классно, – проговорила она и снова замолчала.

Вот почему так: эта девица в баре впервые после того, как Бубна поменял бармена, но новичок уже досконально знает, как готовить ее любимый коктейль, и начинает делать это по одному движению ее руки? А я потратил две недели, чтобы этот барбос запомнил, на сколько пальцев мне следует наливать в стакан прозрачного, и то он еще умудряется ошибаться. Нет, я понимаю, у меня нет таких буферов, такой задницы и такой роскошной шевелюры, но все равно как-то несправедливо устроен мир.

От солидного количества выпитой водки меня уже волокло со страшной силой. Впрочем, оно и к лучшему: не стану выбирать слова и выражения. В трезвом виде я обычно слишком дипломатичен, когда общаюсь с женщинами.

– Чего у тебя руки в бинтах? – помолчав, спросила Динка. – Опять подрался с мужиками?

– С Дядей Мишей за руку поздоровался, – равнодушно отозвался я. – Твое-то какое дело?

– Да никакого, в общем-то.

И снова повисла дурацкая пауза. А о чем прикажете говорить? Интересоваться здоровьем Айвара?

– Не ожидала тебя сегодня увидеть, – вновь нарушила продолжительное молчание моя бывшая, задумчиво разглядывая поднимающийся к потолку дым своей сигареты.

– В последний раз ты тоже не ожидала меня увидеть, подруга, – не выдержал я наконец. – Помнишь? Когда уединилась с Джо.

– Все еще злишься на меня? – хмуро спросила Динка, пытаясь заглянуть мне в глаза.

– Зачем, – безразлично произнес я, не отводя взгляда. – Злость унижает человека.

– О как.

– Ну. – Я поболтал пальцем в миске с сухариками. – А ты как поживаешь, красавица? На хрена вернулась? Не все еще деньги заработала?

– Слушай, ну какого черта?! – Терпение у моей красавицы явно заканчивалось, но какое мне теперь дело до ее терпения? Ровно никакого. – Я же хочу с тобой серьезно поговорить!

– А я с тобой не хочу.

– Хемуль!..

– Пошла вон, сука.

Динка вскочила, отшвырнув сигарету, на ее смуглых щеках вспыхнули красные пятна, на округлившись губах явно плясало грязное, очень грязное ругательство. Несколько мгновений я смиренно ожидал, что она с размаху влепит мне пощечину или выплеснет в морду прозрачное, но она вдруг закрыла лицо руками и, разрыдавшись, бросилась в подсобные помещения бара.

Ну и ладушки. Я равнодушно развернулся к стойке и придвинул к себе стакан. Прозрачного было еще много, и, если бы оно оказалось у меня на морде, а не отправилось по назначению, было бы обидно.

– Хемуль! – кто-то решительно положил мне руку на плечо.

Я скосил глаза: рядом со мной стоял Борода.

– Послушай-ка, брат, – проговорил он. – Перед девочкой надо бы извиниться.

– Ну? – удивился я, лениво стряхивая его руку. – Так вот прямо и извиниться?

Борода вздохнул. Чертов москаль, интеллигенция хренова. Нет бы сразу без разговоров в морду сунуть, так ведь сначала полчаса совестить будет.

– Хемуль, – веско сказал он, – извинись перед Диной. Мы тут и так без нее скучали столько времени. Не надо нам всем портить настроение, а?

Я вдруг обратил внимание, что весь зал сидит и смотрит на нас. Ну, правильно, не так часто здесь бывает бесплатный цирк с участием легенды клана и танцовщицы, о которой мечтает каждый мужчина, который только ее увидит.

– Ну, да, да, – философски покивал я. – В пианиста не стрелять, стриптизерш матерными словами не называть. Закон такой. Понимаю. Только я к ней, брат, не подсаживался вроде. Сижу, никого не трогаю, пытаюсь допить свое прозрачное...

Борода хмыкнул.

– Вставай, – сказал он.

– Уверен? – поинтересовался я, поднимаясь.

– Давно ни в чем так не был уверен.

Из глубины помещения кошачьим шагом к стойке приблизился Муха, присел на стоявший рядом стол Мельника, скрестил руки на груди.

– Я следующий, – пояснил он мне. – Когда вырубешь Бороду, я с тобой потолкую по-приятельски.

– Третий нах! – радостно рявкнул от стены Фаза.

– За тобой, – тут же отозвался Крот.

– В десятке, – проворчал Монах.

– Вы мне хоть тайм-ауты давать будете? – поинтересовался я, отодвигая свой табурет и разворачиваясь лицом к Бороде. – Чтобы трупы оттащить?..

Борода атаковал меня без дальнейших предисловий, так что последний слог я проглотил. Уклонившись от прямого в челюсть, я поднырнул под его выброшенную вперед руку и со всей дури угостил нападавшего крюком по корпусу, точно под сердце, на мгновение выбив дух из его грудной клетки. Борода тут же растерял всю свою резвость, но второй крюк, хоть и задыхаясь, встретил правильным блоком. Фигли там, если я ему сам когда-то ставил защиту. В общем, по защите еле-еле зачет, курсант, а по нападению два с вожжами. Если в ближайшую пару минут не дотянешься до моей морды, будем считать, что экзамен на краповый берет не сдан, приходи через полгода.

Из-за столика, за которым сидел Борода, начали вскакивать его отмычки, но москаль злобно шикнул на них, и они притихли. Молодец Борода, целую команду воспитал себе. Мы с Мухой и Енотом все время кого-нибудь теряем, соответственно, и команда у нас каждый раз новая. А Борода уже полгода одним составом ходит. Оттого и отношение к нему у малолеток другое. Каждый ветеран, который идет в Зону с отмычками, только и глядит, чтобы ему сзади перо между ребер не сунули. Отмычки нас ненавидят и боятся. А вот за Бороду его ведомые готовы глотки рвать. Педагог, итить.

Борода, в общем, проявил завидное рвение и дважды был близок к успеху, однако экзамена так и не сдал. Я пропустил пару не самых мощных ударов по корпусу, но и только.

Было больно, но никакого серьезного вреда эти удары мне не причинили. А вот мой противник уже успел заработать в солнечное сплетение – вполсилы, правда, – в челюсть и в глаз. Наконец я нащупал брешь в одном из его блоков и, совершив обманный маневр, молниеносно сунул кулак в прореху в защите. Удар пришелся по кончику подбородка, и Борода в сокрушительном нокдауне рухнул на стойку, так опрокинув мое недопитое прозрачное, паскуда.

– Один – ноль. – Я повернулся к публике, дуя на ободранные костяшки пальцев правой руки. – Муха, готов?..

В этот момент из туалета, располагавшегося напротив переодевалок, вернулся Патогеныч, который с ходу оттер Муху в сторону и ухватил меня за грудки. Похоже, по дороге он уже оперативно вошел в курс дела.

– Придурок, ты чего, я не понял?! – яростно зашипел он. – Что за хрень, сталкер? Ты почему нашу красавицу плакать заставил? Ты вообще соображаешь, нет? А ну побежал бегом и быстренько извинился, радиоактивное мясо!

– А не то что? – с любопытством поинтересовался я.

– Дедусь, – Муха подергал Патогеныча за футболку, – вообще-то мы его тут уже бьем. Если хочешь, вставай в очередь.

Тот агрессивно встопорщил бороду.

– Хрен ли полено бить, оно деревянное! – рявкнул он. – Слушай, Хемуль, я на голову совсем больной, ты меня знаешь! Не удивляйся потом, когда вылетишь из клана как пробка! Ты ветеран, брат, и тебе многое позволено, но даже ветеран должен вести себя по понятиям. Мы Диану Эдуардовну обижать не дадим. Блин, сколько ты сам морд разбил из-за нее, гнида!..

– Твою мать, – расстроился я. – Патогеныч, давай это мое личное дело, а? Это только нас с ней касается, понимаешь? Какого черта сюда еще клан приплетать?..

– Нет у тебя в этом баре личных дел! – прорычал он. – Проблемы у вас – так разберитесь наедине, без публичных концертов! Елки, да что я тебя учу, как малолетку!..

Я задумался. Блин, как ни крути, а ведь старик прав. И сегодня я еще обязан ему жизнью. И мало того, ради спасения моей шкуры он без размышлений расстрелял две большие кучи денег, которые собирался отхватить за чертово яйцо, а это было куда серьезнее, хоть он так и не выставил мне за это предъяву.

– Ладно, черти, уговорили, – нехотя сдался я, поднимая обе руки. – Мертвого уболтаете. Особенно Патогеныч. Схожу извинюсь. А потом я к вашим услугам, джентльмены, если кто захочет продолжать.

– Извинишься – вопрос будет снят, – заявил Муха. Он сполз со стола и направился на свое место. – Я, конечно, никогда не против размяться, но без повода и на трезвую голову дерутся только полные лохи. Вот когда примем по триста, ты ко мне подойди и скажи что-нибудь обидное, а дальше поглядим. Что-нибудь про очки. Может быть, я даже не сразу смажу тебя по морде.

– Во мне уже триста, – заметил я.

– Тогда жди, когда я тебя догоню.

Потоптавшись возле стойки, я направился к переодевалкам. Уши у меня натурально горели багровым пламенем, я чувствовал спиной два десятка взглядов. Тьху, идиоты. Ну, извинюсь я – и что будет? Счастье для всех, много и даром, и чтобы никто не ушел трезвым? Пламенные борцы за справедливость, ёпта...

Дверь в Динкину переодевалку оказалась заперта. Подергавшись без толку, я вежливо постучал одним пальцем:

– Диана Эдуардовна, откройте, пожалуйста.

– Пошел на хрен, – донеслось из-за двери.

Пожав плечами, я с полуразворота ударил ногой в замок. Хлипкая дверь жалобно крикнула, а после второго удара распахнулась настежь. Покосившись в конец коридора, выходящего в общий зал, я заметил там вышибалу Храпа, который стоял, устремившись ко

мне всем телом, словно гончая, почуявшая добычу; Патогеныч, обхватив его сзади поперек корпуса, что-то горячо ему втолковывал.

Обреченно вздохнув, я шагнул через порог. И встретился взглядом со своей бывшей подругой. Динка стояла в глубине комнаты, и в руке у нее был направленный на меня пистолет. Хороший пистолет, «Смит – и-Вессон» 5906, не какая-нибудь девчачья игрушка. И ее вытянутая рука совершенно не дрожала под тяжестью оружия, что характерно. Тренированные запястья.

– Стой там, – звенящим голосом предупредила Динка, отчаянно шмыгая носом.

Однако. Второй раз за последние сутки я отчетливо видел черное жерло пистолетного дула. Кажется, я уже потихоньку начал к этому привыкать. Забавное чувство.

– Выстрелишь? – удивился я.

– Выстрелю, – решительно подтвердила Динка.

– Не обманываешь?

– Не обманываю.

– О как. – Я задумался. – Ну, тогда отсюда буду говорить, – решил я наконец. – Короче, это. Хочу извиниться. За свое это... за непотребное поведение. Ага. За «сучку». Ребята велели. Аминь.

– Молодец. Теперь вали к своим ребятам и скажи, что извинился, – огрызнулась Динка. Нос у нее покраснел, тушь потекла от слез, но глаза снова были такими, какими я их помнил и любил: внимательными и чуть прищуренными, словно она смотрела на меня через оптику снайперской винтовки. Я не сомневался, что, если сделаю еще шаг, красавица без колебаний нажмет на спуск. Черт, как же я сейчас завидовал тому ублюдку, которому достанется такая роскошная женщина. Даже зареванная, даже ошкетинившаяся, как дикобраз, она была нестерпимо красива. Хотелось немедленно зажмуриться и упасть перед ней на колени. И пусть делает что хочет.

– Динка, – сказал я, еще не зная, что именно скажу через мгновение. Наверняка должна была прозвучать какая-нибудь грандиозная глупость в духе мультяшного страуса. – Динка...

– Пошел в мясорубку! – повысила голос моя бывшая подруга и махнула стволом пистолета в направлении общего зала. – Ступай к своим...

Ну, нет, дорогая, нельзя так обращаться с огнестрельным оружием, когда держишь человека на мушке. Не уверен, что я сам хотел этого, но мои рефлексy сработали автоматически. Бросившись на нее, я мигом выкрутил у нее из ладони пистолет, который она судорожно попыталась вздернуть, заломил ей обе руки за спину и прижал к себе, лишив возможности лягаться. После этого Махмуд обычно кладет наполовину стреноженной жертве ладонь на темя, запускает два пальца в глаза и с удовольствием произносит: «И на конвоирование!» Однако я не мог поступить так с женщиной, тем более с женщиной, которую когда-то любил.

Через мгновение она уже вырвалась из моей более чем щадящей хватки, и снова ревела, и обнимала меня, и яростно колотила кулачками в мою услужливо выпяченную грудь:

– Кретин! Жаба! Радиоактивное мясо! Что ж ты делаешь со мной, я ведь люблю тебя, люблю, дрянь такая, сволочь!..

За моей спиной тихо скрипнула, закрываясь, дверь с выломанным замком. Ай, Патогеныч, собака бешеная, подумал я, крепко прижимая к себе свою милую девочку. Поймаю – убью. Спасибо, брат...

Глава 5

Новые неприятности

Когда я трижды доказал Динке, насколько сильно по ней соскучился, мы наконец сумели оторваться друг от друга. Мы закурили и, лежа на спине, лениво стряхивали пепел в пустую жестяную банку из-под пива, стоявшую у меня на груди. Все как в старые добрые времена. Подруга положила мне голову на плечо и разглядывала мое лицо своими

огромными черными глазищами.

– Чего смотришь? – поинтересовался я. – Динка-блондинка.

– Дурак, – фыркнула она. – Сам ты блондинка.

Волосы у моей девочки действительно чернее воронова крыла. Чернее ночного неба над Зоной. Зароешься в них лицом – и кажется, можно спокойно умирать. Ничего лучше в жизни уже не будет.

Я любовался ее стройной фигурой, лениво размышляя, что же между нами общего, что так прочно связывает нас, несмотря ни на какие дразги, ссоры и даже, как выяснилось, взаимные измены. Что я вообще знал о ней? Да практически ничего. Маленький незащитный зверек приехал в Чернобыль-4 раньше меня – в поисках своего отца, сгинувшего где-то в этих краях. Я никогда не спрашивал, что ей довелось пережить до нашей встречи – а пережить ей наверняка довелось многое. Сама она тоже не любила возвращаться к теме прошлого. Как бы то ни было, за несколько лет Динка превратилась в роскошную, ослепительно красивую, умеющую постоять за себя, но абсолютно фригидную стерву, звезду местного стриптиза под сценическим псевдонимом Диана. Мне довелось неоднократно драться из-за нее, однажды с самим Термитом, но в конце концов она все же стала моей. Я потратил очень много сил, времени и заботы, чтобы однажды ночью она вдруг всхлипнула подо мной от неподдельной страсти. Я кропотливо и терпеливо лепил из нее женщину своей мечты, потому что, хотя снаружи она уже была таковой, внутри у нее смерзлись в один большой и грязный сугроб хронические боль, тоска, одиночество и обида. Я никогда не интересовался, как она сумела выжить в этом суровом месте и почему Бубна когда-то делал ей королевские подарки. Я никогда не интересовался ее прежними связями, хотя до меня и доходили слухи о ее длительном и мучительном романе с покойным Иваном Тайгой. Это все было в прошлом. Я хотел, чтобы между нами ничего не стояло, чтобы ничего не омрачало наши отношения. Я даже простил ей бармена Джо, давно уже простил, хотя и понимал, конечно, что еще одна такая выходка моей подруги – и между нами все лопнет окончательно и бесповоротно.

И она по-прежнему искала отца. Это была ее идея фикс, хотя он бесследно исчез много лет назад, когда она еще была маленькой девочкой. Она ходила к Че и анализировала с ним какие-то загадочные файлы из ПДА погибших сталкеров и армейские радиоперехваты. Она подолгу беседовала с полубезумными бродягами, выбравшимися из глубин Зоны с обожженным рассудком. Она подробно расспрашивала меня о том, что я видел за Периметром и какие сплетни слышал. Иногда я про себя бешено ревновал ее к отцу и, честно говоря, сейчас не взялся бы утверждать наверняка, ради чего она вернулась – ради меня или ради того, чтобы продолжать свои бесплодные поиски.

Хотя какая мне разница. Она рядом, я чувствую под боком тепло ее тела. Пошло оно все.

Мы лежали в постели в ее коттеджике на окраине Чернобыля-4. Нам было уютно вдвоем. Безумие и ужас Зоны остались где-то там, далеко снаружи.

Но мне зачем-то нужно было ковырять едва подсохшие раны. Вот такой я кретин.

– Значит, с Айваром ничего не вышло у тебя, – сказал я, стряхивая пепел в банку.

– А ничего и не могло выйти. – Голос подруги не изменился, но я почувствовал, как она напряглась всем телом. – Мы расстались сразу, как только нас задержали на новом Периметре. Нас всех допрашивали по отдельности, а потом я больше не видела никого из тех, с кем мы выбирались. На следующий день меня вместе с другими эвакуированными отправили в Харьков.

О как. Нет, я понимал, конечно, что Динка должна была быть где-то рядом, но мысль о том, что мы вполне можем столкнуться в одном эвакуационном автобусе или на улице Харькова, мне как-то в голову не приходила.

– Он меня искал, – продолжала подруга, бросив окурочку в банку. – Писал электронные письма, умолял отозваться. Потом перестал. Наверное, понял, что бесполезно...

– Прямо Орлеанская дева Жанна д'Арк, – сдержанно похвалил я. – Прямо хранила

верность своему единственному.

– Пошел в задницу. – Динка ущипнула меня так умело, что я чуть не взвыл от боли. – Договорились же вроде. Проехали.

– Проехали, ага. Но тебе иногда нужно указывать твое место, женщина.

– Мужчина, мать твою! Ты для этого цирк в баре устроил? Унизить меня хотел по сильнее?

– Ага, – флегматично подтвердил я. – Раздавить и втоптать в грязь.

– А ведь я тебя после этого убить хотела, милый. Пойти в примерку, взять пистолет и высадить в тебя всю обойму прямо перед стойкой...

– Радость моя, – сказал я.

– Вместо этого разревелась, как дура, – продолжала Динка, подперев щеку рукой. – Подумала: как же я буду одновременно стрелять и реветь? Глупость какая...

– Умница, мышка, – сказал я. – Никогда не следует терять лица. А лучший способ потерять лицо – это реветь и стрелять одновременно. Ну его к монахам.

– Проклятый алкоголик, – проворковала Динка, положив мне ладонь на плечо. – Мясо...

– Аккуратнее, – хладнокровно предупредил я. – Пепельницу свалишь.

– Ты меня только для того и вызвал из Харькова? – спросила Динка, назло мне продвигая ладонь ближе к банке. – Чтобы круто унизить при всех? Сучонок.

– Я никуда тебя не вызывал, красавица. О чем ты?

– Ну как же. – Диана Эдуардовна изволили царственно играть мужественной порослью у меня на груди, прихватывая ее изящными пальчиками. – Ты же прислал мне на ПДА: «Детка, вернись, я все прощу. Хемуль». И я, как девочка, немедленно все бросила и кинулась по первому свистку...

– Я ничего тебе не посылал. – Я вдруг на мгновение ощутил знакомое чувство, как в Зоне, когда совсем рядом находится какой-то крупный мутировавший организм или невидимая аномалия: волоски на загривке вдруг встали дыбом, а по коже словно провели ледяной мочалкой. – Между прочим, я никогда не называл тебя «детка».

Узкая ладошка Динки на мгновение замерла, затем переместилась на мой живот и принялась поглаживать его в опасной близости от неприкасаемого.

– Наверное, это Патогеныч послал, – сказала она. – Или Енот. Молодцы ребята. Иначе так бы мы с тобой и страдали, как последние идиоты...

– Я не страдал, – безжалостно заявил я. – У меня была Ириш.

– Ты с ней был счастлив? – спросила моя волшебная девочка.

Всего-то и делов было раскрыть пасть и выдавить из себя один-единственный утвердительный звук. Но я не сумел этого сделать. Должно быть, старею.

– Вот, – удовлетворенно кивнула Диана. – Это не измена. Это просто физиология. Кобелизм. И у меня тогда – тоже не было никакой любви, один проклятый кобелизм, только женский. Какая же я была дура...

– Подруга, – сказал я. – Отныне ты свободно можешь кобелировать с кем угодно, когда угодно и сколько угодно раз. Клянусь тебе, что больше я тебя не брошу, как бы ты мне ни изменяла. Я просто убью тебя и закопаю за Периметром. Верь мне, так все и будет.

– Я верю тебе, сволочь. – Динка покорно прикрыла глаза, обняв меня и прижавшись ко мне всем телом.

– Ты сейчас доиграешься, – сказал я, потому что ее ладошка уже спустилась по моему животу ниже всяких приличий и теперь играла с несколько утомленным, но еще вполне готовым к подвигам Хемулем-младшим.

– Ну? – несказанно удивилась Динка. – Прямо вот доиграюсь?

Чертов попугайчик.

– Не буди во мне зверя, – предупредил я. Впрочем, зверь уже был разбужен, торчал вертикально и требовал жертвы. Я внезапным рывком перекатился на постели и придавил пискнувшую от неожиданности подругу всем весом. – Пощады, сучка?

– Отсосеешь, – дерзко отозвалась придавленная подруга.
Этого я простить ей не мог и в четвертый раз доказал, как по ней соскучился.

В дверь стучали. Я разом проснулся – но не от стука, а оттого, что Динка выскользнула из моих объятий и мне вдруг стало неимоверно одиноко, холодно и плохо.

Я раскрыл глаза. В рассветном полумраке я сумел разглядеть силуэт подруги, которая как раз запахивала халатик.

– Что случилось? – спросонья пробормотал я. И тут в дверь снова постучали – коротко, громко и требовательно. – Пусть идут к черту. Наши скинули бы на ПДА, если что срочное...

– А если это военные? – сказала Динка. – Дверь сломают.

– Стой, – сказал я, стремительно приходя в себя. Сгреб стакан с водой, стоявший у изголовья, вылил себе на голову. В голове начало проясняться. – Не торопись.

У Динки в доме не было звонка. Я никогда не спрашивал почему, а она не считала нужным объяснять. Мне это не мешало, но именно благодаря этому я изучил особенности стука в ее дверь. Не раз приходилось стучать рано утром, когда я, грязный, потный и израненный, возвращался из вылазки за Периметр. Дело в том, что стук костяшками пальцев или кулаком в тяжелую и плотную дубовую плиту выходит едва слышным. Чтобы тебя услышали с той стороны двери, колотить в нее надо чем-нибудь массивным и металлическим: контейнером для артефактов, ребром пряжки советского солдатского ремня или каким-нибудь булыжником.

Или тяжелой пистолетной рукоятью. Такой стук ни с чем не спутаешь.

Я сел на кровати, одними губами проговорив: «Пистолет!»

Когда-то Бубна выхлопотал Динке разрешение на хранение и ношение оружия. Скажем, если военные задержат на улице с пистолетом за поясом меня, мне грозят очень серьезные неприятности вплоть до тюремного заключения. Как рецидивисту и по совокупности эпизодов. А вот Диана Эдуардовна имеет официальное право носить личное стрелковое оружие с собой и даже пускать его в ход, если возникнет угроза ее безопасности. В некоторых отношениях быть молодой и красивой сучкой весьма неплохо.

Беззвучно ступая, я приблизился к двери, приложил к ней ухо. Из-за двери отчетливо доносилось тяжелое дыхание.

Тихонько подошла подруга, сунула в ладонь рукоять «Вессона». Посмотрела на меня: дальше что? Я сделал приглашающий жест: ты хозяйка, ты и распоряжайся.

– Кто там? – настороженно спросила Динка.

– Это Хемуль! – придушенно донеслось из-за двери. – Открывай, детка, беда!

Голос у самозванца был нарочито хриплый и задыхающийся, так что опознать его было совершенно невозможно. Правильный тактический ход. Но слава богу, значит, предателей среди наших нет – вряд ли кто из завсегдатаев «Штей», присутствовавших вчера вечером в баре, сомневался, где я проведу эту ночь.

Динка остро зыркнула на меня широко распахнутыми черными глазами, блеснувшими в полумраке: что делать будем, комиссар? Я поднял бровь: что, красавица, не слышишь – я пришел? Надо впустить дорогого гостя.

Отодвинув подругу в сторону, я откинул массивный металлический засов – без него в этих беспокойных местах никак, – щелкнул замком. И едва успел выпустить из рук головку замка – с той стороны дверь резко рванули на себя, и внутрь сунулся мужик в камуфляже без каких-либо опознавательных знаков. Я так думаю, он вряд ли ожидал, что в доме окажется еще кто-то, кроме слабой женщины, поэтому попер напролом.

Первой его ошибкой было то, что он принял Динку за слабую женщину. Второй – то, что он не предусмотрел меня.

Плавным движением сместившись в сторону, я ухватил его за грудки и резко дернул на себя. Не ожидавший такого коварства ублюдок, продолжая собственное движение, со всего размаха врубился в стену прихожей. Одного удара хватило, чтобы он в беспамятстве сполз

на пол. Ногой я отшвырнул «Форт-12М», который он выронил при падении.

Дилетанты, солить твою капусту.

Двое других камуфляжных, страховавшие своего кореша на крыльце, разом полезли в распахнутые двери, подтверждая уже сложившееся у меня мнение. Первого я встретил боковым в челюсть, использовав рукоять Динкиного пистолета в качестве кастета, второму подсек ноги, и он во весь рост грохнулся с крыльца следом за первым.

Больше нападавших не было. Едва ли при такой профанской организации нападения у них был предусмотрен снайпер, но я на всякий случай скользнул быстрым взглядом по двору и окрестным деревьям. Береженого, как известно, Черный Сталкер бережет.

– Замерли оба, – скомандовал я, направив в сторону противников дуло пистолета.

Получивший рукоятью по морде слабо барахтался на усыпанной опавшей листвою земле. А вот второй, пострадавший меньше, целеустремленно вытаскивал из-под себя автомат Калашникова, на который приземлился при падении.

– Забудь, – угрюмо велел я. – Брось в сторону, гнида. Руки на землю.

Ага. У меня сложилось такое ощущение, что я разговариваю с глухим. Или на меня просто забили болт. Незнакомый громила деловито приподнялся на локтях, перехватил автомат за цевье. Он проделывал это неторопливо, словно меня тут и не было вовсе.

– Парень, ты уже труп, – поспешно проговорил я, усиливая нажим на спусковой крючок. – Брось дуру, живо!

Ноль внимания. Так работать могут только олигофрены или совсем крутые перцы, уверенные в себе на пятьсот процентов. Хотя последние мне еще ни разу в жизни не встречались. Поверженный незнакомец перехватил автомат поудобнее и стал поднимать ствол.

– Последнее предупрежде...

Пуля вошла ему точно между глаз. Нелепо дернувшись, крутой олигофрен завалился на бок, и из его головы начала толчками вытекать густая кровь.

Да, я целил в плечо. Да, я считаю себя хорошим стрелком, но даже снайпер имеет право несколько раз в жизни промахнуться. Да, нарочно я бы вряд ли сумел повторить столь меткий выстрел. Да, да, да. Короче, очередное утро началось с очередного невезения.

Тем временем пришел в себя второй, с разбитой челюстью, и потащил из-за пояса такую же, как у Патогеныча, «беретту». Подобную медлительную целеустремленность я видел только у зомби в Зоне. Если бы не одно «но»: ни одному зомби еще не удалось вырваться за пределы Периметра. Простейшая преграда в виде забора из колючей проволоки является для них непреодолимой. Конечно, когда случился Большой Прорыв, расширивший Зону сразу на тридцать километров, многие зомби добрались до Чернобыля-4 и рассеялись по окрестностям, но потом их довольно быстро выбили войска и военные сталкеры. Вряд ли где-то в подвале мог затаиться такой большой отряд. Да и потом: почему они заглянули именно к Динке? Хорошо, залезли в первый попавшийся отдельно стоящий дом; но почему один из них представился Хемулем? Нет, тут выстраивалась довольно длинная и хитрая цепочка, начиная со странного сообщения, которое какая-то гнида прислала Динке от моего имени...

Второго амбала тоже пришлось прикончить. Давненько мне не попадались люди с полным отсутствием инстинкта самосохранения. Тем более двое подряд. Я продырявил ему ногу и обе руки. Он мучительно корчился на земле, но все равно пытался выстрелить в меня, криво держа пистолет непослушными пальцами. Черный Сталкер свидетель: я сделал все, чтобы сохранить ему жизнь. Мне это не удалось.

Потом я с «Вессоном» в руке осторожно обошел вокруг дома, обшарил двор и, больше никого не обнаружив, вернулся на крыльцо. Динка уже успела скрутить потерявшего сознание парня по рукам и ногам крепкой веревкой. Молодец девочка, моя школа.

Вот только нападавший уже не лежал без сознания. Он извивался в путах, хотя и без особого энтузиазма, бессмысленно глядя в пространство остановившимся взглядом. Мать твою, вот это прокол! Я ведь готов был поклясться, что вырубил его об стену. Если бы он

очухался раньше, чем Динка успела его связать, и взял мою подругу в заложники, ситуация сложилась бы похуже, чем у того страуса.

– Кто это? – напряженно спросила моя девочка, когда я запер дверь и тщательно заложил засов.

– Хороший вопрос, – одобрил я. – Своевременный. Телефон комендатуры знаешь?

– Спрашиваешь.

Джип из комендатуры прибыл довольно оперативно – не прошло и четверти часа.

Долговязый майор Йоханссон по прозвищу Шведская Спичка, или просто Спичка, как чаще называли его сталкеры для краткости, сидел напротив меня за столом в Динкиной кухне и сверлил мне переносицу пронзительным взглядом. Я с невинным видом, отрепетированным на Бубне, смотрел ему в глаза, как бы приглашая продолжать начатый допрос.

– Значит, Дина положила двух здоровых мужиков, – констатировал он уже известный ему факт.

Похоже, именно у него Бубна перенял эту дурацкую манеру допроса.

– Да, господин майор, – кивнул я. – Пока я дрался с тем негодяем, который проник в дом, Диана Эдуардовна пыталась остановить его приятелей, вооруженных, осмелюсь заострить ваше внимание, автоматическим оружием системы...

– Я видел, – раздраженно прервал меня Йоханссон. Поскольку после этого он сделал опрометчивую задумчивую паузу, я тут же влез снова:

– Полагаю, что пределы необходимой обороны в данном случае не нарушены, так как все нападавшие были очень серьезно вооружены, а от слабой женщины в такой стрессовой ситуации едва ли можно требовать меткости.

– Это мы будем без тебя решать, бродяга, превышены пределы или не превышены, – пробурчал майор.

Да куда ты денешься, оглобля. Все очевидно: бандиты напали на леди, а леди оказалась не промах. Ты отлично понимаешь, конечно, что мародеров положил я, и меня при особом желании можно было бы даже взять за жабры как рецидивиста, хоть мы с Динкой и стерли с рукояти мои отпечатки и договорились, какие давать показания. Вот только особого желания у тебя нет, потому что ты понимаешь, что поступил я правильно. Ты ведь все еще любишь ее, дурачок, и желаешь ей только добра. Разумеется, ты был бы счастлив упечь меня лет на сто пятьдесят, но вместе с тем прекрасно осознаешь, что тем самым ее руки тебе никак не добиться. Скорее наоборот. Она окончательно возненавидит тебя, а сам ты станешь мишенью для жесточайшей мести нашего клана. Поэтому тебе ничего не остается, как проявить благородство и прикрыть нас с подругой. Еще и в собственных глазах подрастешь: вот, дескать, не опустился до того, чтобы подло утопить счастливого соперника, хотя запросто мог бы.

Запросто, ага. Мечтай.

В общем, все обошлось лучше, чем я ожидал. Нас даже не забрали в комендатуру. Йоханссон провел первичное дознание на месте, только взял с нас подписку не покидать город до конца разбирательства. Ну, пару недель я мог потерпеть и без Зоны, некоторые финансы у меня при себе еще имелись. Да и подруга не даст помереть с голоду. А коллеги – от жажды.

Когда представители армейской прокуратуры оставили нас в покое и уехали, забрав с собой трупы и арестованного, мы с Динкой вернулись в постель. Однако сна уже, разумеется, не было ни в одном глазу, и секса тоже больше не хотелось.

Мы оба понимали, что с этим странным инцидентом надо очень тщательно разбираться – независимо от того, к какому выводу придет ведомство Йоханссона. И еще теперь следовало вдвое повысить бдительность.

Глава 6

Че

Когда я на следующий день отконвоировал подругу в бар «Шти» и сдал ее под ответственность Храпу, встреченный у стойки Крот Кирилл поведал мне, что Ириш вчера отбыла в неизвестном направлении. Сразу после того, как мы с Динкой трогательно помирились и ушли из бара в обнимку, она побросала в чемодан свои вещички и уехала на попутной армейской машине куда-то в сторону Киева. Наверное, мне следовало бы испытывать стыд или хотя бы мимолетное сожаление, но я не ощутил абсолютно ничего. Не бывает такого, чтобы всем сразу было хорошо. По закону сохранения энергии когда кому-то хорошо, другому от этого непременно плохо. Да и вообще, мне сейчас было совершенно не до этого. Поэтому я принял информацию про Ириш к сведению, выпил порцию прозрачного и отправился к Бубне: в течение дня он уже дважды сбрасывал мне на почту категорическое приглашение зайти.

В кабинете Бубны, кроме хозяина, обнаружился Че – высокий толстяк с обиженной детской физиономией и немытыми патлами до лопаток, одетый в драные кожаные штаны и футболку с ликом команданте Гевары. Каждую свою футболку Че занашивал до состояния половой тряпки, после чего добывал себе точно такую же новую и начинал очередной трехгодичный цикл носки. Думаю, если его выпустить за Периметр, любой встреченный контролер тут же признает в нем большого – по внешнему виду и запаху он любому из них сто очков вперед даст.

Че был сталкерским компьютерным гением. Когда-то он по молодости и дурости ходил в Зону вместе с Бубной, Семенком, Рэдом Шуховым, Обратным Завьяловым и другими древними легендами, но быстро сообразил, что может зашибить хорошую денюгу и без такого запредельного риска. Ему первому пришло в голову создать единую сталкерскую сеть, чтобы зарегистрированные в ней бродяги могли свободно обмениваться сообщениями и предупреждениями. Кроме того, в сеть выбрасывались некрологи, когда ПДА неудачливого сталкера фиксировал смерть своего хозяина – это позволяло сталкерам того же клана найти и захоронить своего товарища, а других предостерегало от смертельно опасных мест.

Сейчас Че ворочал такими деньгами, что мне и не снились. Он в массовом порядке скупал ПДА погибших сталкеров и с неплохим барышом продавал добытые оттуда данные. Он вел наблюдение за радиопереговорами военных и фиксировал перемещения бродяг в Зоне. В результате он владел бесценной информацией, и нередко именно после серьезного разговора один на один с Че Бубна заказывал мне очередную вылазку за Периметр. Не сомневаюсь, что немалая часть окончательной стоимости тех эксклюзивных артефактов, которые я с риском для жизни добывал для Бубны, оседала в кармане компьютерщика.

– Поздорову, бродяга, – сказал Бубна.

– Поздорову, браток, – вяло поднял руку компьютерный гений. Он всегда выглядел так, будто собеседник противен ему до крайности и только трагическое стечение обстоятельств вынуждает его величество беседовать с тобой.

– Поздорову, уважаемые, – вежливо, но независимо сказал я. – Какие дела?

– Скверные дела, – отрезал Бубна. – Что за пантомиму вы там устроили с Дианой сегодня утром? Ты в курсе, что нам эти проблемы на хрен не нужны?

– Брось, отец, – миролюбиво сказал я. – У нас не оставалось выбора.

– Это понятно, – скорбно кивнул Бубна. Помолчал, поднял на меня внимательный взгляд. Ласково прищурился. – С кем это ты так поссорился в Зоне, бродяга?

Я тоже вскинул на него взгляд. Некоторое время мы мерились взглядами, потом я перевел глаза на Че.

– Это были зомби, – утвердительно сказал я. – Все трое. Так?

– Верно, – снисходительно кивнул Че. – Шаришь, сталкер. – Он скривился, словно отмолил клас-сную саркастическую шутку, вся тонкость которой недоступна мне, тупому радиоактивному мясу. – Свежие, но зомби. Тот, которого вы сдали миротворцам, пока в разработке у военных дознавателей. Но абсолютно без мазы – мозги начисто выжжены. И

это, скажу я тебе, не самое интересное.

– Контролер, – почти утвердительно произнес я.

– Шаришь, – небрежно повторил Че, глядя мне в глаза. Его челюсти привычно двигались из стороны в сторону, перемалывая жвачку. Мне, как обычно, захотелось из всех сил врезать по этим движущимся челюстям, даже кулак сжался сам собой. – Короче, вот тебе бесплатная информация... – Он ухмыльнулся краем рта: информацию он привык продавать с хорошей наценкой, а не раздавать даром. – Неподалеку от дома Динки, во дворе, военные нашли брошенный джип, а в нем – труп контролера.

– О как, – только и сумел сказать я. Потом переварил услышанное и развил мысль: – Все страньше и страньше. В джипе, значит. С комфортом приехал. Выходит, его ликвидировали после провала операции?

– Не-а, – радостно помотал головой Че и снова стал удивительно похож на престарелого капризного ребенка. – Сам помер. Разложился заживо, почти в кашу. Твари Зоны за пределами Периметра долго не живут, им необходима постоянная подпитка от аномального поля.

– Бред, – сказал я. – Контролер – умная и трусливая тварь. Он к Периметру на километр не подойдет, чтобы не подстрелили. Выйти за Периметр для него – невероятный подвиг. Все равно что для тебя выйти в космос без скафандра. Так не бывает.

– Так есть! – обиженно отрезал Че. Я пристально смотрел на него, ожидая, когда он надует губы, как рассерженный малолетка, но он воздержался. – На моей памяти, да, первый случай – а помню я очень много, можешь мне поверить, браток.

– Значит, кто-то вывез из Зоны контролера, – задумчиво проговорил я. – Не сам же он приехал на джипе. Мало того, из Зоны вывезли трех свежих зомби, потому что контролеры не любят пачкать свои слабые руки грязной работой... – Я помотал головой. – Нет, все равно ни черта не сходится.

– Что у тебя не сходится? – недовольно произнес Бубна.

– Для чего зомби? Если случилось великое чудо и из Зоны удалось вывезти живого контролера, зачем еще какой-то огород городить? Он быстро и чисто взял бы под ментальный контроль того, кого нужно похитить, – и жертва сама, своими ногами пришла бы куда надо. Зачем связываться с тупыми и медлительными зомби? Операция провалилась только из-за них. Если бы контролер просто взял нас с Динкой под контроль, все вышло бы чисто и гладко.

– Тебя-то они в расчет не принимали, браток, – уточнил Че, кривя губы. – Ты стал досадной помехой, которая сорвала им все планы. Знаешь, такой мощной занозой в заднице. Практически бревном.

– Ага, – сказал я. – И это хорошо, потому что доказывает, что среди наших нет предателя.

– Точно, – согласился Бубна. – Но кто-то все-таки сидел за рулем брошенного джипа. Кто-то служил контролеру проводником, потому что для него пространство за пределами Зоны – все равно что для нас Зона: неизведанная, смертельно опасная территория...

– А самое поганое, браток, – продолжил Че, – у нас нет уверенности, что те трое зомби и контролер действовали вместе.

– То есть? – удивился я.

– То и есть. Сам сказал: зачем зомби, если есть контролер? Стало быть, у того, у кого были зомби, не было контролера. Смотри, все просто: вот есть шарик, вот нет шарика.

– М-мать, – сказал я. – Вот дерьмо-то.

– Точнее не скажешь, браток, – удовлетворенно ухмыльнулся Че, обнажив гнилые зубы. – Выходит, тут замешаны как минимум две стороны. Контролер просто не успел вступить в дело – зомби опередили его, и те ребята, что были с контролером, решили дожидаться конца заварухи. А потом, после стрельбы, поняли, что сейчас тут будет полно военных, и живо свернули операцию. – Он с удовольствием перевел дух. Похоже, эти аналитические выкладки доставляли ему искреннее наслаждение. – Итак, подытожим, отцы.

Кому-то возле Периметра позарез что-то нужно от Хемуля...

– Я-то тут при чем? Сам же сказал, что на меня не рассчитывали. Я там вообще случайно оказался.

– Ну что ты как маленький? Потому что, захватив Динку, тебя можно шантажировать, – терпеливо пояснил Че. В общем-то, мне это и так было ясно, просто до чертиков не хотелось верить в такую простую и очевидную вещь. – Сегодня ночью у них не было задачи взять за жабры конкретно тебя, им просто нужен был заложник, чтобы тобой манипулировать. Тебя-то самого еще фиг возьмешь за жабры, бычара.

– Нет, аут, – сказал я. – Никто не мог знать наверняка, что мы помиримся. Никто даже не знал, что она вообще вернется в Чернобыль-4. Хотя... Черт.

– Хотя? – заинтересовался Бубна. – И черт?..

– Кто-то прислал ей сообщение от моего имени, – неохотно поведал я. – Типа, вернись, родная, я все прощу. Может быть, кто-нибудь из клана, озаботившись нашими с ней личными делами, но вряд ли.

– Опа! – с нескрываемым самодовольством произнес Че. – Понял теперь, браток?

– А если бы она не приехала?

– Тогда эти кексы придумали бы еще что-нибудь. – Че шмыгнул носом. – Значит, давайте еще раз: существуют как минимум две разные силы, которые пытаются умыкнуть Динку. Им почти наверняка что-то крепко нужно от Хемуля. Они взялись за это одновременно и довольно жестко – значит, дело очень важное и срочное. Похоже, в связи с Хемулем внезапно открылось что-то сверхэкстренное, не терпящее отлагательств, что одновременно стало известно двум сторонам. Дальше, отцы. Впервые на моей памяти кто-то вывез за пределы Периметра тварей Зоны, чтобы с их помощью провести боевую операцию. И это меня напрягает больше, чем все остальное...

– Вывезти-то тварей можно, это не фокус, – перебил Бубна. – Вывозили и раньше. Помнишь тот случай со Штырем и Паком? Вопрос в том, как заставить их выполнять то, что тебе требуется. Вот это еще никому не удавалось. И это реально очень плохо – то, что кому-то наконец удалось.

– У Болотного Доктора были какие-то наработки на эту тему, – вставил я. – Он при мне контролировал несколько тварей.

– По-моему, проще придумать собственный способ заставить контролера слушаться, чем выманить у Доктора какую-нибудь наработку, – проворчал Бубна.

– Ну, допустим, контролер – тварь, у которой сохранились какие-то остатки мозгов, – проговорил Че. – Его можно подкупить, убедить, запугать...

– Что можно пообещать контролеру, чтобы он перелез через Периметр? – покачал головой я. – Бутылку водки? Тем более – чем напугать, если главный его страх как раз и пролегает по первой линии обороны вокруг Зоны?

– В общем, с контролером в любом случае есть крошечный шанс договориться, – тряхнул сальными патлами Че. – А вот как заставить атаковать нужный дом сразу троих зомби, у которых плесень вместо мозгов?

– Может быть, контролер все-таки действовал заодно с нападавшими? – проговорил я. – Не от второй стороны? Когда они все вместе ехали сюда, за рулем сидел один из зомби, еще не растерявший водительских навыков, а контролер держал его на поводке. Когда все зомби были убиты или схвачены, контролер оказался беспомощным, потому что машину водить не умел, а уходить пешком боялся, и через какое-то время сдох прямо в джипе. Иначе как объяснить, что тот, кто его привез, бросил труп в машине и сбежал – вместо того чтобы уехать вместе с трупом и не давать военным лишних нитей для распутывания дела?

– Тогда все еще проще, – поддержал Бубна. – Если предположить, что они действовали вместе, не было никакой надобности тащить зомби из Зоны. Все трое совсем свежие. Контролер мог просто подчинить себе каких-нибудь мародеров или бродяг, которых встретил за пределами Периметра.

– Может, и так, – обиженно возразил Че. Ему явно не понравилось, что мы критикуем

его версию. – А может, просто труп контролера вонял, как боевое отравляющее вещество, вот его и бросили. За Периметром мутанты разлагаются прямо на глазах. – Он прочистил горло. – Отцы, в любом случае тот, кому от Хемуля что-то нужно, ходит в Зону. Переговоры с контролером не доверишь посреднику, слухи моментально разлетятся. Да и какой дурак согласится быть посредником в таком смертельно опасном деле? И между прочим, это зацепка, уважаемые.

Торговец задумчиво посмотрел на меня.

– Кому же из крупных сталкеров ты перебежал дорогу, бродяга? – снова поинтересовался он.

– А если Хозяева? – Че прищурился. – Хемуль, ты ведь вроде как-то замешан в том, что у них ни черта не получилось с расширением Зоны? Вот они и решили отомстить. Если так, у контролера была вполне четкая мотивация выйти за Периметр. Уж они-то, наверное, имеют возможность напугать его до потери пульса.

– За что же мне мстить? – поинтересовался я. – Чепуха. Не надо верить слухам. Я сам запустил пару десятков слухов в свое время.

– Ну, если один из пары десятков слухов окажется верным, значит, они все равно окупаются, – заметил Че. – Я потому их и покупаю, браток.

– В том, что Хозяева надорвали пупок, пытаюсь запустить лишний реактор, уж точно никто не виноват. И вообще, чтобы славно мне отомстить за что-нибудь, у них и раньше была масса удобных возможностей – я, например, только вчера из-за Периметра вылез. Да и не существует никаких Хозяев Зоны, это все сталкерские байки и основанные на них аналитические записки бездельников из ЦРУ. Кто их видел, этих Хозяев? Думаю, даже темные не видели. Так, пугают нас и друг друга злобными высшими сущностями, когда в Зоне творится что-нибудь непонятное или других оправданий для собственного безумия нету...

На самом деле мифическим Хозяевам Зоны, если даже такие существовали в реальности, не за что было мне мстить. Я свою работу выполнил честно – привел группу «туристов» на командный пункт. Дальше американцы уже сами наколбасили, без моего участия. Только Че с Бубной об этом знать не обязательно. По крайней мере, бесплатно. Такая информация стоит приличных денег, я думаю.

– В любом случае, – проговорил Че, – как бы там ни было, основной вопрос в связи со всем произошедшим вот какой: а на черта вообще было использовать в таком ответственном деле тварей Зоны, раз это настолько неудобно и грозит срывом операции?..

Я молча перевел взгляд на Бубну. Ну да, в самом деле, проще было нанять мародеров. Вся эта операция выглядела вершиной непрофессионализма. Кто у нас способен на такой демонстративный непрофессионализм, а самое главное – зачем?

– Вот это и есть главная ниточка, – закончил Че. – Вот за нее и надо потянуть. Когда мы поймем, какого черта все было сделано именно так, как было сделано, мы получим того, кому это было выгодно либо кто не мог сделать по-другому. По крайней мере, это будет узкий круг подозреваемых...

– Короче! – Бубна положил на стол свою квадратную ладонь. – Вот что думаю по этому поводу я. Это дело смердит, как слепая собака. Если контролеры начнут запросто разгуливать по улицам Чернобыля-4, бизнес можно будет прикрывать. Слишком стрёмно. Мне такие дела не нравятся, поэтому я буду проводить собственное разбирательство этого случая. А Че подкинет мне информацию, если военные в своем расследовании вырвутся вперед. – Он внимательно посмотрел на меня. – Ты так уверен, что ничего не хочешь мне рассказать? Кому вы продали чертово яйцо, бродяга? Может, вы его заныкали и кто-то теперь хочет обменять его на Динку?

– Отец, – страдальчески проговорил я, – погибло твое яйцо. В любом случае оно не стоит таких денег, чтобы из-за него учинять столько нелепых сложностей.

– Значит, что-то другое, – хладнокровно проговорил Бубна, скрестив руки на груди. – Что? Колись, сталкер. Не интересны нам твои мелкие делишки и мошенничества, не будем

мы тебе за них предъявы рисовать. Я про большинство и так знаю, просто закрываю на них глаза. Нам важно знать, что происходит, что за умник это все делает. Иначе беспредел не остановить, а беспредел – это последнее, что нам нужно в бизнесе. И ты у нас, позволь напомнить, главный объект этого беспредела. Итак, во что ты вляпался?..

– Ничего необычного не было. – Я беспомощно развел руками. – Просто до такой степени не было, что даже удивительно. По крайней мере, ничего такого, в чем могли быть замешаны посторонние интересы. Никуда я не вляпывался, отец. Я вообще недавно из отпуска.

Отвратительно скривив губы, Че саркастически посмотрел на Бубну. Тот прикрыл глаза.

– Ладно, – шевельнул торговец тяжелыми челюстями. – Разберемся. Свободен пока. Ступай, прими порцию за счет заведения, подумай как следует, может, и вспомнишь какую странность. Вам с Дианой с сегодняшнего дня до окончательного разъяснения всей этой ботвы дам двух своих архангелов с машиной. Сегодня это будут Сирота и Гоблин. Передвигайтесь по городу только на машине, без телохранителей никуда не выходить. Особенно тебя касается, голубь, ты у нас гордый не по годам. Давай, двигай.

Потеряв ко мне интерес, Че с Бубной снова склонились над распечаткой, которую изучали, когда я вошел в кабинет.

– Бывайте здоровы, уважаемые, – буркнул я и покинул бункер в сопровождении Рыжего, который во время нашего разговора маялся снаружи под дверью.

Глава 7 Блокпост

Вернувшись за стойку, я уселся рядом с Патогенычем и заказал себе прозрачного.

– Бубна обещал порцию за счет заведения, – не забыл напомнить я.

Рыжий пожал плечами: для друзей дерьма не жалко.

– Как дела? – поинтересовался Патогеныч.

– Паршиво, брат, – сознался я, барабанив пальцами по стойке в ожидании своего заказа.

Патогеныч вопросительно приподнял бровь. Слухи о ночном происшествии уже наверняка блуждали над барной стойкой, но подробности он вряд ли знал, и я коротко обрисовал ему сложившуюся ситуацию.

– Ты вот что, брат, – проговорил Патогеныч, выслушав мою историю. – Наши могли бы какое-то время охранять вас с Динкой. Все равно половина бездельников целыми днями в «Штях» сидит, прозрачное глушит.

– Спасибо, брат, – отозвался я. – Ценю. Но Бубна уже пообещал нам своих громил. Видно, его это все здорово напрягло.

– Еще бы, – хмыкнул Патогеныч. – Это уже всего клана касается. Это всем нам оплеуха. Контролер в городке! Спасайся кто может.

Мы чокнулись.

Народу в баре пока было не так много, как вчера, – было еще слишком рано. Енот с Мухой с утра ушли прогуляться по Свалке, Фаза двинул на Милитари, и куда-то в том же направлении убрел Борода со своим молодняком. Зато из-за Периметра благополучно вернулись Сыпь и Бастурма: в бар они еще не явились, но Крот уже видел их в городке и доложил, что вид у них был цветущий.

– Я тебе вчера так и не сказал «спасибо», – произнес я. – За Динку.

– Замнем для ясности, – отмахнулся Патогеныч. – Спасибо много, а вот оплатишь мне сегодняшнее прозрачное, и будем считать, что мы в расчете.

– Черт! – расстроился я. – Ты решил меня разорить. Я-то надеялся отделаться спасибом.

– Меньше языком молоти, собака. Теперь уже поздно отнекиваться.

Мы посидели еще немного, глядя по телевизору бесконечный мульт про страуса. А

потом кто-то тронул меня за локоть. Я обернулся – позади меня стоял Храп, один из вышибал Бубны.

– Послушай, Хемуль, – сказал он, – Дина хочет выйти на улицу.

– Какого черта? – Я тут же вскочил.

– Не знаю. Получила на ПДА какое-то сообщение и как с цепи сорвалась. Пусти да пусти...

Точить твою заготовку.

Храп еще что-то бормотал, но я уже был у выхода, где с потерянным видом топтался Гоблин.

– Где она? – рявкнул я без долгих предисловий.

– Вышла, – виновато ответил Гоблин. – Храп велел держать ее, но она сказала...

Я отпихнул его в сторону после первого же слова и бросился в двери, уже понимая, что случилось непоправимое и я опаздываю на несколько драгоценных секунд.

Во дворе Динки нигде не было, лишь Сирота задвигал засов на двери в металлических воротах, выходящих на улицу.

Я бросился к нему:

– Где?!

– Только что выпустил, – сообщил амбал. – Если ты про Дину, – добавил он уже мне в спину, потому что, пока он говорил, я откинул засов и выпрыгнул наружу.

Оказавшись на улице, я быстро огляделся. Моей подруги нигде не было. Я стремительно обшарил взглядом все возможные направления, куда она могла деться. Кругом глухие заборы и пустыри; вход в полуразрушенный пакгауз – давно и надежно запертый; несколько припаркованных машин вдоль улицы; бар «Сомарое» на противоположной стороне улицы, в котором с утра до ночи висели натовские миротворцы (мы не знали, как это правильно произносится, и между собой называли его просто «Комарое»). За эти несколько мгновений она едва успела бы добраться до дверей военного бара, а больше деться ей было некуда.

Либо...

Подтверждая мою догадку, хлопнула автомобильная дверца. Я резко развернулся всем корпусом, зафиксировав отваливший от тротуара тяжелый армейский внедорожник с гражданскими номерами. Внутри его сидели несколько человек.

Я бросился следом, но джип, естественно, и не подумал останавливаться, хотя водитель наверняка меня увидел. Машина резко прибавила скорости, оставив меня далеко позади, и я сразу отказался от безумной мысли догнать ее на своих двоих.

Что-то маленькое и блестящее вылетело из бокового окошка удаляющегося автомобиля и поскакало по проезжей части. На гранату это было никак не похоже, поэтому я снова рванулся вперед и подобрал странный предмет, уже догадываясь, что именно увижу.

ПДА Динки. Значит, ее перемещений не отследить теперь даже при помощи Че.

– Хемуль! – донесся от ворот бара «Шти» рев Патогеныча.

Мне было не до него. Сейчас надо было сломя голову лететь обратно в бар, выпрашивать у Бубны оружие, теряя драгоценные секунды на объяснения, собирать ребят, выводить из гаража «Нивы»... Вся эта последовательность действий зигзагообразной молнией пронеслась у меня в голове, оставив лишь один четкий и ясный отпечаток: слишком долго. Уйдет чересчур много времени, и похитители успеют скрыться. Аут, я в полном дерьме.

Снова хлопнула дверца джипа. На противоположной стороне пустынной улицы из машины миротворческих сил выскочил молодой солдатик и бегом бросился в «Комарое». Он так спешил, что даже не запер за собой дверцу, и, насколько мне было видно, в машине больше никого не было.

Я метнулся через дорогу к покинутому джипу, рывком распахнул дверцу и плюхнулся за руль. Черный Сталкер! Ключ торчал в замке зажигания. Как бы ни спешил натовец, с его стороны это были невероятная халатность и должностное преступление, и накажут его за это

по полной программе. Впрочем, сейчас меня меньше всего тревожило, что из-за меня у натовского водилы будут неприятности. Расслабились, бездельники, привыкли, что в тихом Чернобыле-4, пятьдесят процентов населения которого составляют их коллеги, никогда ничего не происходит. Это, типа, не Пакистан, не Конго и не Балканы, где в одиночку и без «М-16» шагу не ступишь за пределы расположения части – партизаны тут же выпотрошат, как рождественского кабанчика. А не происходит здесь ничего потому, что сталкерам не нужен лишний шухер в том месте, где они живут, отдыхают и сбывают хабар. Отморозков, пытающихся переносить свои разборки через Периметр, на мирную территорию, довольно быстро зачищают сами бродяги. Что, кстати, наши непременно сделают с теми уродами, которые со второй попытки все-таки выкрали Динку, зуб даю. Если раньше я сам не поссориваю шеи ублюдкам.

А может, солдатик увидел, как Динку запикивают в машину, и бросился за подмогой. Впрочем, в любом случае его дальнейшая судьба должна занимать меня в последнюю очередь. Сейчас на кону жизнь моей подруги.

Кто-то с силой дернул на себя заднюю дверцу, потом еще раз. Заведя машину, я бросил беглый взгляд назад и разблокировал двери: это был Патогеныч. Он ввалился на заднее сиденье и захлопнул дверцу за собой. С противоположной стороны в машину прыгнул Храп, после чего я резко рванул джип с места вслед за похитителями Динки, не дожидаясь, кто еще выскочит из бара.

Вот теперь мы на равных, ребята. Давайте погоняемся.

– Что происходит? – рявкнул Патогеныч. – Контролер?..

– Следи за ощущениями! – распорядился я, утопив педаль газа в пол. – Чуть какой звон в ушах – сразу предупреждай! Если он возьмет меня под контроль, разобьемся к чертовой матери!

Пока я экспроприировал вражескую технику, похитители свернули куда-то во дворы. Недолго думая я последовал их примеру. Я готов был голову дать на отсечение, что они выберутся на Академика Александрова. Это единственная магистраль, пронизывающая город из конца в конец.

Со стороны пассажира болталось на коротком витом шнуре переговорное устройство, из которого доносились приглушенные матюги по-английски. Понятно; штабной офицер миротворческих сил малость загулял, а свирепое руководство срочно потребовало его на связь, и молоденький водитель офицера кинулся за шефом, с перепугу бросив и машину, и ключ в зажигании. Жалко, автоматическую винтовку не забыл – к сожалению, этому натовцев учат в первую очередь: всегда, даже в туалет, брать личное стрелковое оружие с собой. Иначе партизаны и судьба рождественского кабанчика.

Одной рукой удерживая руль, другой я отключил переговорное устройство и грохнул его в гнездо. Нечего ему болтаться и стучаться о стекло, отвлекая меня от дороги.

Несколько минут я вращался по узким петляющим улочкам Чернобыля-4, непрерывно выкручивая руль. Когда здесь разбивали временный эвакупункт и армейский госпиталь, никто, разумеется, и думать не думал о том, что военный городок так разрастется. А разрастался он в суматохе хаотично и непредсказуемо, разумеется, без всякого генерального плана. Теперь же делать с этим что-либо было поздно.

– У кого-нибудь оружие есть? – поинтересовался я в пространство.

– Кто же ходит в бар с оружием, – резонно заметил Патогеныч. – Ты что, с дубу рухнул?

– У меня пистолет, – отозвался Храп.

– Мать, – прокомментировал я. – Дважды мать. Они наверняка экипированы по полной программе.

Категорически неплохо день начинается.

Мы выскочили на улицу Академика Александрова, однако никакого джипа ни спереди, ни сзади не обнаружили. На несколько долгих мгновений мое сердце перестало биться. Если похитители высадились где-нибудь во дворах или поменяли машину, преследование можно

считать законченным. Однако внезапно знакомый внедорожник с гражданскими номерами вылетел на трассу в одном квартале впереди нас. Я тут же прибавил скорости; ублюдки заметили меня не сразу, и я повис у них на хвосте.

Догнав машину похитителей, я с размаху всадил бампер своего джипа ей в корму. Нас здорово тряхнуло, раздался душераздирающий треск.

Недурственно.

В заднем окошке джипа мелькнуло лицо Ковригина, перекошенное от злобы. А здравствуй, родной. Мы ведь с тобой так еще и не посчитались за ту борзоту, с которой ты вел нас с американцами на расправу к Стронглаву. Обожаю, когда у меня с противником личные счеты: в Космонавта, скажем, мне было бы сложнее стрелять. То есть нет: Космонавта я бы в такой ситуации тоже расстрелял бы не задумываясь. Но от этого я не получил бы такого удовольствия, какое получу, прикончив паскуду Ковригина.

Вторым на заднем сиденье был Мармелад. Еще один приятный сюрприз. Между двумя вонючими мутантами была намертво зажата моя Динка, ее шикарные волосы расплескались по спинке заднего сиденья. Когда я тебя спасу, радость моя, обязательно вымоешься с антисептическим мылом. За рулем у них, похоже, Сотовый – в низко надвинутой бейсболке, чтобы скрыть третий глаз посреди лба. А вот кто сидит рядом с Сотовым, никак не могу разобрать. Впрочем, не сильно удивлюсь, если еще один контролер. Как-то же они вытащили Динку из бара.

Темные, значит. О как. Только этого не хватало.

Я снова с размаху таранил машину похитителей, пытаюсь столкнуть ее с дороги. Сотовый начал вилять, швыряя руль то влево, то вправо; встречный грузовик издал протяжный гудок, когда мы едва не своротили его в кювет. Сейчас мне на руку было устроить на трассе максимальное безобразие – тем больше было шансов, что встречные военные обратят на нас внимание и остановят. Я надеялся, что лишившийся транспортного средства солдатик уже сообщил об этом куда следует и меня сейчас ловят по всем направлениям. А джип темных, улепетывающий от угнанной машины, остановят вместе с моим для выяснения ситуации. В результате я, конечно, вполне могу загреметь в тюрьму, но зато моя девочка будет спасена. И с тюрьмой тоже еще не факт: Бубне не впервой задействовать нужные связи, чтобы спасти из-за решетки одного из самых ценных своих сталкеров.

Однако пока мои ожидания не оправдывались. Город словно вымер. Ни разу мне еще не удалось пересечь его из конца в конец, не наткнувшись на армейский патруль; сегодня, похоже, такой день настал. Над нами не кружили боевые вертолеты, и даже злобное армейское руководство, которое я так невежливо заткнул, не стало снова вызывать непутевого офицера. Закон подлости – это, по-моему, единственный закон вселенной, который действует всегда и везде, абсолютно в любой ситуации и на любой географической широте.

А ведь выходит, что положение гораздо серьезнее, чем мне представлялось. Темные не могут долго жить за пределами Периметра, как и все остальные твари Зоны. Несколько часов – и клеточные мембраны начинают разрушаться. И раз уж полумутанты выбрались наружу, прекрасно понимая, как страшно рискуют, значит, у них просто не было выбора. Значит, Динка нужна им позарез – и вряд ли для того, чтобы любоваться пикантными танцами в баре «Сталкер».

На заднем сиденье джипа темных возникло подозрительное шевеление. Поехало вниз стекло в боковом окошке. Мне очень хотелось надеяться, что автоматов у похитителей при себе нет. При въезде в городок им пришлось преодолеть армейский блокпост, и вряд ли они стали бы так рисковать – «калаши» в машине не спрячешь так же просто, как пистолеты.

Длинная автоматная очередь, которой полил нас высунувшийся из окошка Ковригин, убедительно доказала мне, что тут я малость ошибся и что темные – по-прежнему самые рискованные и отмороженные сукины дети во всей Зоне. Ну, может, еще монолитовцы поспорят с ними за это сомнительное звание.

Круто выворачивая руль, я бросил беглый взгляд в расколотое пулей зеркало заднего вида. Вот, значит, как, ребята. Полномасштабная война. Выходит, темные не просто напали на наш клан, что уже само по себе плохо, но еще не смертельно и вполне может быть погашено переговорами. Они напали на нас за пределами Зоны, хотя всем кланам строго-настрого запрещено переносить свои разборки через Периметр. В Зоне наша стрельба мало кого волнует, но когда такая штука происходит в военном городке Чернобыль-4, это может очень больно ударить по всем вольным бродягам. Я понимаю, что презумпция невинности и личная свобода – основы демократии, но мы находимся в зоне боевых действий, а значит, никакие права и свободы тут не действуют. И если военные после стрельбы в городке решат устроить массовые обыски или еще как-нибудь прищемить сталкеров, все кланы очень сильно напрягутся на темных. Клещ, конечно, сколько угодно может пыжиться и надувать щеки, что, дескать, одной войной больше, одной меньше, и мало ли мы вообще воевали, радиоактивное мясо? Но только если мы все договоримся и проведем операцию вроде той, в ходе которой был разгромлен «Грех», темным однозначно хана. Против лома нет приема.

Теперь понятно, откуда взялся контролер: полумутантам было гораздо проще с ним договориться, чем кому-либо еще. И ясно, почему темные не прибегли к помощи наемных сталкеров или мародеров, а сами пошли на смертельный риск. Одно дело – купить за пределами Периметра через подставных лиц для непонятных целей джип, и совсем другое – попытаться нанять посторонних людей для силовой акции по похищению довольно известного в городке человека. Совсем не факт, что об этом заказе через полчаса не стало бы известно нашему клану или военным. Темные ведь совершенно не ориентируются, к кому за Периметром можно подкатывать с такими предложениями, а к кому нельзя ни в коем случае.

Только одно мне по-прежнему было непонятно: какого черта они связались с зомби. Почему бы контролеру просто не взять Динку под контроль и не увести ее тихонько в Зону? Впрочем, какая-то причина наверняка была. Темные – грязный, но умный и коварный народ, обычно не делающий лишних телодвижений там, где без них вполне можно обойтись.

Ковригин вдруг пошатнулся, и следующая очередь зигзагом ушла в асфальт. Похоже, Динка резко пихнула его обеими ногами под колени. Мармелад тут же засуетился на заднем сиденье, обхватил ее поперек живота, навалился всем телом, не давая двигаться.

– Патогеныч! Держи меня за ноги! – внезапно велел Храп и тоже полез в боковое окошко. Высунувшись по пояс, он, совершенно игнорируя жестокую тряску, одну за другой сосредоточенно всадил в автомобиль преследователей три пули из пистолета, причем, не причинив ему особого вреда. Тем не менее Ковригин от греха подальше спрятался обратно в салон: похоже, пули просвистели совсем рядом.

– Патроны береги! – гаркнул я.

– У меня еще одна обойма есть, – хладнокровно сообщил Храп, возвращаясь на место.

Прибавив скорости, темные сумели немного оторваться – их машинка была помощнее нашей. Поэтому до натовского блокпоста на окраине они добрались быстрее нас. Я отчаянно чертыхался, втапывая педаль газа, но поделать ничего не мог. Оставалось надеяться, что военных заинтересуют следы от пуль на заднем стекле их джипа – если, конечно, Храп хоть раз попал в стекло.

Когда я вывернул из-за угла и направился к армейскому заслону на окраине города, благополучно прошедший проверку джип темных уже осторожно лавировал между бетонных блоков на выезде с блокпоста, уложенных таким образом, чтобы зигзагообразно движущаяся между ними машина не смогла набрать большой скорости и с разгону таранить шлагбаум. До сих пор актуальное изобретение полувековой давности – тех времен, когда впервые начали использовать водителей-смертников на набитых взрывчаткой грузовиках. Возле первого блока стоял и смотрел на нас офицер в голубой каске. Рядом с серой будкой со шлагбаумом виднелся БТР с развернутым в сторону трассы пулеметом, над его серой башенкой трепетал на пронизывающем ветру флаг Евросоюза.

Про себя я отметил, что с документами у темных, похоже, все в порядке. Это у

сталкеров-полумутантов, которые безвылазно живут в Зоне! Интересный штришок, дающий некоторую пищу для размышлений о том, кто именно является их заказчиком, – едва ли они сами додумались похитить Динку. Человек это явно очень богатый или влиятельный, имеющий вес в военных кругах. Проверка темных заняла не больше полуминуты, и это говорит о многом. А вот у нас теперь очень большие проблемы, потому что в нашей угнанной у военных машине едут два сталкера-рецидивиста и подозрительный бычара с пистолетом. Вот радости будет Шведской Спичке.

И неужели эти натовские перцы не слышали автоматных очередей?!

Таранить темных перед блокпостом я, увы, не успел. А теперь шансов на то, что их машину тоже остановят, не было. Как поступит любой нормальный патрульный, задержавший дышащего водочным перегаром угонщика, который начнет кричать, что преследовал-де похитителей своей подруги – вон они поехали, господин лейтенант? В лучшем случае сунет в ребра. Естественно, задерживать темных для выяснения ситуации никто и не подумает.

Кажется, ситуация безвыходная.

А безвыходная ситуация – это такая штука, которая бодрит меня лучше холодного душа. Адреналин, ребята. Некоторые за такой адреналин, между прочим, хорошие деньги платят, а мне он регулярно бесплатно достается.

– Всем пристегнуться, балбесы! – радостно заорал я. – Взлетаем!

Не знаю, последовали ли мои пассажиры этому ценному совету или сочли его неуместной шуткой: в любом случае проверить было некогда.

Сбросив скорость на подступах к блокпосту, я выбрался на прямой отрезок трассы перед заграждением и внезапно швырнул машину вперед на форсаже – изумленный патрульный офицер едва успел отпрыгнуть за ближайший бетонный блок. Разумеется, у меня не было шансов протаранить бетонное заграждение, однако я и не собирался этого делать. Шоссе в этом месте проходило по высокой насыпи среди болотистой низины, и с обеих сторон от блокпоста насыпь круто обрывалась в глубокие, метра четыре, канавы, наполненные мутной водой. Получалось естественное препятствие вроде крепостного рва – наверное, поэтому блокпост и оборудовали именно здесь, а не на триста метров ближе к Чернобылю-4. Пытаться объехать заграждение по этим скользким склонам круче сорока пяти градусов могли только три типа людей: сумасшедший, самоубийца или Хемуль, у которого только что свистнули любимую женщину. Надо думать, именно поэтому в канавах не было широких металлических лент с торчащими вверх острыми лезвиями, которые обычно раскладывают вокруг блокпостов специально против таких вот умников – чтобы, значит, не ржавели зря. Лент там не было – или я просто не видел их среди высоких камышей, покрывавших глинистые берега канав.

Ответ на последний вопрос я сейчас как раз и собирался получить.

– Придурок!.. – только и успел крикнуть Патогеныч, прежде чем я круто вывернул руль влево.

Прости, брат. А кто обещал, что будет легко? Думал задарма прокатиться? Терпи.

Я не рассчитал совсем чуть-чуть. Не повезло. Планировал пройти впритирку к бетонным заграждениям, чтобы на склоне оказались только два боковых колеса. Однако не так часто мне удается погонять на широких и массивных, словно танк, армейских джипах. Габариты машины ощущаются совсем по-другому. Да и две порции прозрачного, принятые в «Штях», совсем не способствовали улучшению координации движений.

Джип на полной скорости зацепил правым крылом массивную бетонную тумбу. Чуть левее – и ему просто снесло бы часть крыла; ну, а в данном случае мощным ударом нас развернуло почти на девяносто градусов. Руль выпрыгнул из рук, я до крови прикусил язык, Патогеныч, кажется, влетел головой в потолок. Сбросившая газ покалеченная машина начала задом сползать в канаву.

Рыча от отчаяния, я снова ударил по газам. Это не должно было закончиться так глупо. Мне необходимо было спасти Динку, даже если для этого придется голыми руками

разобрать чертов блокпост по кирпичику.

Мощные протекторы отчаянно цеплялись за скользкую мокрую глину откоса, разбрасывая в разные стороны жидкую грязь. На какое-то мгновение мне показалось, что джип справится со склоном, автомобиль понемногу пополз вверх, однако его начало неудержимо сносить влево, буксующие колеса юзом скользнули по мокрой траве, и мы начали заваливаться набок.

– Твою ж мать! – заорал Патогеныч, придавленный Храпом.

Наш джип встал на два колеса, секунду балансировал на склоне, а затем опрокинулся.

Небо и земля пару раз стремительно поменялись местами, после чего машина плюхнулась в грязную воду на дне канавы. Аттракцион вышел довольно жесткий, сотрясение получилось нешуточным, так что, когда все закончилось, в первую секунду я понял только, что сидеть мне теперь страшно неудобно и я куда-то съезжаю.

– Фриз! – донесся сверху разъяренный вопль патрульного офицера. – Шоу юр хэндс, мазефакерс!..

В следующую секунду я сообразил, что джип все-таки приземлился на колеса, а его левый борт задран оттого, что стоит теперь на левом склоне канавы, не менее крутом, чем правый. Ухватившись за руль, чтобы не сползти на пассажирское сиденье рядом, другой рукой я начал поспешно заводить двигатель.

– Донт мувин!..

Мотор нашего джипа взревел одновременно с двигателем БТРа. Хвала Черному Сталкеру, армейскую технику буржуи делают с тройным запасом прочности, в отличие от гражданской. Обычному внедорожнику после таких многочисленных приключений наступила бы неминуемая хана. Мотор, правда, работал с натугой, и что-то теперь зловеще постукивало под капотом, но главное было в том, что он завелся. Остались сущие пустяки: вылезти из канавы и разобраться с крупнокалиберными пулеметами бронетранспортера, который, судя по звукам, начал энергично сдавать в нашу сторону.

Канавка впереди обрывалась метров через тридцать еще одним крутым поперечным склоном, образующим тупик. Вот по нему-то нам и предстояло взлететь. Видели когда-нибудь гонки по вертикальной стене? Ну, не совсем то, что мы имеем в данном случае, конечно, но дело там, насколько я помню, тоже в скорости: чем выше скорость, тем сильнее тебя прижимает к поверхности.

Хорошо бы, если бы я все помнил правильно.

Я переключил передачу и газанул на месте, щедро расплескивая из-под колес джипа мутную воду. Бросок нужно было делать с места, иначе не успеть набрать нужной скорости, чтобы преодолеть склон. Слишком маленькая дистанция. Соскользнем, как красotka из «Плэйбоя» по намыленному капоту «Ламборджини».

Над краем канавы показалось стальное рыло БТРа. Взрывая мотором, он высунулся довольно далеко, я даже сумел разглядеть ствол пулемета на его башенке. Однако это ничего не значило. Критический угол, на который возможно опустить пулемет на бронетехнике, еще никто не отменял, и мы пока находились в мертвой зоне. В лучшем случае броневик мог обстрелять верхний край противоположного склона канавы, и то вряд ли. А вот если патрульные попытаются лупить по нам из автоматов, может выйти не очень хорошо.

Я резко бросил сцепление, и джип рванул вперед. Если бы дело происходило на трассе, раздался бы эффектный визг покрышек, как в каком-нибудь боевике. Увы, дорожное покрытие в моем случае оставляло желать лучшего, и на первом этапе машина слегка пробуксовала, выбросив из-под колес целый фонтан грязной воды. Однако джип в конце концов вцепился протекторами в илистое дно канавы и все-таки начал набирать скорость. Молодец, механизм.

Вздымая водяные фейерверки, мы стремительно промчались по дну канавы. Офицер что-то вопил нам вслед и яростно палил из пистолета. К счастью, из автоматической винтовки по нам так ни разу и не выстрелили – видимо, патрульных солдат наш трюк с кувырком в канаву все же сумел застать врасплох. А вот одна из пистолетных пуль, глухо

стукнув в решетку на заднем окошке машины, с визгом отрикошетила и ушла в небо.

Прыгнув прямо на нас, скользкий глинистый склон в торце канавы с размаху ударил джип по мощным шинам. Мотор взвыл раненым носорогом, колеса бешено завертелись в мокрой глине, пытаясь обрести хоть какую-то точку опоры. Поначалу машина довольно резво штурмовала склон, бодро подпрыгивая на неровностях, и мне даже показалось, что сейчас мы на полной скорости ласточкой перемахнем через край рва. Однако на середине подъема джип серьезно забуксовал, и его скорость упала почти до нуля. Я изо всех сил давил педаль газа, но единственное, что мне удалось, – это с натугой подтащить машину к самому краю канавы. Всё; дальше армейский внедорожник двигаться отказывался категорически, намертво застряв всего лишь в метре от свободы.

Пожалуй, на такой высоте нас уже могли достать из пулеметов. Однако за несколько секунд до того, как мы забуксовали на склоне, серое рыло броневика уползло обратно за край канавы. Видимо, поняв, что здесь БТР совершенно бесполезен, его командир решил сделать что-нибудь более внятное – например, на всякий случай перекрыть нам путь к Зоне.

Наконец ударили штурмовые винтовки – одновременно две или три, и глинистый склон перед нами покрылся отверстиями пулевых попаданий. Такие дырки оставляют вонзившиеся в землю болты, если горстью бросить их в центр гравиконцентра. Полетела в разные стороны разорванная в клочья трава. Натужно взревев, автомобиль отвоевал у склона еще сантиметров тридцать и снова забуксовал. Нам не хватало до края всего ничего – запросто можно было допрыгнуть из боковой дверцы. Однако на хрена же прыгать, если нам позарез нужен джип, чтобы продолжать погоню?!

Я на мгновение отпустил машину, позволив ей чуть сползти по склону, а затем снова бросил ее вперед, надеясь, что на новом месте колесам будет за что зацепиться. Как-то же мы все-таки забрались до этой рекордной точки. Джип тяжело пополз вверх и снова замер на прежней отметке: видимо, размытая дождями земля долгое время понемногу обваливалась с края канавы вниз, образовав здесь неприступный вертикальный порожек, скрытый густой травой, через который мы никак не могли перевалить.

Автоматные пули с неприятным звуком начали ударять в крышу джипа – в такой позиции она представляла собой самую удобную мишень. Хорошо, что расстояние было достаточно велико, чтобы солдаты смогли запросто продырявить укрепленный корпус армейского внедорожника. Пулеметы БТРа, разумеется, сделают это без труда, но проблемы надо решать по мере их поступления. До БТРа мы еще доберемся.

Что-то глухо грохнуло у меня за спиной – видимо, лопнуло от прямого попадания заднее стекло. Точно, в салоне машины сразу стало гораздо свежее. Я позволил джипу еще немного сползти вниз, прекрасно осознавая, что в этот раз ему может не хватить разгона даже для того, чтобы взобраться по склону до той же высоты. В конце концов, в первый раз у нас было тридцать метров разбега, и то ни черта не вышло. Но надо ведь было что-то делать. Единственная альтернатива – плавно скатиться задом обратно в канаву, заглушить мотор, осторожно открыть дверцу и вылезти наружу, положив руки на голову. Нет, спасибо большое. Не для того все затевалось.

– Меня бы за руль!.. – рявкнул Патогеныч.

– Поздно! – прохрипел я.

– Влево прими! Вон туда, где травы нет!

– Опрокинемся к чертовой матери!

– Прими, говорю, олух!

Ну, давайте попробуем. Больше вариантов все равно нет.

Я снова пришпорил джип. Двигатель издал такой жалобный рев, словно собирался немедленно испустить дух. Глубоко увязая колесами во влажной глине, стальная махина снова неохотно поползла вверх. Хвала Черному Сталкеру Рэду Шухову, это была новая модель со смещенным книзу центром тяжести и повышенной устойчивостью на склонах, поступившая на вооружение уже после двадцатого года, когда во время военных действий в Северной Сахаре натовские машины то и дело опрокидывались на огромных блуждающих

барханах. «Нива» или обычный «Хаммер» с таким уклоном не справились бы сто процентов.

Рискуя снова опрокинуть внедорожник, я последовал совету Патогеныча и опасно вывернул руль влево. Джип натужно полз вверх, и я инстинктивно подался всем телом вперед, помогая ему преодолевать эти невероятно сложные сантиметры по скользкому склону. Очередной автоматной очередью нам снесло зеркало заднего вида, уже расколотое пулей темных. Хорошо, что из такой позиции, от блокпоста с дальнего края канавы, солдаты не могли попасть в колеса, иначе игра быстро была бы окончена. Шины армейского джипа, правда, прикрывались специальными решетками, но я совершенно не был уверен в эффективности этих решеток против пули ноль сорок пять.

Наш джип медленно полз вверх по новой трассе и уже поднялся чуть выше прежней отметки – мне были хорошо видны черные полосы справа, протертые нашими шинами в мокрой траве в прошлые разы. Теперь эти следы были сплошь испещрены отверстиями пулевых попаданий.

– Чуть отпусти и снова по газам! – распорядился Патогеныч. – Только не выскакивай на траву – видишь, проскальзывает!

Так я и сделал. Джип, словно обретший второе дыхание, подпрыгнул до самого края канавы. Передние колеса бешено вращались на краю, не в силах зацепиться за размытый дождями грунт, машина висела на склоне, судорожно содрогаясь и раскачиваясь вперед и назад. Это было первостатейное западло, я едва не застонал от отчаяния. Вот он, край канавы. Протяни руку и ухватись.

Хрена.

Надо было еще отпустить и снова с разбегу штурмовать непокорный склон. Однако я отчетливо чувствовал, что эта попытка – последняя. Двигатель работал с таким надрывом, что было ясно: если продолжать насиловать его дальше, следующего рывка он уже не переживет. Поэтому, стиснув зубы, я упорно давил на газ, словно пытаюсь пробить педалью днище, словно машина была в чем-то виновата. Головой я уже понял, что игра проиграна, что все было зря и Динку не спасти. Но я никак не мог поверить в это. Напряжение было так велико, что перед моим помертвевшим взором вспыхнула огненная полоса. Если бы руки у меня не были заняты рулем, я бы, наверное, начал в бессильной ярости крушить кулаками пуленепробиваемые боковые стекла.

– Отпусти немного! – заорал Патогеныч. – Посадишь мотор к чертям!..

Мне было уже все равно. Какая теперь разница, посажу я мотор или нет? Намертво вцепившись побелевшими пальцами в руль, я толкал джип вперед, я волок его за шкуру, я умолял его подняться еще чуть-чуть...

Мне казалось, что прошла вечность, хотя все уложилось в два удара сердца. Машина неохотно дернулась вверх, качнулась вниз, опять поползла вверх... А потом кто-то словно подтолкнул ее снизу. Может быть, это были моя материализовавшаяся ярость и жгучее стремление, чтобы чудо непременно произошло. А может быть, джип наконец дотянулся колесами до полосы гравия на краю канавы и впился в нее протекторами. Как бы то ни было, мы резво вынырнули из ямы, и я едва успел бросить руль вправо, в сторону трассы, чтобы не вписаться в фонарный столб.

Теперь мы оказались как на ладони и стрелять по нам было одно удовольствие. Однако между нами и БТРом осталось здание КПП: броневик занимал позицию с той стороны, развернутый в направлении Чернобыля-4, чтобы останавливать машины, без разрешения движущиеся в сторону Зоны, поэтому для того, чтобы перехватить нас теперь, ему необходимо было преодолеть лабиринт из бетонных блоков. Для тяжелой военной техники эта задача оказалась посложнее, чем для джипа. Судя по реву двигателя, бронетранспортер до сих пор маневрировал среди полосы препятствий. Никто, включая и меня самого, даже не предполагал, что мы так оперативно выберемся из канавы.

Что касается солдат, то с их линии огня мы тоже благополучно ушли. Прекратив стрельбу, они бегом бросились огибать КПП, но, когда снова поймали наш джип в прицелы автоматических винтовок, мы уже удалились метров на сто, и о стрельбе в упор речь уже не

шла. Мы все же поймали еще несколько пуль в задний бампер и стойку крыши, прежде чем огонь натовцев окончательно стих из-за слишком большого расстояния.

– Уши бы тебе надрать, – проворчал Патогеныч, когда блокпост миротворческих сил скрылся за поворотом.

– Рискни здоровьем, – отпаривал я.

Выбравшись на свободное пространство, бронетранспортер все-таки обстрелял нас из пулеметов – однако мы к тому времени были совсем далеко, и ни одна пуля в джип так и не попала. Черный Сталкер сегодня явно был в хорошем расположении духа.

Глава 8 Темные

С огромным трудом вырвавшись за пределы Чернобыля-4, мы припустили по трассе. Конечно, голливудских гонок на такой технике не устроишь, она дизельная, однако километров сто наша машинка выжимала. Совсем неплохо для разбитых местных дорог, не ремонтировавшихся с момента возникновения городка, хотя мотало и швыряло нас так, что пару раз мы едва не улетели в кювет. Погони за нами пока не было, но я не обманывал себя: сообщение о прорыве заслона наверняка уже ушло в гарнизон. Теперь кто быстрее.

Из-за нашей досадной задержки на блокпосту похитителям удалось оторваться и скрыться из виду. Только деваться им все равно было некуда. Если они движутся в сторону Зоны, дорога у них пока все равно одна. А они, разумеется, движутся в сторону Зоны, потому что время стремительно тикает. Чтобы не разложиться заживо в кашу, как тот контролер, темным нужно как можно скорее оказаться за Периметром.

– Вон они! – внезапно заорал Храп, тыча пальцем в боковое окошко.

– Вижу, вижу... – сосредоточенно проговорил я, не отрываясь от дороги.

Темные ушли с трассы по разбитому проселку и теперь маячили на пределе видимости. На месте военных я бы давно перекрыл и этот проселок тоже – это кратчайший путь от городка к Периметру, и наверняка им пользуется добрая половина сталкеров, пробирающихся в Зону через Чернобыль-4. Впрочем, военным виднее. Может быть, не хватает людей и ресурсов, особенно сейчас, когда после Большого Прорыва им приходится срочно латать множество дыр в первых двух линиях обороны. Натовцы вообще больше полагаются на патрулирование с воздуха, чем на заслоны и блокпосты. И хорошо: нам это всегда было на руку.

Местность вокруг проселка была как следует перепахана тяжелыми танками еще во времена Второго взрыва на ЧАЭС, а потом капитально замусорена железобетонными балками и проржавевшими металлическими конструкциями, поэтому рвануть напрямик у меня не вышло. А пока я делал крюк и выбирался на проселок, машина темных уже скрылась в разросшейся за прошедшие годы в дремучую чащу лесопосадке.

На проселке мне пришлось еще сбросить скорость – наши сельские дороги способны убить даже модернизированный армейский джип. Но теперь я уже примерно представлял, куда двинутся похитители. Тут было не так много удобных мест для прорыва Периметра. И я искренне надеялся, что они в спешке оставят достаточно следов, чтобы их можно было отыскать.

Так и вышло.

Сначала-то я сгоряча проскочил к Роднику, но пару минут спустя мы выбрали на открытое место, и на ближайшем полукилометре я не обнаружил никаких признаков машины темных. А дальше за холмами, возле полуразрушенного железнодорожного моста, стоял блокпост, перекрывавший шоссе, которое когда-то вело в Припять. Вряд ли темные стали бы прорывать Периметр так близко от военного заслона. Впрочем, теперь я совсем не удивился бы, даже если военные сталкеры пропустили бы их через блокпост, выстроившись по обе стороны от дороги и взяв под козырек. И все же вероятность этого была серьезно меньше единицы, поэтому я рискнул развернуться и поехать в обратном направлении.

И я угадал: вскоре прямо посреди бывшего колхозного поля обнаружились две едва заметные полосы примятой сорной травы, ведущие в сторону Зоны. Сталкеры обычно преодолевают последнюю пару километров до колючей проволоки пешком, чтобы не демаскировать то место, где они прорывают Периметр. С вертолета автомобильные колеи очень хорошо видны. Однако сейчас темные слишком спешили, да и терять им все равно было нечего: вряд ли в ближайшие лет пять они собирались еще раз покинуть пределы Зоны. По крайней мере, на моей памяти такое было впервые, и это здорово меня нервировало. Всякое событие, происходящее в Зоне впервые, таит в себе нешуточную опасность.

Нам задерживаться тоже не стоило, в любой момент над головами могли появиться военные вертолеты, посланные по нашу душу, поэтому я двинул джип прямо по следам темных и возле проволочного ограждения, перегородившего нам дальнейший путь, обнаружил их брошенную машину.

Пока я терял время, уехав в противоположную сторону, темные успели не только вскрыть колючую проволоку, но и умело залатать дыру за собой. Мало того – я различил, что они даже заново натянули чуть заметные струны мин-растяжек. Разумеется, никаких инструментов для преодоления проволочного ограждения у меня с собой не было, даже штык-ножа, поэтому я просто прибавил скорости, направив машину в то место, где только что прошли похитители. Патогеныч успел еще раз длинно меня выматерить, а Храп – шумно вздохнуть, после чего мы с размаху врубились в проволочный забор.

Сработали две мины из трех – одну темные все-таки нечаянно заблокировали при разминировании. Рвануло так, что на долю мгновения я даже не по-детски струсил: кипятить твоё молоко, неужто противотанковые?! Но нет, пронесло – ни один осколок в салон машины все же не проник. Однако шарахнуло здорово, и лобовое стекло разом утратило прозрачность, от мощного удара превратившись в мельчайшее стеклянное крошево, удерживаемое на месте тонкой полимерной пленкой. Одновременно я наскочил левым колесом на замаскированную пожухлой травой кочку, и мне второй раз за день удалось практически невозможное – на ходу опрокинуть набок армейский джип, модернизированный для ведения боевых действий в Северной Африке. Я ощутимо треснулся обо что-то башкой, позади жалобно взревел Храп – и мы, пропахав широкую борозду в палой листве и прорвав в трех рядах проволочного ограждения солидную дыру, в которую без проблем пролез бы матерый псевдогигант, остановились. Некоторое время джип балансировал на боку, пытаясь завалиться на крышу, но в итоге все же решил этого не делать.

Кряхтя, я встал на пассажирское окошко под ногами, распахнул водительскую дверцу над головой и, подтянувшись на руках, выбрался наружу. Судя по придушенному протестующему воплю, донесшемуся из машины, Патогеныч сделал то же самое, используя Храпа в качестве ступеньки.

– Пистолет не потерял? – спросил я вышибалу, когда мы все оказались снаружи и выяснилось, что при взрыве никто серьезно не пострадал.

Вместо ответа Храп задрал рубашку, показав торчащую из-за пояса ребристую рукоять.

– Ну так держи в руке! – Уже шагнув вперед, я подозрительно покосился на него. – Ты за Периметром-то бывал хоть раз?..

Храп виновато помотал головой.

– Ясно. – Я сокрушенно вздохнул. – Тогда идешь вторым, след в след за мной, понял? В буквальном смысле след в след. Шаг влево, шаг вправо – прощай навсегда. И пистолет тогда давай сюда.

– Понял, понял, – заверил меня Храп, отдавая пистолет. Его не нужно было пугать ужасами Зоны: он слышал в баре слишком много рассказов бывалых сталкеров, чтобы не относиться к этой смертельно опасной территории со снисходительностью глупого новичка.

– Пошли. Дистанция три метра.

То есть пошли – это, конечно, мягко сказано. На самом деле мы припустили вперед с хорошей скоростью.

Когда мы преодолели треть карантинной полосы, я убедился, что мы на верном пути.

Что-то темное и продолговатое виднелось в высокой траве по ходу движения. Я поднял руку, останавливая свою группу, и начал осторожно приближаться к странному предмету.

Это был один из темных. Он лежал навзничь, подтянув скрюченную правую руку к груди, а левую глубоко вонзив в сырую землю. Под ним растекалась бурая лужа. Я поднял его голову за волосы, и она едва не осталась у меня в руке.

Фрукт. Вот как звали парнишку. Фрукт. Не контролер, выходит, и то ладно. Я едва сумел его опознать – лицо темного стало бугристым и коричневым, словно у демона, из невероятно расширенных пор кожи сочилась густая сукровица. Горло у него было перерезано широким ножом, причем рассеченными оказались даже шейные позвонки: Сотовый всегда славился медвежьей силой и пристрастием к широколезвийным ножам. Похоже, вне Зоны темным действительно очень быстро наступает труба. Видимо, Фрукт больше не мог идти. Тащить его с собой коллеги не могли – у них наверняка тоже быстро заканчиваются силы, оставить нам для допроса третьей степени с применением жестких мер физического воздействия – тем более.

Эта история нравилась мне все меньше и меньше, хотя, казалось бы, куда уж меньше. Если темные начали резать друг друга, определенно жди конца света. С другой стороны, теперь можно было надеяться, что все похитители перемрут один за другим прежде, чем достигнут аномального поля Зоны. Все-таки между второй и первой линиями обороны еще целых два километра, да и Зона начинается не сразу за первой линией – там еще где-то полкилометра полосы отчуждения, усеянной телами выбредших к Периметру и расстрелянных военными мутантов. Так что для темных еще ничего не кончилось.

Я быстро обыскал труп Фрукта, но не обнаружил на нем никакого оружия: сообразительный Ковригин наверняка забрал все с собой, чтобы не давать нам лишнего козыря. Мы сразу же снова двинулись по следам похитителей.

– Оружие-то где будем брать? – вполголоса поинтересовался на ходу Патогеныч. – Или врукопашную пойдем, на кулаках?

– По дороге на Свалке два схрона, – сосредоточенно отозвался я. Мне не хотелось отвлекаться от следа. – Двое будут продолжать вести темных, один уйдет в сторону, к ближайшему тайнику.

– Добро.

Мы совершили еще один отчаянный марш-бросок – через полосу отчуждения, через высокие заросли камыша по колено в ржавой воде, через бывшую пашню, за прошедшие десятилетия превратившуюся в дикий луг, через заброшенную деревеньку с покосившимися, полусгнившими, почерневшими хатами. Надежды на то, что темных задержат на первой линии обороны, непосредственно примыкающей к зараженной территории, умерли, когда я обнаружил, что хорошо знакомый мне дот миротворческих сил на подступах к долине брошен. Прямо по нему прошел Дядя Миша – один огромный продолговатый след «шагающего» гравиконцентра зиял сквозной дырой в покрытой дерном бетонной крыше, два разворотили бруствера. Непонятно, откуда он здесь взялся, если на окраинах Зоны не было даже мясорубок; впрочем, скорее всего мы наблюдали еще не до конца ликвидированные последствия Большого Прорыва. Похоже, военные даже не стали выскребать из дота трупы своих коллег, решив, что это безнадежное и слишком опасное занятие: когда я заглянул в дыру и посветил внутрь фонариком в надежде отыскать какое-нибудь брошенное оружие, из дыры изрядно пахло. Несколько мгновений я шарил лучом света среди подозрительного бурого месива, но так ничего подходящего и не отыскал: если уж Дядя Миша наступил, то ловить уже нечего. Все превращается в омлет.

Однако совершенно неожиданно я обзавелся неплохим оружием уже метров через двадцать, на контрольно-следовой полосе, густо истоптанной мутантами. АКМК, автомат Калашникова модернизированный компьютеризированный, если использовать неуклюжую армейскую классификацию, лежал в грязи почти у самого проволочного ограждения, через которое мы проникли на зараженную территорию. «Компьютеризированный» – это, конечно, громко сказано: без специального сложного чипа он мало чем отличается от обычного

АКМС, да и с чипом его тактико-технические характеристики изменяются не сказать чтобы радикально, в отличие от цены. Не буржуйский «хопфул», конечно, с его многочисленными электронными примочками. На всякий случай я внимательно его осмотрел, прежде чем подобрать, – от темных можно ожидать чего угодно, в том числе и мины-ловушки. Однако «калашников» оказался не заминирован и вполне исправен, хоть и без чипа. Похоже, дела у похитителей совсем плохи, если они уже не в силах даже тащить один лишний автомат, который забрали у мертвого Фрукта. Ковригин все-таки умная бестия, он наверняка пытался бросить «калаш» подальше в кусты возле колючки, чтобы я его не нашел, но не докинул – сил не хватило. А ведь им еще приходится волочить с собой Динку...

Я стиснул зубы так, что челюсти заболели. Динка, радость моя. Если тебе сделали больно, я намотаю их кишки на приклад этого автомата. Потерпи еще чуть-чуть, родная. Мы уже совсем близко.

Отдав пистолет Храпу и забросив АКМК за плечо, я на ходу активизировал ПДА и набрал секретный код. Портативный компьютер тут же начал выдавать на частоте нашего клана зашифрованный сигнал «Все ко мне»: это означало, что моей жизни в данный момент непосредственно ничего не угрожает, однако мне тем не менее срочно необходимы все стволы, которые можно найти в радиусе двух километров. И желательно, чтобы за каждый ствол держался кто-нибудь из надежных сталкеров. Подавать сигнал до проникновения в Зону было никак нельзя: военные засекли бы моментально.

Первым откликнулся Гвинпин. Это был весьма серьезный боец, однако он отозвался из Темной долины, километров за пять от нас, и я дал ему отбой. Затем прорезались со Свалки Муха с Енотом. Вот это уже было гораздо теплее. А когда мы выбрались в низину возле первой полосы обороны, заваленную трупами расстрелянных с воздуха мутантов, отозвался Борода, который вместе со своими отмычками возвращался с Милитари. Я в двух словах обрисовал нашим, кого и с какой радости ловим, после чего быстро прикинул диспозицию на карте своего ПДА. Выходило, что мы с ребятами берем похитителей в красивый равнобедренный треугольник. Ну, славно.

– Есть метка! – внезапно рыкнул Патогеныч.

Я рывком сдвинул обшлаг рукава рубашки, впился взглядом в экран датчика движения. Вот они, голубчики. Наконец мы приблизились к ним настолько, что датчик сумел зафиксировать их перемещения. Три зеленые точки, одна словно сдвоенная – полумутант тащит на себе мою ненаглядную девочку. Ошибки быть не может. Не дальше, чем в ста метрах впереди, в леске, который я называю Нокаут.

– Рысью! – велел я, бросаясь следом за темными.

Не самая лучшая новость, кстати. Нокаут не просто так называется Нокаутом. Дело в том, что всякого человека, пришедшего с той стороны Периметра, Зона сердечно приветствует. Минут через десять пребывания на зараженной территории вдруг сбивается сердечный ритм, в животе начинает затягиваться холодный тугий узел, а в голове, наоборот, словно распрямляется гигантская пружина. Еще минут через десять короткое недомогание проходит без следа, но это время нужно где-то отлежаться, переждать, собраться с силами. Ближайшим укромным местом, где это можно сделать, и является лес под названием Нокаут. Вот только времени отлеживаться у нас не будет – придется сражаться в таком вот контуженном состоянии. Единственная надежда, что темные тоже неважно себя чувствуют. А ведь они теперь, в отличие от нас, подключились к источнику жизненной силы, теперь они с каждой минутой будут чувствовать себя все лучше и увереннее...

– Патогеныч, вперед не лезь, – на ходу предупредил я. – Когда завалим одного, получишь оружие. С голыми руками нечего...

– Сам ты голый, собака, – отозвался напарник.

Бросив взгляд через плечо, я увидел в руках у Патогеныча американскую автоматическую винтовку. Похоже, в низине старый пройдоха времени зря не терял и выволок из груд рассеченных артиллерийскими осколками трупов автомат, когда-то принадлежавший одному из павших здесь зомби.

– Патронов немного, – поведал Патогеных, вщелкивая магазин на место, – но несколько коротких очередей дам.

– Ну ты страус!..

Я все же не был уверен, что с винтовкой, неизвестно сколько провалявшейся в груде тухлого мяса, ничего не случилось, поэтому оставил Патогеных в арьергарде, приглядывать за шедшим вторым Храпом. Вышибала из бара «Шти», впрочем, пока держался молодцом и не давал мне повода нервничать.

Мы быстро догоняли темных. Похоже, они нас тоже заметили: зеленые точки на датчике движения засуетились, начали перегруппировываться. Темные не пользовались никакой аппаратурой, но нюх у них был феноменальный. По крайней мере, они умели находить такие ловушки, которые не всегда определяли датчики.

– Ковригин, отдай Динку! – заорал я. – Не трону! – И тут же кинулся в сторону, чтобы не заработать порцию свинца в лоб.

– Хрена тебе собачьего, – слабо донеслось через листву. Судя по голосу, Ковригин был на последнем издыхании.

Жестами я велел Храпу: обходи слева! Сам залег в канаве по фронту, высматривая затаившихся впереди противников. На экране датчика движения медленно таяли зеленые точки.

Ко мне в канаву прыгнул Патогеных, и тут же кто-то из темных обстрелял нас длинной очередью.

– Отвлекай! – велел я.

Патогеных дал короткую очередь и ушел на новую позицию. Пока они с темными обменивались репликами, я пробежал, пригнувшись, по дну канавы и вынырнул метрах в тридцати правее, уйдя с линии огня. Прячась за стволами деревьев, я стал понемногу заходить темным в тыл, когда вдруг почувствовал, как внутренности в животе начала медленно и неумолимо наматывать на огромный ледяной кулак невидимая рука.

– Что, ребята, плохо? – донесся словно сквозь вату сочувственно-насмешливый голос Мармелада. Этот гад еще ухитрялся бодриться.

Плохо, мать твою, очень плохо! Я упал на колени, пытаюсь удержать автомат горизонтально, но тот стал страшно тяжелым. Голова превратилась в огромный мешок, набитый песком, который непрерывно пересыпался из угла в угол. Зона дала мне свою традиционную пощечину. Ай, как не вовремя-то.

Елки, подумал я. Смертельная схватка калек с инвалидами в двенадцати раундах.

– Хемуль, назад! – раздался слева мученический вопль Патогеныха: ему тоже явно было очень нехорошо.

Я бросил взгляд на ПДА. Противоположный край монитора светился изумрудным, что твоя новогодняя елка. Десять человек, не меньше, которые быстро приближались из глубины Зоны к позициям темных, все без портативных компьютеров, так что идентифицировать их было невозможно. И темных это, судя по всему, совершенно не волновало.

Значит, не наши.

Кое-как встав на ноги, превратившиеся в два ватных столба, я двинулся назад. Со стороны противника по мне ударили из автомата, и я бросился в высокие пожухлые лопухи. Пополз к родной канаве, перевалился в нее, снова пополз – к Патогеныху, который лупил одиночными, экономя патроны.

– Влипли, мать твою! – гаркнул он, увидев меня. – У них тут подкрепление сидело!

Патогеных был бледный – ему тоже здорово досталось от Зоны. Я поддержал его из «калаша», поглядывая на детектор движения. От основной массы противников отделились три зеленые точки и продолжили движение в глубь Зоны. А мгновение спустя другие маркеры начали медленно приближаться к нам, понемногу растягивая шеренгу и охватывая нас с флангов. Похоже, похитителей встречал для подстраховки целый отряд темных собратьев.

Слева грохнул пистолетный выстрел, ему тут же ответили автоматные очереди –

нашелся Храп. Я снова отполз вправо, чтобы достойно встретить тех, кто решил обойти нас с этой стороны. Меня так крутило, что я едва мог удерживать автомат в руках, его ствол ходил ходуном. Боец из меня сейчас был так себе, на троечку.

Внезапно слева оглушительно раскатились длинные автоматные очереди. Развернувшись, я разглядел метрах в тридцати от нас Енота и Муху, поднявшихся во весь рост и от живота поливающих еловую чащу напротив свинцом из автоматов. Слава Черному Сталкеру, добрались-таки. Привстав на одно колено в канаве, Патогеныч поддержал их огнем. Перекатившись на новую позицию, я тоже обстрелял темных, которые начали мелькать в листве с моей стороны. Ошарашенные таким напором, они сосредоточили огонь на новом противнике, и Енот с Мухой дружно нырнули на землю, словно всю жизнь вместе занимались синхронным плаванием. Темные тоже залегли, и тут же кто-то открыл по ним ураганный огонь справа – похоже, подоспел Борода со своими малолетками. Баланс сил выравнился – однако три зеленые точки, уходящие в глубь Зоны, тем временем исчезли за краем монитора. Я не сомневался, что один из темных тащит мою Динку. А значит, опять все напрасно.

Хаба-хаба, как сокрушенно говорит в подобных ситуациях один страус.

Я попытался уйти вправо, чтобы обогнуть противостоящий нам отряд и броситься следом за похитителями, но темные сразу обнаружили меня и прижали к земле непрерывным огнем. Свирепо матерясь, я вжался в прошлогоднюю опавшую листву и медленно пополз в прежнем направлении, снова отчетливо осознавая, как исчезают в бездне вечности драгоценные секунды. Сместившись на новую позицию, за огромный комель вывороченного из земли дуба, тяжело нависшего над молодым подлеском, я просунул дуло автомата в амбразуру между толстых корней и обстрелял залегшего в кустах противника. Нет, высунуться мне не дадут, факт. Придется участвовать в боестолкновении.

Некоторое время два сталкерских клана рубились между собой не на жизнь, а на смерть. Понемногу мы начали теснить темных, и я заметил, как Енот с Мухой короткими перебежками начинают продвигаться вперед. А потом из треска автоматных очередей и хруста срубленных пулями ветвей выделился новый звук, сначала едва слышный, а затем окрепший и заполнивший собой все пространство.

Клекот вертолетных винтов. В гарнизоне наконец изволили проснуться.

Сегодня вертолет был один. Не то что в прошлый раз, когда нам на перехват бросили целое вертолетное звено. Но тогда произошло нападение на механизированный армейский патруль, дело крайне серьезное. А в этот раз на блокпосту мы никого не то что не убили, но даже не ранили. Даже не стреляли – просто прорвались в сторону Зоны. Пустяки, в общем-то, дело житейское. Раз в квартал такое случается.

Однако задача перед пилотами в обоих случаях стояла одинаковая: уничтожить дерзких нарушителей с применением всех имеющихся огневых средств.

– Сворачиваем веселье! – крикнул я Патогенычу, который уже израсходовал все патроны и теперь без толку прятался в канаве. – Ну его к монахам, пора рвать когти!..

Однако темные не собирались давать нам возможности уйти. Они не стали разбегаться, заслышав вдали гул вертолета. Они продолжали обстреливать нас, причем, по-моему, даже усилили огонь. Создавалось впечатление, что они просто жертвуют собой, удерживая нас на месте, чтобы дать похитителям возможность скрыться вместе с Динкой. Это была еще одна вещь из разряда невероятных, но думать о том, что это может означать, мне сейчас было некогда.

Продолговатый черный «скай фокс» взмыл над верхушками деревьев, словно невозмутимый боевой дракон. Думаю, пилот здорово удивился, когда вместо троих нарушителей Периметра обнаружил в леске две воюющие банды. Наши как по команде прекратили огонь: аппаратура «фокса» чутко отслеживала вспышки выстрелов на земле. Темные же словно не обратили на появление вертолета никакого внимания. Мало того, зафиксировав, что мы больше не отстреливаемся, они без какой-либо заминки начали наступление на наши позиции. Похоже, они были всерьез настроены вырезать нас

поголовно, сколько бы при этом ни полегло их самих.

Дима Шухов, спаси-сохрани, подумал я. Неужели зомби?! Да что же это творится последние дни вокруг Периметра?

В любом случае не стоило им этого делать. Некоторое время вертолет неподвижно висел над лесом – видимо, пилот докладывал обстановку и запрашивал инструкции. А затем, получив информацию, что в этом районе не работает взвод военных сталкеров, вертолетчик подал свою винтокрылую машину вперед и открыл бешеный огонь из спаренных крупнокалиберных пушек-пулеметов.

Оглушительный грохот заставил меня снова вжаться в землю. Черт, мелькнуло вдруг у меня в голове, а ведь место как раз то самое, где мы с американскими «туристами» из ЦРУ проникали через Периметр. Вот как история-то повторяется. Нет, теперь этот участок Периметра наверняка перекроют капитально. Два столь громких происшествия за такой короткий срок – слишком много. Перебросят сюда с северо-запада несколько механических роботов-куриц, которые будут палить из пулеметов во все, что шевелится в радиусе двухсот метров. А посреди просеки оборудуют новую долговременную огневую точку. Извините, коллеги, что испохабил вам некогда тихий участок Периметра, но, видит Черный Сталкер, это не моя вина. Клану темных, похоже, придется теперь ответить на ряд очень неприятных вопросов, даже если похитители и их группа поддержки действуют по собственной инициативе.

Темные активно двигались и стреляли из автоматов, поэтому основной огонь вертолетных пулеметов достался им. Наши понемногу отползали назад, прячась в ямах и буреломах, пока безжалостные потоки крупнокалиберных пуль кромсали тела наших противников. Потеряв нескольких человек, темные начали ожесточенно обстреливать «фокс» из автоматов, и он, качнувшись, сместился влево и скрылся за кронами деревьев – видимо, пилот опасался, что у бандитов есть «це-це», либо приборы вертолета в самом деле зафиксировали сквозь листву лазерный прицел этой ручной ракетной установки, наводящей ужас на войска Альянса в центральноафриканских джунглях.

Уходить было некуда: позади открытая со всех сторон долина, заваленная трупами мутантов, впереди темные, справа редкий подлесок, слева болото. Оставалось только забаррикадироваться понадежнее и надеяться, что на тепловом детекторе «фокса» мое неподвижное тельце будет выглядеть как еще не успевший остыть труп. Как говорит в таких случаях один страус, если уж поймал нокаут, сынок, лежи и не дергайся, набирайся сил.

Вражеский боевой вертолет над головой – это, конечно, такой нокаут, что лучше действительно не дергаться.

С одного из псевдокрыльев «фокса» с шипением сорвалась ракета «воздух – земля» и, прочертив в пространстве длинный дымный след, скрылась за деревьями. Раздался оглушительный взрыв, землю подо мной качнуло. Снова заработали пулеметы, их звук изменился, стал менее глухим и тукающим – похоже, теперь их жерла были повернуты в нашу сторону. Затрещали лопающиеся от прямых попаданий стволы деревьев – все ближе и ближе ко мне. Я забился под толстый пласт земли, вывороченный корнями покосившегося дуба, плотно прижался ко дну ямы, стараясь не шевелиться и не вздрагивать от оглушительных разрывов над головой. Ты что, дурак, не видишь, что тут труп? Мочи лучше темных!..

С отвратительными сочными шлепками две крупнокалиберные пули вонзились в комель дуба и увязли в толстом массиве грунта. Меня щедро осыпало земляной крошкой. Вертолет прекратил стрельбу, с сомнением покачивая острым металлическим рылом. Мать твою, брат, панически подумал я, ну зачем тебе расходовать ракету на одинокого бродягу, который скорее всего и так уже покойник? Вам что, в гарнизоне, ракеты девать некуда? Расслабься, развернись, сзади наверняка еще ползают недобитые темные. Смотри, шамальнут из «це-це», костей не соберешь...

Вертолет по-прежнему висел над моей головой. Возможно, он фиксировал на этом направлении не только меня, но еще и Патогеныча, Храпа и Муху с Енотом. Не знаю.

Однако с каждой секундой во мне крепла уверенность, что пилот не пожалеет ракеты. Просто из принципа. Всякий человек, применяющий оружие в Зоне и не являющийся представителем миротворческих сил, по определению есть опасный преступник и террорист, действия которого должны быть пресечены самым решительным образом.

Нервы у меня были на пределе. Грохочущий прямо над головой боевой вертолет, из-под брюха которого вот-вот сорвется осколочная смерть, – прекрасное психогенное оружие, способное довести до нервного срыва самого махрового флегматика. Мне страшно хотелось вскочить и обстрелять его из автомата. Только делать это, разумеется, было никак нельзя – именно этого он от меня и ждал.

«Фокс» дал по мне еще одну очередь из пулемета, и снова внушительный слой грунта принял в себя предназначенные мне пули. И когда я уже решил, что ракеты не миновать, в поредевших от обстрела кронах деревьев вдруг вспыхнуло крошечное солнце, которое, стремительно набирая скорость, устремилось к вертолету.

«Скай фокс» успел только чуть развернуться, подставив вместо хрупкого хвостового винта бронированный бок. Полыхнуло с грохотом, меня разом ударило по барабанным перепонкам, так что я на некоторое время совершенно оглох. Вокруг меня посыпались на землю зазубренные обломки – не то от корпуса вертолета, не то от ракеты «це-це». Выходит, не зря пилот опасался: в последнее время «Монолит» несколько раз обстреливал армейские воздушные патрули из портативных ракетных систем – видимо, в Зону попала крупная партия контрабандных ручных ракет «земля – воздух». Теперь ясно, отчего темные не испугались сделавшего боевой заход «фокса». Вот только что-то у них не вышло как надо: то ли стрелок с «це-це» слишком замешкался, то ли первая ракета просто не сработала, поэтому выжившим после пулеметного обстрела боевикам срочно пришлось расчехлять вторую.

От взрыва вертолет снесло вбок, но он остался в воздухе, даже напротив, начал набирать высоту. И только когда он поднялся метров на сто, я сообразил, для чего он это делает, и судорожно вцепился в окружавшие меня корни дуба, постарался слиться с землей, понимая, что через несколько мгновений наступит ад.

Ад наступил в расчетное время плюс полторы секунды.

Где-то в вышине раскатился глухой зловещий звук – словно гигантской кувалдой, обернутой в вату, ударили в железный лист титанических размеров. Пространство вокруг меня отвратительно содрогнулось, подалось чуть назад, затем рывком дернулось вперед, когда где-то в вышине раздался громоподобный треск, как будто рывком разорвали гигантскую мокрую тряпку. Ураганный поток воздуха, устремившийся к эпицентру взрыва, взлохматил мне волосы, ухватил за шкирку, пытаюсь потащить за собой. Оглушительно затрещал толстый ствол медленно заваливавшегося дуба, выкручиваемого из почвы невидимыми пальцами. Я судорожно цеплялся за толстые корни, однако меня неудержимо волокло в ту сторону, куда вертолет нанес удар глубоковакуумным боеприпасом. Не так давно мне уже посчастливилось оказаться в непосредственной близости от эпицентра подобного взрыва, но тогда я находился на глубине нескольких метров в брошенном армейском бункере. И все равно удовольствие вышло значительно ниже среднего. Этот оказался не таким мощным, однако сейчас я был на поверхности. А самые страшные разрушения глубоковакуумный боеприпас причиняет на открытой местности – в более плотных, чем воздух, средах ему приходится тратить гораздо больше энергии на то, чтобы взломать структурную решетку материи.

Принцип действия ГВБ основан на том, что он проделывает в пространстве отверстие – так называемый глубокий вакуум, в котором отсутствуют даже элементарные частицы. Полное, абсолютное, дистиллированное ничто. Пока оно формируется, ломая структурную решетку, прилегающая к нему материя неудержимо подается в его сторону – а затем мгновенным рывком схлопывается в возникшую пустоту, вызывая в окружающем пространстве мощнейшие колебания, которые страшно корежат бронетехнику, разносят в пыль бетонные укрытия и причиняют живым организмам тяжелейшие повреждения, несовместимые с жизнью. В эпицентре взрыва испаряется вообще все, самый прочный

материал мгновенно аннигилирует, соприкоснувшись с самым страшным оружием, которое только может быть на свете, – абсолютным ничто. Когда ученые научатся осуществлять проколы пространства диаметром хотя бы в несколько сот метров, ядерное оружие можно будет окончательно списывать в утиль как морально устаревшее. Область глубокого вакуума размером с Припять, думаю, способна уничтожить целый материк. По крайней мере, двенадцатибалльные землетрясения по всему его периметру обеспечены, а от центральной части вообще ничего не останется.

И вот теперь обстрелянный вертолет, поднявшись метров на сто, чтобы не попасть в радиус действия своего чудовищного оружия, привел небольшой глубоковакуумный боеприпас в действие. Штука эта пока, к счастью, фантастически дорогая, и за каждое ее применение пилоты строго отчитываются перед командованием, однако этот вертолетчик решил больше не рисковать. Если у темных нашлась одна «це-це», значит, вполне может найтись и другая. А потом и третья.

На долю секунды окружающее пространство замерло. Можно было подумать даже, что все уже закончилось. Однако все только начиналось.

Внезапно все вокруг со страшным грохотом сорвалось со своих мест. Я оказался в центре урагана и, не удержавшись, полетел вверх тормашками. Доли секунды меня тащило к эпицентру взрыва, а затем меня словно кто-то отбил огромной бейсбольной битой, и я, пролетев пару метров по воздуху, покатился по осыпавшейся с деревьев высохшей хвое. Счастье мое, что заряд был таким небольшим, иначе легкой контузией мне бы никак не отделаться.

Опрокинувшись на спину, не в силах даже шевельнуться, я широко раскрытыми глазами уставился на зависший в небе вертолет. Нет, второго ГВБ он на меня наверняка пожалеет, к тому же далеко не факт, что он у него есть; а вот ракеты или пулеметной очереди – едва ли.

Щипать твою курицу, как умирать-то надоело.

Вертолет еще несколько мгновений висел надо мной в раздумье. Даже с такого расстояния было видно, что ему здорово досталось: ракета «це-це» все-таки прожгла небольшую дыру в его борту, и теперь оттуда сочился жидкий дымок. Неизвестно, сколько еще он сумеет продержаться в воздухе. Поэтому в конце концов пилот решил не тратить на меня драгоценного времени и боезапаса и, заложив крутой вираж, резко ушел в сторону Периметра. Портативной ракетной установки он при мне явно не обнаружил, а сам я скорее всего был убит страшной ударной волной. Зачем еще делать ненужные телодвижения?

Дождавшись, пока стихнет гул винтов, я с трудом поворачивал шеей. Голова перекатывалась из стороны в сторону, словно плохо накачанный футбольный мяч, шея превратилась в кусок резинового шланга, перед глазами все плыло, вращались кровавые круги и змеились огненные линии. Мне вдруг показалось, что вертолет возвращается, однако это был не шум винтов, а оглушительный шорох крови в контуженных барабанных перепонках.

Наконец мне удалось оторвать голову от земли и приподняться на локтях. Меня тут же страшно замутило, я едва не сблевал. Нет, сотрясение мозга сейчас совсем ни к чему, ну его к монахам. Оно вообще никогда ни к чему. Хватаясь за корни измочаленного взрывом дуба, я кое-как поднялся на ноги. Не сказать, чтобы вертикальная позиция доставила мне удовольствие, совсем не сказать.

Пригибаясь, едва переставляя ноги, я с трудом двинулся вперед, внимательно вглядываясь в колышущиеся на ветру листья деревьев – насколько позволяла мутная пелена перед глазами. Нет, похоже, воевать больше было не с кем. Там, где раньше располагались позиции темных, теперь находилась взрытая голая площадка метров сорока в диаметре, усыпанная древесным крошевом и изорванной в клочья листвой. Все, что находилось на этой площадке, мгновенно превратилось в мелкую пыль, а мусор натащил сюда ураганный ветер, возникший в момент схлопывания дыры в пространстве.

Слева вынырнул из кустов Муха, помахал рукой, привлекая мое внимание. Я поднял

ладонь: все нормально. Ладонь ощутимо дрожала. Справа показался один из малолеток Бороды. Я бросил взгляд на датчик движения: нет, все в порядке, двигались только наши по эту сторону вражеских позиций.

Совершенно без сил я опустился на одно колено, глядя на приближающихся сталкеров, словно через аквариум с мутной водой.

Глава 9 Сумерки

Ребята собрались вокруг меня на расчищенной глубоковакуумным боеприпасом поляне посреди леса. Борода вколол мне противошоковое и восстанавливающее. Другие бродяги пострадали меньше: они находились на периферии удара и отделались легкими царапинами, а кто и просто кровью из носу.

Темные легли все – кто-то оказался непосредственно в эпицентре взрыва, кого-то поразило сильнейшими пространственными колебаниями. Кто-то еще раньше схватил честную сталкерскую пулю. Однако были потери и у нас. У Бороды остались только четыре отмычки, хотя он принял бой с пятью; только что, кстати, на ПДА упало сообщение о гибели Костромы. Я не стал заострять на этом внимание, чтобы не нервировать зря молодняк и не ставить в неудобное положение Бороду. Конечно, парня следовало достойно похоронить, однако у нас сейчас совершенно не было на это времени.

Храпа Енот нашел в десяти шагах от поляны, под огромной старой елью. Отмучился Храп. Поймал сразу три пули. Никогда я его особо не любил, но стало мне вдруг горько до изжоги. Он ведь, не раздумывая, кинулся спасать Динку, и я был благодарен ему за это. Хотя, если бы он не бросил мою девочку на дебила Гоблина, ничего этого не случилось бы. Динка была бы со мной, а Храп был бы жив-здоров. Разнимал бы сейчас в «Штях» подравшихся Бастурму и Хемуля, все дела.

Однако спасибо темным за ракету, иначе наши потери оказались бы сопоставимы с их потерями. Если бы вообще осталось кому подсчитывать потери.

Мы провели стремительный военный совет. Я парой штрихов обрисовал дальнейший план действий и заявил, что ни от кого ничего не требую, однако лишние стволы мне сейчас очень не помешали бы. Но если у коллег другие соображения, никому предьяв рисовать не буду, справлюсь сам.

– Куда тебе одному, – резонно возразил Патогеныч, – ты на ногах еле стоишь, собака. Да и вообще, на хрена я с тобой тогда ехал столько от самых «Штей»? Думаешь, покататься хотел?

– Хемуль, не вопрос, – заявил Муха. – Ты ведь брат мне. А Динка – сестра. Что за дурацкие разговоры?

– Енот? – поинтересовался я.

Приятель досадливо махнул рукой: мол, не разводи этот детский сад, Хемуль. Времени нет.

– Борода?

– Мы клан, – негромко проговорил москаль. – Если мы не будем помогать друг другу, нам труба. Расчехлят поодиночке.

Я не столько услышал, что он сказал, сколько догадался по движениям губ – в ушах все еще стоял неумолкающий звон.

На этом голосование было прекращено. Я ожидал, что демократ Борода начнет интересоваться мнением своих отмычек и убеждать их в пользе общего дела, но, слава Черному Сталкеру, так далеко его либерализм не простирался. Если командир на поле боя или в Зоне начнет индивидуально работать с каждым подчиненным и мягко убеждать его в необходимости выполнения того или иного приказа, подразделение будет мгновенно разгромлено противником, привыкшим к строгой дисциплине и до печеночных колик боящимся своего сержанта. Либо станет закуской для мутантов. Так что решение за всю

группу принял Борода, а если кто остался недоволен – тот мог идти домой. Один, без ведущего.

Оперативно свернув военный совет, мы двинулись следом за темными, успевшими уволочь Динку в глубь Зоны до того, как натовский вертолет превратил их приятелей в фарш. Затормозив возле одного из трупов, который выглядел пристойнее других, Патогеныч содрал с него сталкерскую куртку и натянул на себя. Только тогда я ощутил, насколько окоченел – ведь мы с ним выскочили из бара в чем были, а осенний ветер пробирал до костей, однако в пылу погони я до сих пор совершенно не чувствовал холода. Заметив, что сам я не в состоянии сделать то же самое, Патогеныч раздобыл куртку и для меня. И если вы скажете, что это было мародерство, ступайте в мясорубку, идиоты.

Я подумал, каково сейчас Динке, которая одета еще легче, и меня передернуло. Хорошо, если похитители чем-нибудь ее усыпили и она не ощущает холода. Вряд ли, конечно, в их планы входило заморозить ее насмерть во время транспортировки, но это соображение мало меня успокаивало.

Борода дал мне пару гранат, а один из его малолеток по распоряжению ведущего сунул свой нож. Это был неплохой «Полковник Боуи», и я некоторое время на ходу пытался куда-нибудь его пристроить. За поясом ему было довольно неудобно – «щучка» с обратной стороны лезвия так и норовила царапнуть ногу. В карман куртки он не помещался. Тащить в руке – неудобно. В конце концов я все-таки пристроил его в карман, прорвав лезвием подкладку. Провалиться не должен, рукоять достаточно широкая.

Конечно, я умел работать и «Полковником», и другими типами боевых ножей, однако предпочел бы сейчас свой старый добрый штык-нож от АКМК, который погиб на заброшенной коровьей ферме. Вот такой я кретин, радиоактивное мясо. Да, я знаю, что это скорее палаш, чем нож, я знаю, что он менее удобен и малоэффективен по сравнению с большинством боевых ножей, что с ним тяжелее обращаться и гораздо труднее правильно его заточить. Однако за годы, проведенные в армии, я настолько привык к этой тупой и неудобной железяке, настолько отработал технику обращения с ней, что не желал менять ее ни на что другое. Привычка к оружию, пусть даже менее совершенному, чем у противника, – очень серьезный бонус в схватке, перевешивающий массу минусов. И кроме того, многие вспомогательные вещи я гораздо быстрее, удобнее и эффективнее выполнял при помощи неуклюжего штык-ножа, нежели при помощи специальных инструментов.

Ведущим пошел Енот – наш штатный следопыт. Следом двигался Патогеныч, который тоже поймал легкую контузию и теперь время от времени машинально встряхивал башкой, пытаясь разогнать комариный писк в голове. Затем четверо отмычек Бороды под руководством командира. Мы с Мухой замыкали колонну, присматривая, чтобы нам вдруг не ударили в тыл из засады. Ударить в тыл из засады – любимое развлечение в Зоне. Муха, похоже, присматривал еще и за мной. С каждым шагом у меня в голове стремительно прояснялось и утихал назойливый звон в ушах – действовали уколы Бороды, – но когда шок прошел, все тело, отбитое ударной волной, словно кусок бифштекса, страшно заболело, и я едва перебирал ногами. Все-таки мне здорово досталось сегодня.

Вскоре начали попадаться первые мясорубки, и Енот распорядился удвоить бдительность.

Из арьергарда было удобно наблюдать за малолетками. Первым шел Барсук. Среди них это был самый внятный парень. Пару раз мне пришлось столкнуться с ним нос к носу во время массовых рукопашных побоищ в баре «Шти». И еще один раз я наблюдал, как он стреляет из автомата. И у него было неплохое чутье. Короче, из всей команды москаля у него имелись самые серьезные шансы в ближайшие месяцы уйти в свободное плавание и в конечном итоге стать ветераном. Крепкий парнишка, а главное, рассудительный и умеющий мыслить нестандартно, а это в нашем деле половина успеха. Невозможно всегда действовать по шаблону, даже самому удачному, на территории, где все меняется быстрее, чем успеваешь оглянуться. В дальнейшем я охотно забрал бы его вторым номером, но пока он еще недостаточно опытен, пусть ему утирает сопли педагог Борода. Я страшно не люблю

учить новичков на собственной шкуре. Может, оттого и топчу Зону дольше многих – потому что доверяю только себе и многократно проверенным людям. Береженого, как известно, Дима Шухов бережет.

Кличка второго была Вова. Это была именно кличка, потому что звали его Гена. Почему так вышло, я никогда не интересовался; да, собственно, мне и не было особенно интересно. Пэпс вон тоже сначала был Тигром, но в народной памяти все равно остался Пэпсом. Наверное, и с Геней-Вовой тоже случилась какая-нибудь конфузная история. Либо просто один раз из вежливости откликнулся на «Вову», когда пьяный ведущий забыл его имя, – так и приклеилось. Сталкеры вообще своеобразные люди, никогда нельзя сказать наверняка, что именно их приколет; ну а уж если прикололо, то меткая кличка, считай, обеспечена, и хоть головой потом о стену бейся – прилипнет намертво. Разве что позже совершишь нечто такое, что приколет клан еще сильнее.

Про Вову я знал мало. Он ничем не выделялся среди своих коллег и в баре всегда сидел так, чтобы свет не падал ему в лицо. Внешность имел неприметную и не любил драться. Думаю, ему было что скрывать. Впрочем, половине бродяг есть что скрывать. В Зону уходят не от хорошей жизни, порой – спасаясь от зоны лагерной.

Третьего малолетку, ярко выраженного крымского татарина, звали Бахчисарай. Кличка вышла слишком длинная, поэтому бродяги постоянно усекали ее до Бахчи или Бахча. У Бахча были неплохие задатки следопыта, и Борода явно целенаправленно натаскивал его в этой области. Что ж, ценное умение в Зоне. Кроме того, Бахчисарай хорошо чувствовал аномалии. У него был только один, но очень серьезный недостаток: в соответствии с догматами своей религии он не пил. Вообще. Даже красного вина. В Зоне такое поведение, конечно, совершенно недопустимо, но он пока как-то выкручивался. Вместо того чтобы перед Периметром просто махнуть сто грамм, покупал себе какие-то дорожные антирадиационные средства, а то и вовсе экономил. Пижон, короче. С этим Бороде непременно надо было что-то делать, потому что непьющий человек в Зоне долго не живет, была уже масса precedентов.

Последнего члена команды москаля звали Гусь. И опять же не знаю почему: не было ни в его внешности, ни в повадках ничего гусиного. А фамилия ему была Пархоменко, так что откуда ребята взяли эту кличку – черныбыльский пес знает. Видимо, была и у него в прошлом какая-то забавная конфузная история, прошедшая мимо меня. Зато он отлично стрелял из снайперки и в сегодняшней схватке на моих глазах положил темного. Если бы я собирал себе постоянную команду отмычек, как Борода, такой стрелок обязательно занял бы в ней почетное место.

Короче, москаль подготовил себе команду на все случаи жизни. Наверное, неприметный Вова тоже обладал каким-нибудь ярким талантом. Погибший сегодня Кострома, кстати, был неплохим сапером и хорошо управлялся с электроникой. В общем, идея Бороды лежала на поверхности: собрать себе крутой отряд подготовленных и верных людей, на которых всегда можно будет положиться, и с его помощью делать вылазки в самые опасные уголки Зоны, где не справится один ветеран и даже два ветерана в связке. Вот только идея эта приходила многим и до него, однако до сих пор Зона все еще не знала постоянных ветеранских отрядов. Невозможно удержать в команде молодого и амбициозного парня, как только он начинает осознавать, что мог бы самостоятельно добывать те артефакты, которые сейчас приходится делить на шестерых; тем более невозможно удержать там опытного ветерана. В конце концов, в Зону приходят за деньгами, а не за дружбой и человеческой поддержкой. Дружба дружбой, а хабар, как известно, врозь.

Мне нравилось, как молодняк Бороды движется по смертельно опасной территории. Молча, собранно, сторожко, ни одного лишнего движения. Молодцы. Не то чтобы я вел свои наблюдения с какой-то определенной целью – скажем, сманить кого-нибудь из отмычек в свою команду: это было бы западло по отношению к Бороде. Просто они шли впереди и маячили перед глазами. Но теперь я окончательно убедился, на кого из лягушатника имеет смысл конкретно обратить внимание в случае чего. Мало ли как в Зоне дела поворачиваются.

Борода не вечен, команда его не вечна. Что вообще вечно в Зоне? Разве что смертельная опасность.

Темные так пока и не попали в радиус действия датчика движения. Видимо, оказавшись в Зоне, они обрели долгожданное второе дыхание. Тем не менее первый километр Енот уверенно вел нас следом за ними между аномалий, подмечая то свежий ребристый след во влажной грязи, то примятую траву, то раздавленную тяжелым каблуком Сотового полусгнившую ветку. Похитители вели себя грамотно: понимая, что вместо обстрелянного вертолета вскоре прибудет целое звено карателей, они стремились как можно скорее затеряться на просторах Свалки. О заметании следов им пока думать было некогда. Однако начинало смеркаться, и наш следопыт начал вести себя все более и более неуверенно. Вначале он рыскал по местности, каждый раз обнаруживая пропавший след в десятке-другом метров от предыдущего направления, но вскоре заявил, что больше не может отыскать признаков того, что здесь только что прошли люди.

– М-мать!.. – Енот свирепо хватил кулаком по искривленному стволу молодой березки, и та осыпала его дождевой влагой с листьев. – Все, приехали. Станция Дерезай, кому надо – вылезай!

Темные словно растворились в Зоне. Зона была их домом, они ориентировались здесь, как бушмены в зарослях Австралии, и при желании, подобно бушменам, умели не оставлять следов.

Мы снова собрались на военный совет.

– От Периметра они могли двинуть сюда, сюда или сюда. – Муха тыкал обломанным ногтем в карту Зоны, высвечивавшуюся на экране его ПДА. – Ну, с небольшими вариациями, конечно, но основные направления такие. Значит, в Темную долину без мазы – оттуда слишком большой крюк в другие уровни, и у похитителей нет с собой защитных костюмов против ядовитого тумана, если Хемуль нам не врет.

– Или костюмы у них спрятаны в каком-нибудь схроне, – проворчал Патогеныч.

– В любом случае им там ловить нечего, – отрезал Муха. – Куда они могли тащить Динку в Темной долине? В жертву бюрерам?.. – Видимо, мой взгляд немного смутил его, потому что он ненатурально кашлянул, поправил очки и поспешил продолжить: – Дальше – Агропром. Уже теплее. Уровень довольно проходной, можно сдать девочку с рук на руки поджидающему в условленном месте заказчику. Плюс можно выбраться на Милитари, а там вообще ищи ветра в поле. Но на Агропроме полно военных сталкеров, заслоны вокруг разрушенных лабораторий, патрули, вертолеты. Можно здорово нарваться. Однако совсем исключать нельзя...

Я обвел коллег взглядом. Лица внимательные, сосредоточенные, ребята готовы к немедленным действиям. Черт, все-таки славная команда! Но ведь второй раз собрать такую хрен удастся. Разве что снова придется вражеский клан громить или Динку еще раз украдут... тьфу ты, пакость! Нет, не надо мне больше такой славной команды.

– Янтарное озеро, – продолжал Муха, отчеркивая ногтем на мониторе очередное направление. – Лагерь ученых. Бред. Работоторговлей не занимаются, стараются поддерживать хорошие отношения с вольными бродягами, и опять же окрестности контролируются военными сталкерами. Хотя окончательно я бы их со счетов тоже не сбрасывал – заказчик вполне может сидеть гостем в научном лагере. Уж больно стратегически удачно место расположено, отовсюду близко. Дальше на северо-запад: Болото и Доктор. Бред в квадрате. И уж там постороннему точно неоткуда взяться, а в качестве условленного для встречи места – хуже не придумаешь, разве что Темная долина. Либо дальше на восток: Мертвый город и Радар. Бар «Сталкер». – Его палец уперся в названную последней точку, и Муха замолчал.

– Слишком очевидно, – проронил Борода. – Первое, что приходит в голову. Значит, отпадает.

– Вряд ли они планировали тащить Дину до бара на себе, – поддакнул Патогеныч. – Далековато будет, однако. Значит, где-то ближе к Чернобылю-4 у них все-таки пересадка...

– Варианты? – тут же поинтересовался Муха.

Патогеныч некоторое время молча изучал карту, потом сознался:

– Гадать можно долго. Либо они просто уходят куда попало, лишь бы подальше от нас.

– Либо на территорию «Монолита», – вставил Енот. – Тоже те еще отморозки. Не представляю, зачем «Монолиту» Динка, но от них чего угодно можно ожидать.

Я задумался. А ведь у «Монолита» ко мне действительно может быть ряд неприятных вопросов. Приходилось нам соприкасаться в свое время.

– Не уходят они куда попало, – проигнорировал Енота Муха. – Их за Периметром подстраховывал целый отряд сородичей. Значит, пути отхода были проработаны сразу. Они заранее знали, где вернуться в Зону, а значит, рассчитали и дальнейший маршрут. И маршрут этот должен быть кратчайшим: у них живой груз, и в расчеты они наверняка сразу заложили возможную погоню. Потому что если погоня не учитывалась, то они полные лохи.

– Но ведь бар – это первое, что приходит на ум, – возразил Борода. – Вся операция осуществлена темными. Значит, первое место, куда разъяренные кланы обратятся за разъяснениями, – это «Сталкер». Если Динка найдется там, Клещу будет очень трудно и дальше разводить руками – дескать, я за отдельных темных выроdkов не отвечаю. Это будет такая война, какая им даже и не снилась.

– Да если бы не Хемуль, никто бы и не подумал, что это темные! – с жаром возразил Муха. – Тебе бы вот пришло в голову, что они осмелятся выбраться за Периметр, да еще так далеко – аж в Чернобыль-4? Вот именно. Осуществили бы операцию без шума и пыли, никто бы даже и представить себе не смог, что Динка в «Сталкере». Ходили бы мы до сих пор, трясли бы бары кланов в военном городке, как идиоты. А то и вообще бы только что спохватились, что девочка пропала...

– Но сейчас-то они знают, что раскрыты! – стоял на своем Борода. – Значит, теперь для них двигать в «Сталкер» – это конкретная подстава на весь клан. Наверняка у них на такой случай был запасной вариант.

Муха задумался, сдвинув брови к переносице.

Как в «камень – ножницы – бумага», подумал я. Либо темные действительно тащат Динку в неизвестное нам место. Либо они просчитали такую комбинацию, пришли к выводу, что мы ни за что не поверим, будто они собираются напрямик доставить Динку в бар – и именно так и поступят. От противного. Осталось только поставить себя на место Клеща и Ковригина и понять, что у них на уме.

– В общем, так, – хрипло подытожил я. – Направление выбрали. Пока движемся на восточный берег озера, а там поглядим.

Несмотря на контузию, командование сводным отрядом принял на себя я, как только подействовало противошоковое – мы так не договаривались, оно вышло как-то само собой, с молчаливого согласия всех присутствующих ветеранов. Во-первых, я был самым везучим сукиным сыном в команде, а этому сталкеры придают огромное значение – тут я был вне конкурса. Во-вторых, я был опытным сукиным сыном с хорошо развитым сталкерским чутьем – тут со мной могли поспорить разве что Патогеныч и Муха. В-третьих, у меня имелся солидный опыт командования небольшим подразделением – и в армии, и здесь, в Зоне. Ну и в-четвертых, это была моя война, и командовать по-любому должен был я. Без вариантов.

Отмычки Бороды выглядели не очень-то обрадованными моим решением, да и вообще всей этой кутерьмой. Целый день они таскались по смертельно опасным холмам Зоны, на ночь глядя их для разминки обстреляли из вертолета, а теперь снова тащат в глубь зараженной территории, причем с перспективой очередной перестрелки. И самое обидное, что неизвестно, сколько денег перепадет им за это внеплановое приключение. Вполне может так получиться, что не достанется вообще ничего – если меня сегодня положат, рисовать предьявы будет некому. Я их вполне понимал, но мне было не до того, чтобы подбадривать и утешать щенят. Пусть этим Борода занимается, он у нас знатный педагог. А уж ему я как-нибудь отплачу хабаром.

Через сталкерскую сеть мы связались со всеми нашими, которые находились в Зоне, и

попросили их сообщать любую информацию о похитителях. Наших, правда, в Зоне в это время суток было немного. Тем не менее Гвинпин, Фаза, Мельник и Леший охотно обещали не только сообщить, если команда Ковригина все же обнаружится, но и поучаствовать в спасательной операции.

Вдалеке непрерывно рокотали военные вертолеты. Опять мы наделали крутого шухеру. Вот же клоуны. Но теперь, похоже, чаша терпения натовцев переполнилась. Они целенаправленно искали незаконную вооруженную группу, пробирающуюся в глубь Зоны. Боюсь, сегодня не повезет многим ни в чем не повинным бродягам. И за это темным тоже потом придется ответить.

Пока, правда, усиленные воздушные патрули впустую бороздили небо. Куда, с точки зрения военных, мог с таким шумом прорываться большой отряд злоумышленников, вооруженный весьма недешевой системой «це-це»? Правильно, в какой-нибудь стратегически важный район – к лабораториям Агропрома, к подземельям Темной долины, в научный лагерь на Янтарном озере. Я был уверен, что все эти направления уже надежно перекрыты. Однако туда нам было не надо. Единственным способом узнать, куда делись похитители, было пойти в бар к темным и спросить об этом у них. А в Мертвый город мы могли попасть, и минуя стратегические направления.

Мы пересекли Свалку, прошли по краю Агропрома и выбрались к озеру. Понемногу смеркалось, в серых тенях становилось все тяжелее различать аномалии. Ненавижу ходить по Зоне ночью: полное ощущение, что ты снова салага и впервые попал за Периметр. Ночью здесь все по-другому, ночью Зона живет по совсем иным законам. В темноте выбираются из потайных нор такие создания, о существовании которых большинство бродяг даже не подозревают, потому что мало находится желающих бродить в Зоне по ночам. Оживают призраки, которых угнетает солнечный свет, срабатывают причудливые ловушки, которые не действуют и не фиксируются датчиками в светлое время суток. Одним словом, двигаться по Зоне ночью – адреналин почище, чем оказаться под обстрелом с вертолета или выбираться на джипе из глубокой канавы возле блокпоста.

И похоже, именно это нам и предстояло.

Зверье опасалось нападать на такой большой отряд двуногих. Только на берегу Янтарного озера нас атаковал псевдогигант – тварь тупая и мощная, без какого-либо инстинкта самосохранения. Однако мы приняли его в девять стволов, и даже столь массивной туше оказалось нечего противопоставить такому потоку свинца. Не успели мы отойти и пятидесяти метров, как в полумраке возле поверженного зверя началось мелькание проворных теней и возбужденное поскуливание – осторожно следовавшая за нами небольшая стая слепых собак ликовала над неожиданным подарком небес.

На окраине Мертвого города я остановил свою команду.

– В бар пойду сам, – заявил я. – Зачем клану пять трупов, если можно прекрасно обойтись одним? Короче, если не вернусь или не дам о себе знать в течение часа, поднимайте всех наших. Война.

Ребята из моей группы расположились в подъезде брошенного дома, а я через угрюмые дворы и брошенные детские площадки с покосившимися качелями двинулся к бару «Сталкер».

Глава 10

Бар «Сталкер»

Свой бар темные оборудовали в подвале брошенного магазина по образу и подобию сожженного монолитовцами в начале двадцатых годов легендарного питейного заведения «Сто рентген». Действительно, грех было не воспроизвести такую удачную коммерческую схему: на одной только выпивке клан наваривал процентов пятьсот, не говоря уже о том, что бар был серьезным конкурентом научному лагерю в области скупки артефактов, крупнейшей в Зоне перевалочной базой контрабандистов, а самое главное – стратегической точкой, куда

ручьями стекались важные слухи и крайне любопытная информация. Тем более что члены клана «Долг», которым когда-то принадлежали «Сто рентген», не могли восстановить бар сами: к тому времени темные благополучно вышибли их из Мертвого города.

Названия у бара темных на самом деле не было вовсе: с присущими им непосредственностью и философским пренебрежением к пустякам они не озаботились его придумать. «Сталкером» же данное питейное заведение бродяги называли между собой потому, что на первом этапе его существования хозяева в качестве рекламы кривыми буквами намалевали над входом: «Заходи в бар, сталкер!» Через некоторое время надпись была размыта кислотными дождями, и на стене осталось только «бар, сталкер», удачно оказавшееся под жестяным козырьком.

– Здорово, Космонавт! – радостно рявкнул я в распахнувшееся окошечко. – Прозрачного нальете на четыре пальца усталому путнику?

Несколько мгновений темный оценивающе разглядывал меня через амбразуру, а потом с грохотом захлопнул створку. Послышались торопливые шаги вниз по бетонной лестнице – никаких индивидуальных средств связи эти дети природы не признавали.

– Открывай, сука! – Я загрохотал в железную дверь кулаками и ногами. – Медведь пришел!

Прошло несколько минут, в продолжение которых я, не переставая, ломился в бар, когда окошко наконец открылось снова. На сей раз Космонавт не стал его распахивать, а приоткрыл до половины – он явно беспокоился, что я выстрелю в щель или ухвачу его за нос, как проделал в аналогичной ситуации один крутой перец в старом французском фильме, и заставлю отпереть.

– Оружие давай, мясо, – проговорил он, настороженно зыря по сторонам – не затаились ли где-нибудь в кустах несколько сталкеров в серых банданах или мой второй номер со снайперкой.

– Хрен тебе собачий по всей морде, а не оружие! – зарычал я. – Давай сюда Клеща, иначе я сейчас вашу богадельню по камешку раскатаю!

Темные страшно не любят, когда на них повышают голос. Но Космонавт умело прикинулся, что ничего не случилось, лишь сердито сдвинул брови к переносице.

– Будет тебе Клещ, – пообещал он. – Только ты сперва автомат-то отдай, ковбой. Всем будет лучше.

– Мать вашу, уроды, – проговорил я, просовывая свой «калаш» в окошко прикладом вперед.

– И гранаты.

– Ну, твари.

– И ножик.

– Да вы совсем оборзели, ребята. – Я отдал и гранаты, и «Полковника Боуи». – Ну, все? Открывай давай, организм.

– И ноги вытри.

– Чего?! – вызверился я.

– Ноги вытирай, радиоактивное мясо! – огрызнулся Космонавт. – Грязи натаскиваете каждый день, малолетки не успевают за вами выскребать!

Я настолько обалдел от такого поворота, что покорно и тщательно ободрал налипший на подошвах слой глины о лежавшую у входа металлическую решетку. Наконец я был полностью разоружен, а подметки сияли, словно отполированное столовое серебро; я никогда в жизни не видел столового серебра, но думаю, что именно так оно и должно сиять. В результате железные ворота бара «Сталкер» все же распахнулись передо мной. Космонавт хлопал меня по карманам, запер дверь и вместо того, чтобы остаться на посту, сопроводил в зал, топая позади тяжелыми ботинками. Я злобно посмотрел на него через плечо, но ничего не сказал.

Постороннего народу в зале было совсем немного. За высоким гостевым столом, утащенным из какого-то советского кафетерия, стояли несколько ребят из «Свободы»,

которые лакали свое пойло и старательно делали вид, что все происходящее их не касается, – им здесь явно было неуютно. Происходящее их, кстати, действительно не касалось. Да еще в углу медитировал над стаканом Гэндальф из «Чистого неба» – он приветствовал меня небрежным взмахом руки, но едва ли стоило рассчитывать на него, если начнется большая драка. Дружба дружбой, что называется, а за бродягу из враждебного клана он в одиночку вписываться не станет. Даже если этот бродяга – Хемуль.

А вот темных в зале было полно. Плохо. Человек восемь, и все при оружии. Оружие на входе отбирали только у нормальных людей. Полумутанты допускались сюда беспрепятственно, поскольку все они были безусловно преданы своему клану. К этому их вынуждала сама жизнь – ни один темный не мог покинуть пределов Зоны без фатальной угрозы для здоровья, а существовать в Зоне, не имея возможности где-то переночевать, поест, скинуть хабар и закупить патроны и снаряжение, тоже было невозможно. Темный, изгнанный из клана и из бара «Сталкер», был стопроцентным покойником, вопрос состоял только в том, как долго он протянет.

Клещ, глава темного клана, тоже был здесь – стоял у двери в подсобные помещения, прислонившись спиной к стене и привычно скрестив руки на груди. Молодец, сообразительный. Понял, что, если спрячется в своем кабинете, как в прошлый раз, я к нему все равно прорвусь, но беседовать нам тогда придется один на один, а это в сложившейся ситуации чревато для него тяжкими телесными повреждениями.

– Поздорову, организмы, – громко сказал я, обращаясь сразу ко всем, после чего адресовался непосредственно к Клещу: – Будь здоров и ты, брат. Где девчонка?

– О чем ты, Хемуль? – задумчиво включил дурака брат Клещ.

На протяжении этого обмена репликами я понемногу приближался к нему. И никто из присутствовавших, что характерно, не попытался мне помешать, хотя у некоторых темных автоматы были переведены в боевое положение.

– Ладно, Клещ, – миролюбиво проговорил я. – Поиграли и хватит. Динка у тебя в кабинете? Давай так: ты отдаешь ее мне, и мы все делаем вид, что ничего не произошло. Мир, дружба, совместный хабар. Что скажешь?

– Прости, Хемуль, – сказал Клещ.

– Твое «прости» – это что означает? – поинтересовался я, приближаясь еще на два незаметных шага. – Я начинаю нервничать, брат, а это сейчас никому не нужно.

– Это означает то, что означает, – заявил главарь темных, не меняя позы. – Твоей девчонки у меня нет.

– Где же она?

– Понятия не имею.

– Клещ, – произнес я ласково, почти как Бубна. – Радость моя. Динку похитили твои люди. Один подонок уже мертв, остальные будут мертвы до рассвета. И те, которые их подстраховывали возле Периметра, – легли все. Только, ради Черного Сталкера, не пытайся мне вешать дерьмо на уши, что ты об этом ничего не знаешь и что Ковригин затеял собственную игру. Ни за что не поверю, что кто-то из твоих ребят способен чихнуть без твоего ведома.

– А ты проныра, Хемуль, – сказал Клещ, упорно глядя мне в переносицу. – Шерлок Холмс недоделанный. – Он вздохнул. – Ребята, говоришь, все легли?..

– Жаль, не моя работа. Военные глубоковакуумным боеприпасом накрыли, – поведаль я, приближаясь к Клещу почти вплотную. – Ковригин твой – идиот. Грязновато сработал. Хотя не было бы при Динке меня, наверное, все прошло бы гладко. Только я при ней был. – Я заглянул Клещу в глаза, пытаюсь поймать его взгляд, но он по-прежнему смотрел мне в переносицу. – Что происходит, брат? Я пока еще тихо-мирно спрашиваю. Зачем вам моя девочка? Где она?

– Хемуль, – твердо заявил Клещ, – поверь мне, все будет в порядке. Я тебя часто обманывал? Кое-кто просто хочет побеседовать с ней о серьезном. Потом ее с почетом сопровождают обратно в Чернобыль-4 и отпускают. Пожалуйста, не дергайся, брат, и не умножай

сущностей сверх необходимого.

– Послушай меня, – недовольно покачал головой я. – Когда хотят просто поговорить, в машину насильно не запикивают. Вот, скажем, сейчас, – я мгновенно перетек вперед, резким броском заломил Клещу руку за спину и спрятался за ним, другой рукой плотно обхватив за шею, – я хочу с тобой просто поговорить. Нравятся ли тебе такие переговоры?

– Нет, не нравятся, – прохрипел придушенный Клещ, в грудь которого тут же нацелилось полдюжины стволов. – Не глупи, Хемуль.

– Мне не нужна война, – терпеливо пояснил я, – мне нужна моя ненаглядная девочка. Понимаешь? Командуй своим гаврикам, чтобы привели ее сюда, мы с тобой тут подождем.

– Гаврики, – скомандовал Клещ, – огонь! Пристрелите его ко всем псам!

Я с удовлетворением отметил, что темные организмы не спешат выполнять его команду. Ясное дело, все они понимали, и Клещ в том числе, что в случае стрельбы он погибнет вместе со мной. Интересно, он блефовал или был готов безропотно погибнуть, только чтобы прикрыть каких-то неведомых козлов? Забавная ситуация.

– Что, брат, – понимающе спросил я, – опять пришел агент и принес привет от Хозяев Зоны? Тебе не кажется, что какая-то спецслужба просто пользуется вашей детской доверчивостью в хвост и в гриву?

– Ты труп, Хемуль, – прохрипел Клещ. – И я труп. Забудь о своей девочке. Не нам с тобой соваться в эту игру, слишком высокий уровень...

– Для кого вы ее похитили?! – прорычал я ему на ухо. – Что тут происходит, мать твою?! Стой на месте, Варвар, я ему одним движением шейные позвонки сломаю!

– Варвар, – тут же ввернул Клещ, – стреляй, родной. Он меня все равно в живых не оставит. А если оставит, то тем хуже для меня. Ты же помнишь, что, когда я сдохну, ты по старшинству – глава клана? Выжми курок, брат, покончим с этим.

Варвар покачал головой. Медленно опустил ствол автомата.

– Это нечестно, Клещ, – с трудом проронил он. – Мать твою, как же это нечестно...

– Э, организм! – придушенно зашипел вожак темных. – Вот когда станешь главой клана, тогда и будешь решать, что тут честно, а что нечестно! Давай-ка, браток, пришей его!

– Что ты знаешь об этом, Варвар? – строго спросил я, усиливая захват, чтобы заткнуть разговорчивого Клеща. – Если хочешь, я расскажу тебе то, что известно мне. Ковригин, Фрукт, Мармелад и Сотовый похитили из бара нашего клана мою подругу. Я хочу знать, какого черта тут происходит и почему вы объявили нам войну. И самое главное – где Динка.

– Клещ, – страдальчески проговорил Варвар. – Это запахло.

– Ты труп, организм, – вздохнул полузадушенный Клещ. – Жаль, я думал, обойдется только двумя трупами. Моим и Хемуля.

– Какая разница – неделей раньше, неделей позже, – огрызнулся Варвар. – Все равно все здесь сдохнет. Деваться-то некуда, а дольше десяти лет еще никто из нас не протянул... Хемуль, девушки здесь нет. Клещ распорядился передать ее людям из «Монолита». Я не знаю зачем. Там какие-то очень четкие договоренности, Клещ сказал, Хозяева велели выполнять все распоряжения заказчика. Я тоже должен был участвовать, но отказался. Он разбил мне морду, – Варвар ткнул пальцем в шефа, – но я все равно отказался, потому что это скотство и запахло – красть девчонку. Вместо меня пошел Сотовый. – Варвар судорожно сглотнул, глядя на дергающегося Клеща, которому я намертво перекрыл доступ воздуха в глотку, чтобы он не помешал исповеди своего подопечного. – В бар они не вернулись. Так было задумано с самого начала на случай провала – чтобы следы не вели к нам. Организмы должны были напрямик выйти к тайнику с противорадиационными костюмами и сразу двинуться в сторону Четвертого энергоблока. В условленном месте их должны ждать стalkerы из «Монолита».

Я обратил внимание, что никто не пытается прервать Варвара. Темные явно были подавлены той пакостью, которую им пришлось учинить над любимой женщиной Хемуля. После того как я прошел Большое Испытание и едва не завалил Стронглава, мой авторитет в баре «Сталкер» вырос до небес, и темным было неприятно подставлять почти своего собрата.

Несмотря на то что многие бродяги считали их свихнувшимися религиозными фанатиками, безропотно выполняющими любой каприз мифических Хозяев Зоны, темные тоже были вольными бродягами и в общих чертах признавали законы сталкерского братства.

– Это правда? – мрачно поинтересовался я у Клеща, ослабив хватку.

– Это правда, – тяжело дыша, согласился Ключ – с максимальным достоинством, какое позволяла ему крайне неудобная позиция. – Я сам себя ненавижу, Хемуль. Но я отвечаю за этих людей. Приказы Хозяев Зоны нельзя нарушать просто так. После того как мы отправили вас с американцами к Стронглаву вместо того, чтобы просто уничтожить, у клана были очень серьезные проблемы. На какое-то время мы лишились покровительства Хозяев, погибло несколько ребят. Если я стану поступать со всеми по справедливости, нам конец. Без защиты Хозяев мы сдохнем здесь за сорок восемь часов...

Я с силой отпихнул его от себя, и он врезался боком в пустой гостевой стол. Это было рискованно, но я был убежден, что стрелять в меня все равно никто не будет. Следовало ковать железо, пока горячо, пока темные расклеились, и вряд ли разумно было делать это, зажав горло их главы в локтевом сгибе.

– Где условленное место? – деловито осведомился я. Реплики во время допроса должны быть резкими, повелительными, простыми для понимания, максимально короткими и предельно конкретными, будто разговариваешь с контролером, чтобы допрашиваемый не успевал выстраивать продуманную ложь.

– Может быть, тебе еще ключ от кассы клана? – огрызнулся Ключ.

– Где условленное место?! – прорычал я, ткнув в него пальцем. – Мне плевать на ваши игры, уроды, мне надо спасти подругу!

Ключ явно собирался хамить дальше, но тряхнул головой, потер ладонью пострадавшее горло. Передумал.

– Я не знаю, – безнадежно проговорил он. – Операцию проводил Ковригин. Он и договаривался с монолитовцами. Я сразу самоустранился от этой дряни...

– Самоустранился... – проворчал я, направляясь к дверям. – Лучше бы убил себя об стену, урод. Ладно, спасибо за гостеприимство, организмы. Космонавт, оружие приготовь мое.

Я поднялся по бетонной лестнице, собственноручно отпер многочисленные запоры, вышел на улицу и прикрыл за собой дверь. Никто не попытался остановить меня. Похоже, я оставил компанию темных в растрепанных чувствах.

Приоткрыв незапертое окошко, я прокричал в него:

– Космонавт, живо мой автомат, сука! Я страшно тороплюсь!

Торопливо забухали по лестнице тяжелые шаги. Дверь приоткрылась, в щели показался Варвар.

– Зайди, организм, – тихо произнес он.

Я приподнял бровь. За все время, что я ходил в бар к темным, они при мне называли вольных бродяг организмами только два раза, причем оба раза этого почетного обозначения удостоился Иван Тайга, легендарнее которого был разве что Рэд Шухов. В остальное время все, кто не был мутантом, заслуживали только презрительного «радиоактивное мясо». Собственно, этот термин тоже придумали темные, а от них он уже пошел гулять по всей Зоне.

Я зашел в предбанник бара «Сталкер». Варвар посмотрел на меня, словно побитая собака.

– Не спеши так, брат, – пробурчал он. – Тебе понадобится противорадиационный костюм. На Радаре сплошные горячие пятна. А еще тебе понадобится проводник, а лучше два...

– На хрена мне проводник. Вы все равно не знаете, куда идти.

– Ничего, – утешил меня Варвар, – найдем. Мы, темные, чувствуем друг друга – кто лучше, кто хуже. Я тебе в два счета найду Ковригина в Зоне. К Радару он идет, падла, куда же еще...

- Тогда ты не сможешь вернуться в клан, – сказал я. – Оно тебе надо?
- Надоело ходить под Хозяевами, – ответил Варвар. – Надоело делать то, что они скажут. Надоело думать, как им угодно. До смерти надоело. Ничего, не беспокойся за меня. Скорее всего, ничего со мной не будет. Примут обратно как миленькие.
- Тогда следующим приказом Хозяев может стать распоряжение перерезать тебе глотку. И твои же братки поскрипят немного, а потом со вздохами вытащат ножи.
- Слушай, давай я сам разберусь! – рассердился Варвар. – Пошли за снаряжением, у нас мало времени.
- А что по поводу разбазаривания снаряжения скажет Клещ?
- Клещ заперся у себя в кабинете и никого не пускает. Сказал, что до завтра его нет и чтобы мы поступали как знаем.
- А другие темные?
- А на других мне плевать. По праву старшинства я следующий после Клеща и замещаю шефа в его отсутствие. А Клещ сказал, что его нет. Только Ковригин мог бы влезть поперек, мы с ним одновременно попали в клан, но его в баре тоже нет. Иди за мной, организм, не нервируй меня.

Как это ни смешно, но противорадиационный костюм и автомат мне достались мои собственные. Когда нас с американцами отправляли на верную смерть в гости к Стронглаву, все наше снаряжение осталось в баре «Сталкер». Я пообещал, что вернусь за своим имуществом, и я потом действительно за ним вернулся. Потрясенные тем, что мне удалось пройти Большое Испытание, темные даже не пытались зажать часть снаряжения, как непременно сделали бы в любом другом случае. Впрочем, пять комплектов сталкерской снаряди мне были ни к чему, поэтому я скопом продал их темным вместе с «хопфулами». Автомат Хе-Хе был изначально настроен и на меня тоже, потому что в ходе охоты мы со вторым номером вполне могли поменяться оружием, так что, покидая Зону, я сумел им воспользоваться; а вот автоматы американцев были закодированы исключительно на хозяев. Любой другой человек не смог бы сделать ни одного выстрела, а чтобы снять код системы «свой – чужой», пришлось бы заново прошивать электронную начинку автоматических винтовок. Наверное, Че охотно взялся бы за такую работу, но потребовал бы за это, надо полагать, половину стоимости самих автоматов. Так что я с чистой совестью продал их за бесценок темным: пусть как хотят, так и разбираются.

«Хопфул», доставшийся мне от Хе-Хе, сейчас остался в Чернобыле-4, зато Космонавт принес мне мой собственный, который я продал темным вместе с остальным барахлом спецслужб, оставшимся в баре: выбираясь из Зоны после Большого Прорыва, я уже приноровился к машинке Хе-Хе, а с прошивкой моего темные, видимо, возились до сих пор. И свой противорадиационный комбинезон ССП-99 я узнал сразу. Для Патогеныча, Мухи и Енота мы тоже захватили по комбезу, и еще один я предусмотрительно взял для Динки. Я ни секунды не сомневался, что, когда все закончится, темные выставят мне за это фантастический счет: деньги они считать умеют, даже когда их обуревают благородные порывы.

Что касается других членов нашей банды, то Борода был в комбинезоне ученых «Вега», а его лягушатник – в армейских ПНВ. Все эти комбезы неплохо защищали от радиации, так что мне не пришлось залезать в еще большие долги.

Я быстро переоделся, мы вышли за двери бара, и Космонавт запер за нами, недовольно бормоча и вполголоса проклиная Варвара. Вести свою группу в «Сталкер» за амуницией я отказался категорически, опасаясь засады. Варвар, конечно, мягко стелет, но вот войдем мы в бар, захлопнутся за нами железные двери, и примут нас темные в полдюжины стволов, чтобы уж с гарантией никто больше в ближайшее время Динку не разыскивал. Давать им такой чудесный шанс я не собирался. Так что четыре защитных костюма в скатанном виде мы потащили к тому подъезду, где я оставил своих бродяг. В комбинезоне, кстати, было гораздо теплее: летом это большой недостаток, потому что тело не дышит и перегревается,

зато в холодное время года заметный плюс.

– Здорово, Варвар! – обрадовался Патогеныч, увидев, кто меня сопровождает. – Хемуль, да ты никак «языка» взял!

– Бабушку свою возьми за одно место, радиоактивное мясо, – буркнул Варвар, сваливая ношу на пол подъезда.

– Цыц оба! – рявкнул я. – Это не заложник, а союзник. Попрошу относиться с уважением.

– Что узнал? – спросил Муха. – Клещ небось наплел тебе с три короба, что совсем не при делах?

– Клещ очень даже при делах, – сказал я. – Но пустяками – например, кровной мстостью, – мы займемся позже. Сейчас важно найти Динку. Варвар говорит, что сможет это сделать. – Я сделал паузу. – Похоже, все-таки «Монолит».

– И ты ему поверил? – ровным голосом осведомился Муха.

– Отчего же нет? – в тон ему отозвался я.

– Потому что он темный.

– Ты что, расист?

– Нет, просто рассудительный человек. Куда этот Сусанин нас заведет? В засаду к монолитовцам? Я еще пожить хочу. – Муха сплюнул. – Давно живу, брат, привык уже.

– Ну, а я – известный отморозок и обожаю смертельные аттракционы. И еще у меня украли подругу. Поэтому я иду с ним. Муха, расслабься, он никуда не денется. Если заведет нас в засаду, первая пуля достанется ему.

– Хемуль, ты такой кретин, что даже не верится, – вздохнул Муха. – Ты конченный микроцефал.

– Кто еще не идет? – поинтересовался я. – Не стесняйтесь, это даже хорошо: не придется платить за лишние комбезы.

– Хемуль, заканчивай, – проговорил Муха.

Малолетки молча сгрудились за спиной Бороды и смотрели на меня. И Борода молча смотрел на меня.

– Я с тобой, брат. – Енот больно ткнул мне кулаком в ребра. Похоже, подсознательно ему хотелось хоть чем-то отплатить мне за то, что я втравил его в эту смертельно опасную историю, и вместо дружеского жеста получился почти прямой по корпусу. – Как я тебя брошу, приятель? Ты мне сколько раз жизнь спасал?

– А я тебе сколько раз, Хемуль? – пробурчал Патогеныч. – И что, выходит, только зря старался? Как по-твоему, отпущу я вас вдвоем с Енотом, чтобы вас, сопляков, в ближайших кустах порвали? Не дождетесь...

– Ну, вполне приличная команда, – одобрил я. – Да плюс Варвар еще. Прорвемся. Спасибо, ребята. – Я повернулся к Мухе и Бороде, склонил голову. – Вы мне сегодня очень помогли. Без вас была бы полная хана. Как только смогу, отплачу хабаром. Щедро. – Я развернулся к грудке защитных костюмов на полу и присел на корточки, выбирая Динкин.

– Нам-то с парнишками хабар на пятерых придется делить, – негромко проговорил Борода.

– И что? – не понял я.

– Хорошо бы нам увеличить долю, а то на брата может маловато выйти...

– И что? – Я все никак не мог сообразить, куда он клонит. – Я же сказал: отплачу щедро. Не обижу. Всех, и лягушатник тоже.

– Ну, а раз доля будет щедрой, как ты говоришь, придется ее отрабатывать по полной программе...

– Он идет с вами, – напрямик пояснил сообразительный Муха. – И отмычки его тоже, я так понимаю.

– О как.

Это стало для меня неожиданностью. Я еще в баре понял, что теперь Борода от нас отколется: помочь брату по клану в перестрелке на Свалке сам Черный Сталкер велел, но

переться с ним ночью черт знает куда, когда риск зашкаливает за семьдесят пять процентов, – это уже не по понятиям. Это уже сугубо добрая воля, и никто не станет рисовать Бороде предъявы, если он решит покинуть экспедицию. Мое предприятие становилось слишком опасным, а бродяги вправе требовать от коллег по клану помощи только при условии разумного риска. Тем более что сейчас Борода отвечал не только за себя, а еще и за четверых малолеток – и пятого он уже потерял, помогая мне. Он ведь явно собирался взять их с собой, а не оформить на ночлег в бар «Сталкер».

– Ну, наворковались, голубки? – нарушил наступившее молчание Варвар. – Разбирайте комбезы, и двинули. У нас мало времени. Муха, будь добр, свой ССП занеси в бар.

– Да ну вас к черту, – буркнул Муха. – Икс эль есть размер? С розовыми кружевами? Если нет, никуда с вами не пойду.

Защитные комбинезоны ССП были всего трех размеров, как общевойсковые защитные комплекты. В баре я подбирал их по себе, прикидывая, насколько мои коллеги больше или меньше меня. Труднее всего, конечно, получилось с Патогенычем и Енотом: один был слишком большой, а другой слишком маленький. Нестандартные фигуры и размеры в армии – источник постоянной головной боли.

– Есть у меня для тебя икс эль, – произнес я. – С кружевами и украинской народной вышивкой во всю спину. Так ты с нами?

– Ну, куда ж я денусь, – обреченно махнул рукой Муха. – Ты мне брат, ублюдок, Динка – сестра... Мне, в общем-то, так и нагадали когда-то: дескать, гробанешься однажды вместе с Хемулем. Чего ж от судьбы-то бегать...

Я поморщился: плохая шутка для Зоны. Впрочем, приятель был раздражен, и ему хотелось выпустить пар.

Разобрав защитные костюмы, ветераны стали переодеваться. Похоже, Муха с Енотом не собирались сегодня забираться глубже Свалки, потому и вышли налегке. Патогеныч же вообще не планировал покидать уютный зал бара «Шти».

Бахчисарай едва слышно что-то сказал Бороде. Вова поддержал его.

– Смотрите, что скажу, – проговорил Борода. Он тоже понизил голос, но совсем немного, так что я прекрасно его слышал. – Две вещи. Брату надо помогать. Всегда. Ясно? И вторая вещь: ночная вылазка. Рано или поздно обстоятельства сложатся так, что ночь застанет вас в Зоне за десяток километров до ближайшего места, где можно безопасно переночевать. И лучше учиться этому заранее и в опытной компании, чем потом в одиночку на собственной шкуре. Еще вопросы?

Я ухмыльнулся про себя. Блин, а ведь реально педагог. Макаренко, крутить твою гайку. Устроил своим желторотикам небольшой воспитательный момент.

Пристыженные желторотики хмуро посматривали в мою сторону – не слышал ли я диалога. Я сделал вид, что не слышал.

Когда мы разобрались с костюмами, я раздал нашим рожки с патронами, запас которых пополнил в баре «Сталкер». Меньше чем с двумя полными магазинами в Зоне я чувствую себя голым. Тем более если действительно придется идти к Радару – на территорию, контролируемую «Монолитом».

– Готовы, радиоактивное мясо? – поинтересовался Варвар. – Тогда двинули. Смотрите, не отставать! Ждать никого не буду.

Глава 11

Химеры

Вопреки моим ожиданиям, мы двинулись через брошенный город не к Радару, а наискосок, к западной окраине. Похоже, поспешая к бару «Сталкер», на каком-то этапе мы обогнали обессилевших похитителей, которые так и не успели попасть в условленное место до наступления ночи. Теперь мы, видимо, двигались им навстречу. Уже совсем стемнело, однако в безумном небе Зоны среди облачных жгутов и спиралей почти взошла полная луна

– размерами вдвое больше, чем полагается в здешних широтах. Поэтому в кромешную темноту погрузились лишь угрюмые заросли, которые когда-то были чахлыми городскими рошицами и скверами. Радиационное заражение и аномальное поле Зоны превратило их в настоящие джунгли, в глубине которых время от времени что-то шевелилось и шуршало.

Когда мы вышли за пределы территории, которую контролировали снайперы темных, нам стали попадаться зомби. Они опасливо смотрели нам вслед из заполненных чернильным мраком подъездов. В светлое время суток их здесь было гораздо больше, но сейчас они в основной массе разбрелись по квартирам и изображали глубокий здоровый сон. Неизвестно, что заставляло зомби стекаться в Мертвый город и неумело имитировать, будто они все еще живут нормальной жизнью. В других уровнях Зоны такого необычного поведения у них не наблюдалось.

Где-то невдалеке, в паре кварталов от нас, раздался душераздирающий вопль, а потом яростное рычание. По-видимому, на какого-то зомби напал голодный мутант. Несколько мгновений оттуда доносился шум схватки, а затем раздался выстрел. После паузы выстрелили еще раз, и шум стих. Некоторые зомби продолжали повсюду таскать с собой огнестрельное оружие и порой даже умело пускали его в ход.

Не исключено, впрочем, что это был какой-то мародер, слишком поздно забредший в Мертвый город, или вольный бродяга, собиравшийся заночевать в «Сталкере». Однако на ПДА нам не упало очередного некролога – значит, точно не сталкер.

– Сегодня будет выброс, – внезапно проговорил Варвар, пристально вглядываясь в темноту впереди.

– А? – встрепнулся я.

Вот уже четверть часа мы продвигались в полном молчании. Варвар с фонариком шагал первым, иногда заставляя нас по широкой дуге огибать коварные аномалии, совершенно незаметные в кромешной тьме. Я шел сразу следом за ним, контролируя фланги. В темноте время от времени мелькали пылающие зеленым пламенем глаза, изредка перемещались силуэты, более темные, чем сама темнота. Датчик движения то и дело засекал с разных сторон мутагенные формы. Но пока ночные хищники опасались нападать на наш отряд: темные, контролировавшие часть Мертвого города и беспощадно отстреливавшие все живые формы, кроме людей, приучили тварей с осторожностью относиться к двуногим.

Когда мы выбрались на окраину и побрели мимо полуразрушенного частного сектора, где-то совсем рядом с нами, за одним из покосившихся заборов, вдруг раздался странный звук – будто кто-то стремительно точил друг о друга лезвия двух огромных зазубренных ножей. Однако Варвар остался совершенно бесстрашен, из чего я заключил, что с этой дрянью он встречается не впервые и угрозы для нас, по крайней мере за забором, она не представляет. На всякий случай я проверил показания датчиков – ни один из них не фиксировал поблизости абсолютно ничего: ни мутантов, ни людей, ни каких-либо аномалий, кроме затаившегося под тополем гравиконцентра, заставившего старое дерево податься в его сторону. Гравиконцентр, разумеется, таких душераздирающих звуков издавать не мог.

– Я говорю, выброс будет, – повторил проводник. – В ближайшие несколько часов. Колотит меня что-то...

– С тобой все в порядке? – забеспокоился я. – Дальше идти сможешь?

– Да в порядке я, в порядке... Просто перед каждым выбросом знобит меня. Мороз по коже.

– Успеем выйти на Ковригина? – спросил я. – У нас ведь большой отряд, придется искать вместительное укрытие.

Он помолчал.

– Посмотрим...

В ближних кустах что-то зашуршало, и темный с полуразворота саданул по ним из автомата. Я поддержал его огнем. Ребята за нашими спинами тоже зашевелились, но Варвар вскинул руку: стоп, больше огня не надо.

– Жмурь, – проговорил он, опуская ствол, но по-прежнему цепко вглядываясь в

прореженные длинной очередью придорожные кусты.

– Что еще за чертовщина? – удивился я. – Первый раз слышу.

– Значит, тебе не надо, – отмахнулся Варвар. – Пошли, нельзя стоять! Чем дольше стоим, тем больше шансов, что ночные твари наберутся смелости и нападут. Пока они идут по нашим следам, нападать им некогда.

Я еще раз оглянулся на кусты, в которых пряталась загадочная жмурь – а возможно, уже валялась ее бездыханная тушка. Либо Варвар морочит мне голову, либо мои познания о ночной жизни Зоны действительно имеют прискорбные пробелы, а это неправильно. Если появилась какая-то новая дрянь, познания необходимо срочно пополнить.

– Куда идет Ковригин? – поинтересовался я, решив все-таки отложить лекцию о жмури на потом.

– Если бы я знал, мы бы сразу двинулись наперерез, – пожал плечами Варвар. – Должен идти на Радар, я так думаю, но пока идет зигзагом. То ли по-прежнему пытается стряхнуть погоню с хвоста, то ли... Черт его знает.

Я стиснул зубы. На группу Ковригина вполне могли напасть мутанты. Сталкерские легенды утверждают, что темные неплохо ладят с любым зверьем Зоны, однако на практике они регулярно отстреливают из снайперских винтовок забирающихся в их район зомби, собак и кабанов. Вряд ли они с таким остервенением занимались бы этим, если бы жили в гармонии с местной природой.

– Думаю, на Милитари мы с ним пересечемся, – добавил темный.

Ночная вылазка в Зоне – приключение не для слабонервных, однако ночная вылазка на Милитари – двойное испытание. Здесь располагались несколько брошенных военных частей. Когда-то армия развернула здесь большое строительство, но второй взрыв на Чернобыльской АЭС положил конец ее деятельности. Теперь здесь на огромной территории были разбросаны незаконченные корпуса зданий, котлованы, обезлюдевшие военные базы, бетонные тоннели и просто руины непонятного назначения. Здесь было где укрыться на ночь или от выброса, однако здесь также было полным-полно зверья, которое любит селиться в руинах. Здесь аномалии встречались на каждом шагу, сюда забредали безумные монолитовцы, здесь орудовали банды мародеров и во многих местах фиксировался повышенный радиационный фон. Здесь невозможно было встретить ни одного нормального дерева, как на нижних уровнях, – все они были искривлены, изуродованы, изувечены радиацией, все они бурно разрастались в разные стороны, как уродливые сорняки, теряя последнее сходство с настоящими деревьями. Здесь можно было встретить химер – беспощадных и малоуязвимых четвероногих убийц, по слухам, охраняющих подступы к Четвертому энергоблоку и подчиняющихся лично Хозяевам Зоны. Одним словом, если нижние уровни – преддверие ада, то Милитари – его прихожая.

Пару раз мы слышали неподалеку выстрелы. Но это не были организованные перестрелки – просто кто-то отстреливался от зверья. Один раз мы наткнулись на костер. Какие-то бродяги расположились на ночь в полуразрушенном доме и, похоже, кипятили чайник на открытом огне, дым от которого вытягивало в огромную дыру в крыше. В ночи далеко разносились звуки расстроенной гитары. Мы обошли их стороной, не обозначив своего присутствия, хотя незнакомые сталкеры явно не были настроены враждебно – наоборот, демонстрировали, что в этом оазисе может укрыться любой прохожий. Не уверен, что это было разумно, тем более что и укрытие для грядущего выброса выглядело никудышным; впрочем, в доме вполне мог быть подвал, а у разных кланов разная политика по отношению к чужакам, и если члены «Монолита» при виде незнакомца сразу шлют ему свинцовое приветствие, то ребята из «Свободы» не забывают предварительно поздороваться, а парни из «Чистого неба» даже выясняют сначала его намерения.

– Они близко, – вскоре поведал Варвар. – Они движутся в нашу сторону. Самое время устроить небольшую засаду. И вот что, Хемуль... – Темный помолчал. – Им никак нельзя сохранить жизнь?

– Если мы начнем переговоры, они просто поднесут к горлу Динки нож и заставят нас

пропустить их, – пояснил я. – Хватит рефлексировать, организм. Ты знал, что по-другому не получится, когда взялся сопровождать нас.

– Ну, нет так нет, – равнодушно согласился Варвар. – Тогда поступим так. Они наверняка тоже чувствуют меня и решат, что Клещ выслал им навстречу гонца...

Мы рассредоточились по поляне и выключили фонарики. Вокруг все погрузилось во тьму, лишь тускло светились разноцветные точки и линии на моем детекторе аномалий. В последний раз оценив обстановку, я натянул на него обшлаг рукава, чтобы не отсвечивал.

Уродливый лес на самой границе с Радаром, в котором мы сейчас находились, известен тем, что в его центре все деревья на нескольких гектарах буквально завиты штопором. На уровне пары метров от земли древесные стволы когда-то словно обрели пластичность сырой глины, сделали в горизонтальной плоскости плавный оборот вокруг своей оси, а потом снова затвердели и продолжили спокойно расти вверх. Наверняка это произошло во время второго взрыва на ЧАЭС. В то время тут происходили такие чудеса, что ни в одном фантастическом боевике не увидишь. И чем ближе к Саркофагу, тем более причудливые вещи творились.

Мы расположились таким образом, чтобы взять темных в клещи с двух сторон от тропы. Задача у нас была несложная, но ответственная. Бить следовало наверняка и с первого раза. Темным нельзя давать времени прикрыться Динкой. Ни один волос не должен упасть с ее головы. Согласно заранее разработанной диспозиции, Еноту полагалось снять ведущего, а Патогенычу – последнего. Динку наверняка тащит ведомый, который идет в середине, и с ним полагалось побеседовать мне – при помощи «Полковника Боуи». Я затаился у самой тропы, стиснув рукоять ножа. В общем, с подобной работой мы прекрасно справились бы втроем, и ни к чему было брать с собой столь большую команду. Однако маленькой группой мы вряд ли добрались бы сюда с такой же легкостью. Слепые собаки, до сих пор кружившие в темноте неподалеку от нас, напали бы еще на окраине Милитари. Первый встреченный псевдогигант стал бы ощутимой проблемой. И если во время обычной вылазки это оказались бы просто досадные задержки, то, когда преследуешь кого-то, любая потеря темпа может стать решающей. Имелся бы серьезный риск, что мы опоздаем и темные успеют передать мою подругу монолитовцам. Вот тогда на счету точно оказался бы каждый ствол...

Я поднял голову от земли, настороженно прислушался. А ведь не слышно больше в темноте жалобного нетерпеливого поскуливания. Падальщики вдруг разом куда-то подевались, словно что-то до полусмерти их перепугало. Не горят в темноте глаза ночных хищников, не слышно треска и шороха в кустах. Лес будто умер.

Неужели вот-вот начнется выброс? Нет, чепуха. За пару часов даже я всегда его чувствую, а уж Варвар наверняка переполошился бы заранее. Но что-то определенно напугало тварей. В стремных местах надо держать ухо востро, как завещал тот страус...

Вдалеке среди деревьев замелькали световые пятна от фонариков. Привет, мои хорошие. Нет, что бы ни говорили про уникальное чутье темных, а ночью рассекать по Зоне без света не рискнут даже они. Вот и славно, отличный будет ребятам ориентир для стрельбы. Варвар расположился позади нас, чтобы Ковригин с компанией, направляясь в его сторону, вышел как раз на нашу засаду. Остальные члены команды, непосредственно не участвующие в спасательной операции, залегли справа и слева от него, готовые в любой момент поддержать нас огнем. На всякий случай я попросил Муху присматривать за Варваром, чтобы тот в решающий момент не передумал и не всадил мне в спину пару пуль.

Внезапно вся шерсть у меня на теле встала дыбом. Позвоночник словно продрали изнутри ледяным напильником. Что-то длинное и гибкое стремительно скользнуло мимо меня в направлении темных, ломая кусты, – я не успел даже двинуть следом стволом автомата. Если притаившиеся и умолкнувшие лесные твари ощущали такой же ужас, что и я сейчас, то я их вполне понимаю.

Химера, палач Хозяев Зоны. Чертовски матерая и невероятно мощная тварь, если она способна так сокрушительно воздействовать на психику.

Лечить твою язву! Только не это, ради всего святого!

Ухватив лежавший рядом «хопфул» за ремень, я вскочил на одно колено. Вскинув

оружие, от живота саданул вслед химере длинной очередью – туда, где слышался треск кустов, потому что в крошечной тьме по-прежнему не видел ее угольно-черной фигуры. Она даже не огрызнулась на бегу, продолжая проламываться в ту сторону, где настороженно замерли фонарики темных.

Кто-то из-за моей спины дал короткую очередь в ночную чашу, решив, видимо, что нас атаковали. Резко свистнув – хорош баловать! – я кинулся следом за химерой. Не хватало еще, чтобы меня подстрелили свои же. Я надеялся, что у моих коллег хватит сообразительности посмотреть на датчик движения, чтобы понять, что происходит.

Разумеется, в спринте по пересеченной местности с химерой я тягаться не мог. Когда я преодолел десяток метров, она уже шуршала палой листвой далеко впереди. Световые пятна среди ветвей исчезли: похитители подняли тревогу и готовились отразить нападение. Однако я не был уверен, что они сумеют отбиться от беспощадного молниеносного убийцы, а самое главное – спасти от него мою Динку.

Впопыхах я влетел в темноте в небольшой трамплин, и земля выпрыгнула у меня из-под ног. К счастью, он подкинул меня невысоко, и при падении я ничего себе не сломал, хотя треснулся крепко. Вышло отличное напоминание об осторожности: Динку, конечно, надо спасать, но если ты, кретин, радиоактивное мясо такое, влетишь в одну из мясорубок, искры которых то и дело вспыхивают в темноте слева и справа, то тем самым вряд ли ей поможешь.

Я вскочил на ноги, и меня здорово мотнуло – еще сказывались последствия контузии. Перед глазами вдруг снова заструилась переливающаяся линия, словно сотканная из текучего огня. Я зажмурился, но она не исчезла. Черт, вот не надо бы сейчас этого. Мне сейчас необходимо смотреть во все глаза...

Внезапно совсем рядом раздался пронзительный вой кровососа. Елки, как все не вовремя-то. Справа от меня наши ударили из автомата. Кто-то из темных ответил – но мгновение спустя я понял, что стреляют они в другом направлении. И тут же с той стороны раздался отчаянный рев псевдогиганта, а затем автоматы похитителей заработали непрерывно.

Я снова бросился вперед, уже не обращая внимания на светящиеся пятна, круги и линии перед глазами. Правда, теперь я не забывал поглядывать и на датчик аномалий. Кто-то ломился параллельным курсом слева, но ПДА утверждал, что это Патогеныч, и я решил ему верить. В движение пришел весь наш отряд, бродяги понемногу подтягивались к тому месту, где твари Зоны напали на темных.

Датчик движения демонстрировал хаотичные перемещения четырех зеленых точек, попавших в круговорот точек красных. И с каждым мгновением красных становилось все больше. Они лезли отовсюду, они выскакивали из-за пределов монитора и устремлялись к окруженным похитителям Динки. Судя по звукам, доносившимся оттуда, армия мутантов пополнилась парой кабанов, псевдоплотью и черномыльскими псами. Мать моя конная армия, да в этих лесопосадках скрывается целый зоопарк!..

Замерцала и погасла на мониторе одна изумрудная искорка.

Справа кто-то из наших снова открыл огонь по зверью. Заметались во тьме лучи фонариков, прикрепленных к стволам автоматов. Спohватившись, я надвинул на левый глаз электронный прицел, закрепленный за ухом на шарнире. Окружающее тут же окрасилось в тусклый зеленый цвет, но среди этой глубоководной мути проступили размытые мечущиеся силуэты мутантов. Мелькнула впереди долговязая фигура кровососа, и я двумя короткими очередями от души продырявил ему башку.

Наши подтянулись наконец к тому месту, где похитители были атакованы мутантами, и открыли плотный огонь. Во тьме царил первозданный хаос, визжали псевдоплоти, взрывал псевдогигант, свирепо ревели кабаны; грохотали автоматные очереди, пули со смачными шлепками вонзались в жилистые тела. Серые тени металась в мутной зелени прицела, и я старательно укладывал их одну за другой. Все смешалось в урагане выстрелов и свирепых воплей. В какой-то момент мне внезапно показалось, что звери, забыв о нашем присутствии,

в ярости перегрызлись между собой: ничем иным я не мог объяснить, что в такой невероятной суматохе, посреди толчеи и отчаянного рева, до сих пор погиб только один темный. Я твердил себе, что это непременно темный, что по-другому и быть не может. Обрушившись такой массой, мутанты должны были просто затоптать крошечный отряд. Однако темные продолжали сопротивляться.

Это был странный бой. Мы почти не видели противника и ориентировались в основном на слух и на показания приборов. Над окрестностями разносился оглушительный хор нестройных воплей, рычания, рева, лая и неразборчивого бормотания. В такой неразберихе было довольно легко перестрелять друг друга, тем более что темные тоже не жалели патронов. Твари почти не обращали внимания на нашу группу, они целенаправленно прорывались к отряду Ковригина, и мы беспощадно били мутантов в спины разрывными пулями.

Поток чудовищ, казалось, не иссякнет никогда. Это напоминало какой-то безумный гон – иногда у зверья случаются подобные припадки массового безумия, когда оно толпой ломится из одного уровня в другой, выпучив глаза: рядом, бок о бок мчатся собаки и кабаны, кровососы и псевдогиганты, крысиные волки и псевдоплоти, никто не обращает внимания на соседей, с которыми наверняка схватился бы не на жизнь, а на смерть в любой другой ситуации, – твари просто бегут без оглядки на новое место, то ли в панике, то ли повинувшись какому-то мощному природному инстинкту. Яростная атака мутантов была похожа на такой гон – с той поправкой, что все эти монстры Зоны мчались не просто так, а для того, чтобы разорвать трех темных ублюдков и мою Динку. Одну штуку.

Все продолжалось несколько минут. А затем шум начал понемногу стихать. По-прежнему то тут, то там грохотали автоматы, но все реже им отвечали яростные вопли мутантов. Вскоре вопли стихли совсем, лишь трещали вдали кусты и шуршала сухая трава – жалкие остатки уцелевшего зверья разбегались во все стороны.

– Ковригин, ты? – раздался во внезапно обрушившейся тишине неподалеку от меня голос Варвара. – Мармелад? Сотовый?..

– Какие дела, организм? – прохрипел во мраке Мармелад. – Кто с тобой? Где наши?

Он даже не озаботился поблагодарить нас за то, что мы спасли их от смертельной опасности. Ну да, я без колебаний собирался его пришить, но ведь в итоге спас. Однако любые бродяги, которые не являлись темными, по мнению Мармелада, не заслуживали особого внимания, даже если он был обязан им жизнью. Это вообще была обычная точка зрения темного сталкера.

– Меня послал Клещ, – напряженно проговорил Варвар. – Хозяева всё переиграли. Девушку надо вернуть в бар. Там и будем ждать гостей.

Мармелад молчал.

– Ну, ты чего там? Уснул? – нетерпеливо поинтересовался Варвар.

– В бар, значит. Вот как.

Что-то нехорошее прорезалось в голосе Мармелада. Впрочем, он никогда не отличался приятными интонациями, но в этот раз его голос прозвучал особенно мерзко.

Кто-то из наших направил фонарик в ту сторону. Курить твою сигарету! Так все и вышло, как я и думал. Если что-то может пойти неправильно, то именно так оно обязательно и пойдет, будьте уверены. Мармелад стоял в десяти метрах от нас, одной рукой прижимая к себе Динку, а другой приставив к ее горлу широкий нож Сотового. Динка была без сознания – то есть я очень надеялся, что она без сознания. По крайней мере, крови на ней не было, и это вселяло некоторую надежду.

– Уберите свет! – велел Мармелад.

Муха тут же щелкнул фонариком, и они с Динкой снова скрылись в темноте.

– Все выходите на открытое место! Ну, живо! Не то я мигом подрежу ей горлышко!

Бродяги начали неохотно выбираться из кустов. Только не все. Некоторые – вроде Патогеныча и Гуся – застыли на месте, прячась в крошечной тьме за стволами деревьев и густыми переплетениями ветвей. Вроде как не было их тут никогда, и все тут.

– Ковригин! – позвал Мармелад. – Ковригин, слышишь меня? Сотовый!

Я бросил взгляд на ПДА: судя по всему, второй выживший полумутант лежал, слабо барахтаясь, на земле метрах в пяти левее – его зеленая точка лишь тускло тлела. Я двинулся между деревьев так, чтобы оказаться поближе к нему.

Мармелад, похоже, не знал, что делать дальше.

– Отпустил бы ты ее, организм, – проговорил я из-за кустов, чувствуя, как кипит внутри меня холодная ярость. – Все, закончили играть. Один ты ее никуда не дотащишь. Давай, отпусти ее, и мы тебе ничего не сделаем.

– Хемуль, уходи, – потерянно прокрипел Мармелад. – Ты не понимаешь... С твоей девочкой все будет хорошо. Только не мешай нам. Это очень важно. Иначе я ничего не гарантирую...

– Слушай, ты! – яростно гаркнул я, делая шаг к нему. – Если ты немедленно не отпустишь Динку, я ничего не гарантирую насчет твоей поганой шкуры!

– Назад! – мигом оживился темный. – Мне терять нечего! Еще шаг – и подрежу твою птичку, будь уверен!

Я замер.

– Не глупи, Мармелад, – ровным голосом произнес я, едва сдерживаясь, чтобы снова не сорваться. Сейчас это не привело бы ни к чему хорошему. – Ведь я тебя, щенок, из-под земли достану. Умирать будешь долго и мучительно.

– Ну, вот когда достанешь, тогда и поговорим. – Мармелад начал понемногу отступать к черной стене зарослей, волоча за собой Динку и по-прежнему удерживая лезвие ножа у ее подбородка. Нога моей подруги зацепилась за вывороченный из земли корень, и темному пришлось чуть наклониться, чтобы выволить ее из капкана. – Ай, славно, радиоактивное мясо! Никто не шевелится, бродяги, и все будет...

Справа внезапно тяжело ухнул выстрел, и Мармелад рухнул в темноту, увлекая за собой Динку. Мы с Енотом с двух сторон бросились вперед, однако, когда мой приятель включил фонарик и направил его в лицо Мармеладу, прежде чем вклепить ему контрольную пилюлю, выяснилось, что спешили мы зря. От лица темного не осталось практически ничего.

Я тут же подхватил подругу на руки, унес к кустам, где не валялись растерзанные куски мутантов, пощупал пульс, приложил ухо к груди. Пульс был – ровный, уверенный. Никаких ран я на ней не обнаружил.

Черт, я был слишком вымотан, чтобы радоваться. Миссия выполнена – вот и все, что я чувствовал в тот момент. Глубокое удовлетворение, и больше никаких эмоций.

Кстати, Динка была завернута в стalkerскую куртку. Позаботились-таки, ублюдки. А это значит, что она нужна была им не просто живая, но и здоровая.

Подошел Борода, вежливо, но деловито оттер меня в сторону. Я охотно уступил ему место: Борода – бывший врач, сейчас он сумеет позаботиться о Динке лучше, чем я. А у меня еще остались незаконченные дела.

Переступая через окровавленные туши мутантов, я направился к валявшемуся под деревом Ковригину. По дороге натолкнулся на Гуся, который с довольной ухмылкой брел мне навстречу со снайперской винтовкой на плече. Не иначе как у парнишки прицел с прибором ночного видения.

– Спасибо, брат, – искренне сказал я.

– Не стоит, – махнул рукой Гусь.

– Я у тебя в долгу.

– Сочтемся. – Малолетке явно было невероятно приятно, что ему оказался обязан легендарный ветеран, однако он старательно прятал эмоции, изображая видавшего виды тертого волка.

– И вот еще что... – озабоченно проговорил я. – Я хочу, чтобы ты на всякий случай знал. Это очень важно на будущее. Если бы ты попал в нее, а не в Мармелада, я бы тебя порвал на месте. Насмерть порвал бы.

– Я знаю, – с достоинством кивнул Гусь. Он ничуть не оказался обескуражен моим

комментарием. Похоже, он и вправду отличный стрелок и знает себе цену.

Он двинулся дальше, а я пошел за Ковригиным.

Темный ветеран лежал на спине и, как я и полагал, все еще был жив. Он прищурился от яркого света, когда я безжалостно направил луч фонаря прямо ему в глаза.

– Ковригин! – прорычал я вместо приветствия. – Куда вы тащили Динку? Кто заказчик?..

– О, Хемуль! – приятно изумился темный. – Ты нас все-таки догнал...

Он неловко черпанул ладонью грязи возле своего живота, начал неуклюже поднимать руку к глазам, и следом за ней потянулось с земли что-то длинное, узловатое... Стоявший рядом и державший его под прицелом Вова вдруг выронил автомат, вскинул ко рту собственную ладонь, шагнул в сторону, согнулся пополам, и его неудержимо вырвало.

– Это что – мои кишки? – снова удивился Ковригин. – Надо же, какой внезапный поворот сюжета...

Я молча стоял над ним, не в силах продолжать допрос. Скользнул по нему лучом фонарика ближе к ногам. Да, зрелище было категорически неаппетитное. Химеры разорвали его почти надвое. Внутренности Ковригина из чудовищно рассеченной брюшной полости были вывалены прямо в лужу и перемешаны с жидкой грязью.

– Не чувствую боли, – пожаловался Ковригин, глядя на меня. – Когда меня драли, было... ослепительно больно... А сейчас только зуд и... тепло внизу живота. Печет... – Он вдруг судорожно хватанул воздух широко раскрытым ртом, и из угла рта потекла проворная струйка. – Это ведь... внутреннее кровотечение, верно?.. – Речь его становилась все более бессвязной, он уже с трудом ворочал языком. – Черт, вот... вот это приколы... – Он закашлялся, неловко разбрызгивая кровь.

– Добей его, Хемуль, – хрипло проговорил Вова, утирая рот тыльной стороной ладони. – Это... Так не надо!

– Ковригин, – громко и четко произнес я и, дождавшись, когда затуманившиеся глаза темного снова обратятся в мою сторону, задал все тот же вопрос: – Кто заказчик, Ковригин? Кто распорядился украсть Динку?..

– Хозяева, – проговорил Ковригин, вновь бездумно зачерпывая грязь возле своей зияющей раны. – Не знал? Хозяева... попросили... приказали... – Он вдруг застонал: похоже, его начинало попускать. Адреналин, в огромном количестве выброшенный в кровь во время боя с химерами, уже был в основном переработан, сейчас полумутанта ударит как следует. Не надо даже пытаться – достаточно просто не давать инъектор с обезболивающим. Очень практично.

– Кто заказал Динку? – торопливо рявкнул я, схватив Ковригина за грудки и приподняв над землей. Он мучительно захрипел – непереносимая боль понемногу начинала ввинчиваться ему во внутренности. – Кому вы должны были ее передать? Ублюдок, я ведь не дам тебе подохнуть, пока не скажешь мне...

– Хемуль, хватит! – жалобно проговорил Вова. – Не надо...

Взгляд умирающего стремительно терял осмысленность.

– «Монолит», – пробормотал он, захлебываясь в собственной крови, – «Монолит»... А-а-а-а!!! – Его тело вдруг выгнулось дугой, правая нога начала судорожно и неестественно колотиться об землю. – Отпусти! Отпусти!..

– «Монолит»! – Я отпустил его, и он снова упал на спину, корчась от боли. – Ну? Кто конкретно? Где именно?..

Нечеловеческая боль окончательно скрутила Ковригина. Похоже, это уже была агония. Но я все еще надеялся выбить из него хоть какие-нибудь сведения.

– «Монолит», Ковригин! Кто вышел на вас от «Монолита»?

– Мо... нолит? Какой... монолит? – На мгновение глаза Ковригина прояснились. – Ме... Меч... – прошептал он.

– Какой меч?! – Я снова схватил его за грудки, вызвав новый мученический вопль. – Что еще за меч?! Ну же, ублюдок...

Близкий одиночный выстрел ударил меня по барабанным перепонкам, по лицу хлестнуло горячим, и я молниеносно откатился в сторону. Мгновенной подсечкой сбил с ног Вову, стоявшего над трупом Ковригина с дымящимся автоматом, выбил из рук оружие, повалил на землю. Он попытался вскочить, но я одним ударом отправил его в нокдаун. Оглушенный Вова начал отползать, шустро отталкиваясь каблуками и локтями, я решительно шагал за ним, пытаюсь выбрать позицию поудобнее, чтобы от души въехать ему ботинком в почку.

Внезапно меня толкнул в грудь тугой поток теплого воздуха. В этой стороне располагалась большая птичья карусель, я обратил на нее внимание еще до начала боя. Попавшего в зону ее действия Вову поволокло по траве, приподняло над землей. В свете фонаря, который направил на нас Муха, блеснули вытаращенные глаза отмычки и перекошенный в ужасе рот. Карусель начала закручиваться прямо с места и довольно быстро. Я едва успел ухватить головастика за ногу и изо всех сил дернуть на себя, раз и другой – аномалия никак не хотела отпускать свою жертву. Несколько мгновений мы с каруселью боролись за Вову на равных, наконец она с явным сожалением выпустила его, напоследок обдав нас струей нестерпимо горячего воздуха, и мы с ним покатались по мокрой траве. Я тут же встал, на всякий случай оттащил мальчика еще метра на полтора – он только хлопал глазами и потрясенно шмыгал, – потом наклонился к нему и сгреб куртку у него на груди в кулак:

– Больше так не делай, ладно? Потому что в следующий раз я огорчусь еще сильнее и не стану вытаскивать тебя из карусели, чертов идиот!

Оставив ошарашенного отмычку приходить в себя, я утер лицо рукавом и вернулся к Динке, над которой хлопотал Борода.

– Как она? – озабоченно спросил я.

– Полный порядок. Но я бы не стал сейчас приводить ее в себя, – сказал он. – Сильный седатив плюс мощный армейский стимулятор – плохой коктейль. Можно здорово надорвать сердце. Пусть спит. Нам все равно придется укрыться на ночь от выброса. Пусть спит до утра.

– Как скажешь, док, – с трудом сказал я. Мне бы сейчас тоже не мешало поспать – до утра, а еще лучше до следующего вечера. Гудящие мышцы уже почти отказывались повиноваться, в голове болезненно пульсировало, перед глазами все плыло.

– Хемуль! – позвал меня с опушки Енот.

– Чего еще? – с неудовольствием откликнулся я.

– Подойди-ка.

– Ну? – Я осторожно приблизился, стараясь не ступить в кромешной тьме в аномалию.

По дороге мне пришлось обогнуть труп Сотового. Темный сталкер был растерзан почти в клочья.

– Ерунда какая-то получается. – Енот махнул лучом света в направлении груди радиоактивного мяса, высившейся в нескольких шагах от нас. – Я тут полазил с фонариком, посмотрел, что за чертовщина произошла... – Он недоуменно пожал плечами. – Хемуль, на них только химерьи укусы. На темных и на других тварях. Знаешь, такие треугольные, словно гидравлическими ножницами куски мяса выхвачены? И пулевые ранения. И все. Хемуль, твари не дрались друг с другом. Они все вместе, плечом к плечу, сражались с химерами.

– С химерами? – удивился я. – Их что, много было?

– Трех нашел, – сообщил Енот. – У одной острое отравление свинцом, несовместимое с жизнью. Наша работа. А вот двух остальных уделали другие мутанты. Там на них живого места нет. Но и химеры изрядно накрошили противника. Вокруг одной целый бруствер из трупов. – Он покачал головой. – Тот кровосос, который заорал первым, – он вовсе не нападал на темных. Он встал на пути у первой химеры, она врезалась в него, и они сцепились. А потом подоспели остальные – и с той, и с другой стороны.

– О как, – озадаченно проговорил я. – С какой радости химеры схватились с

контролерами? Они обычно друг друга за версту обходят...

– Все еще хуже, – Енот снова покачал головой. – Это не контролеры.

Контролеры никогда не ходят вместе – как и химеры, кстати сказать. Но одному контролеру было бы не под силу удерживать под контролем такую прорву зверья. Способности этих полумразумных тварей, конечно, растут год от года – лет пятнадцать назад, по рассказам старожилов, они были способны только душераздирающе завывать в подвалах Агропрома и вызывать ураганную панику у забредших туда бродяг. Однако понемногу эти неудачные плоды генетических экспериментов научились брать под контроль чужой разум. Сначала их жертвой становился какой-нибудь заблудившийся сталкер или слепая собака. Контролеры играли с ними, словно с живыми игрушками, а потом поедали заживо. Затем они научились брать под контроль два разума одновременно. Сметнув, что пара кабанов или зомби с автоматическими винтовками – неплохие телохранители, твари-гипнотизеры осмелели, выбрались из катакомб и продолжили совершенствовать свои навыки, неторопливо разгуливая по просторам Милитари и берегам Янтарного озера. Сейчас средний контролер мог свободно удерживать небольшое стадо псевдоплоти, стаю слепых собак, нескольких кабанов или полтора десятка зомби. Попадались, конечно, уникамы, способные держать под контролем целый сталкерский клан, но такие самородки, к счастью, и появлялись уникально редко.

– Это не контролеры, – сказал Енот. – Вон там, – он ткнул пальцем в темноту, – четыре разорванных кровососа и два черныбыльских пса. Хемуль, эти твари никогда не поддаются контролерам, у них слишком сильная ментальная защита. Про химер уже и не говорю. И кроме того, я не нашел ни одного трупа контролера.

– Потеряв всю свою армию, они могли просто потихоньку затеряться в темноте, – сказал я. – Но все равно странно, ты прав.

– Странно?! – оскорбился Енот. – Да это просто караул! Расскажи кому – не поверят!..

Закусив губу, я сосредоточенно гонял в голове из угла в угол бильярдные шары мыслей. Две стороны, значит. Использующие тварей Зоны, значит. Вот оно как все аукнулось-то. Вот он откуда, контролер в Чернобыле-4. Выходит, ничего еще не закончилось, клянусь Черным Сталкером. Динку мы у темных отбили, но не факт, что это последнее приключение на сегодня.

А ведь тот, кто каким-то образом сумел натравить химер на темных сталкеров, вовсе не пытался отобрать Динку у конкурента. Химеры – идеальные убийцы, но никудышные носильщики. Он послал их убивать. Уничтожить и темных, и мою подругу. А твари второго участника игры им помешали – может быть, и случайно, но скорее всего нарочно. Не исключено, что они уже давно сопровождали группу Ковригина на почтительном расстоянии – для подстраховки, раз уж большой отряд темных, который и должен был этим заниматься, весь лег возле Периметра.

Я задумчиво смотрел в темноту. Вот так вот, навскидку, я готов был назвать только одного крупного игрока, который умел контролировать тварей Зоны и мог иметь какой-то интерес в происходящем. Болотный Доктор. И черт возьми, если это действительно было так, мне до смерти хотелось бы, чтобы он играл за нас. Чтобы он управлял не химерами, а тем зверьем, что встало у них на пути.

Однако даже в таком случае выходило, что он на стороне похитителей. Значит, ему важно, чтобы Динке не причинили вреда, но тащить ее в глубь Зоны он не мешает. Дьявол, как же все сложно-то. И тогда на кой черт ему «Монолит»? Почему темные волокли Динку не на Болото, к северо-западу, в логово Звериного Доктора, а на северо-восток – к Радару? В конце концов, кто второй игрок – настолько могущественный, чтобы взять под контроль трех матерых химер? Полгода назад я в первую очередь подумал бы о Нестандарте, руководителе научного лагеря на Янтарном озере. Но сейчас Нестандарт был мертв, а новая смена ученых больше была занята восстановлением разгромленного лагеря, чем всякими безумными исследованиями.

Из кустов донеслись два одиночных выстрела – Патогеныч с Мухой добивали

смертельно раненных мутантов.

– У нас есть потери? – поинтересовался я, возвращаясь к насущным вопросам.

– Барсук, – лаконично отозвался Енот.

Твари Зоны были слишком заняты химерами, на нас они стали бросаться только тогда, когда последняя химера была растерзана. Поэтому наши потери оказались невелики – и то Барсук погиб из-за нелепой случайности: в кромешной темноте влетел в мясорубку. Сейчас его обгорелое тело лежало в центре широкого выжженного круга, а Гусь с Бахчем, отчаянно ругаясь, пытались его оттуда выволочь, но прозрачная плазменная полусфера над черным кругом земли, не разрядившаяся до конца, отгоняла их трескучими сиреневыми молниями, не собираясь отдавать свою жертву. В принципе защитный костюм должен был смягчить электрическое поражение, но заряд, видимо, оказался слишком велик.

О как. Барсук, значит. А ведь я готов был голову поставить, что среди всех отмычек Бороды он погибнет последним. Что ж, сталкер предполагает, а Хозяева Зоны располагают. Хорошо, что я не люблю заключать пари. И теперь мне, похоже, придется подыскивать себе другого второго номера.

К нам с Енотом подошел Варвар. Его лицо, которое осветил фонарем Енот, совершенно ничего не выражало – ни сожаления, ни удовлетворения.

– Нет времени, – сухо проговорил он.

Нам срочно надо было укрыться от приближающегося выброса. Поэтому никого хоронить мы не стали: времени действительно не оставалось. Не по понятиям вышло, конечно, но сегодня весь день с утра был такой – не по понятиям. Единственное, что мы могли сделать, – вернуться сюда после выброса и попытаться похоронить Барсука, если к тому времени от трупа что-нибудь останется. Тем более что малолетки так и не сумели вытащить его тело из мясорубки, как ни пытались.

К счастью, долго искать не пришлось. Спустившись в ложбину, мы сразу выбрали на недостроенный фабричный корпус с обширным подвальным помещением. Там мы и решили заночевать.

Глава 12

Черный Сталкер

Подвал был длинным и узким, с двумя пустыми провалами дверей в дальнем конце и голыми бетонными стенами, из которых там и тут торчала незачищенная арматура. В углах из широких трещин с промокшими краями сочилась вода. Типичный советский недострой. Дверной проем, которым заканчивалась лестница, ведущая наружу, мы забаррикадировали большим железным корытом для цементного раствора, которое обнаружили в подвале.

Под лестницей Патогеныч с Енотом оборудовали небольшой временный схрон, в котором спрятали трофейное оружие темных. Тайник вышел не самый удачный, раскрыть его было пара пустяков, однако на следующей неделе мы договорились принести сюда еще патронов и аптечек и оборудовать полноценный схрон по всем правилам диверсионного искусства. Наш клан давно нуждался в новом схроне возле Радара после того, как предыдущий разорили мародеры.

Для костра мы с отмычками наломали массивных деревянных ящиков, которые в изобилии валялись вокруг. Сталкеры явно нечасто пережидали здесь выброс, приближаться к Радару и к Рыжему лесу желающих было мало, так что на ночь тары нам вполне должно было хватить. Мы обнаружили лишь смутные следы предыдущих стоянок – два черных круга на полу, оставшиеся от кострищ, и нацарапанное на стене на уровне человека, сидящего на корточках, слово «Штырь». Возможно, отмороженный сталкер из «Греха» когда-то заночевал здесь, а может, это был другой Штырь – малолетки почему-то обожают эту кличку и часто ее себе присваивают. Другое дело, что почти ни к кому она надолго не прилипает.

Бывалый охотник Муха умело соорудил костер, и отмычки тут же сгрудились вокруг

него – греться. Полупрозрачный белый дым вытягивало в зарешеченное окошко под потолком. Хорошо, сухое дерево. Можно было вскипятить чайку, но мы все были уже настолько вымотаны, что ни у кого не возникло даже мысли об ужине. Сбросив пропотевшие прорезиненные куртки, сталкеры начали выбирать себе места под стенами, где можно было бы расположиться на ночлег.

Я сам вызвался дежурить собачью вахту – два часа перед рассветом. Даже из названия ясно, что это самое неудачное дежурство. Лучшее дежурство – первое: организм еще вполне бодр, а после спокойно спишь шесть часов подряд и в ус не дуешь. Средние вахты – хуже: тебя будят посреди ночи, и ты два часа караулишь с вытаращенными глазами, героически сражаясь со сном. Однако потом, отстояв вахту, можно снова уснуть. Самый сладкий сон, как известно, приходит после того, как тебя разбудили среди ночи, а потом снова дали поспать.

Худшая вахта – последняя, перед рассветом. Тебя будят, когда ты еще категорически не выспался, и больше в эту ночь заснуть тебе уже не удастся. Впереди тяжелый и слишком долгий день – и неизвестно, когда удастся прикрыть глаза в следующий раз.

Тем не менее первый караул я сегодня не потянул бы точно: меня так мутило и клонило в сон, словно я бодрствовал последние трое суток, причем провел все это время на броне движущегося БТРа. Насчет ночных вахт я тоже сомневался – после контузии организм вряд ли достаточно восстановился бы за пару часов отдыха. Оставалась последняя, самая неудобная – но зато перед ней я успел бы отдохнуть шесть часов и хоть немного пришел бы в норму. Патогеныч, взявшийся распределять дежурства по праву самого матерого самца в стае, хотел вообще исключить меня из списка как наиболее пострадавшего при бомбардировке, благо нас было девять человек, но я потребовал, чтобы от дежурства освободили нашего проводника. Варвар хмыкнул – он понял, что я по-прежнему совершенно ему не доверяю, – однако подчинился.

Итак, первую смену дежурили Муха с Енотом. Вторую – Борода с Патогенычем. Третью – Бахчисарай с Гусем. Четвертую – мы с Вовой. Я все еще злился на Вову и не был до конца уверен, не нанесу ли ему нечаянно в ходе дежурства каких-нибудь тяжелых телесных повреждений, поэтому попросил Патогеныча немного переиграть смены. Патогеныч пожал плечами и поменял Вову на Гуся. Ну и ладушки.

Енот потащил к костру два ящика, чтобы не сидеть на голом полу, а я из таких же ящиков соорудил для Динки уютное гнездышко в углу и сам прикорнул рядом на рулонах рубероида. И меня тут же срубило – словно кто-то, подкравшись сзади, треснул меня со всей дури по затылку прикладом АКМК. Только вспыхнула напоследок перед глазами ослепительная линия жидкого огня.

Разбудил меня Бахчисарай. Я поднял голову и инстинктивно зажмурился. Однако вопреки ожиданиям жестокая боль не пронзила череп от виска до виска. Я сел, опершись спиной о стену. Чувствовал я себя на удивление сносно. Никаких признаков сотрясения мозга не осталось – то ли организм оперативно с ним справился, то ли сотрясения этого и не было вовсе. Мышцы еще побаливали, но не ощущалось того тупого зависалова, которое непременно настигает тебя наутро после таких приключений. Контузия, надо сказать, здорово изменяет взгляд на мир: когда голова тяжелая, думается с трудом, а в ушах звенит, все воспринимается по-другому. Примерно как с похмелья. Так вот, сейчас похмелья почти не было. Похоже, шесть часов блаженного отдыха сотворили со мной чудеса.

Гусь уже занял позицию возле костра. Я накинул на спящую Динку свою куртку, взял автомат, кое-как утвердился на ногах и тоже двинулся к костру.

– Порядок, брат? – поинтересовался Гусь.

– Лучше не бывает, – отозвался я, присаживаясь на ящик напротив.

Бахчисарай с Вовой заняли освободившиеся спальные места и мгновенно провалились в сон: последние сутки у них выдались беспокойные.

– Все тихо? – на всякий случай поинтересовался я, растирая лицо ладонями.

– Выброс наверху бушует, – отозвался отмычка. – По полной программе.

Ах, вот оно что. Вот почему так страшно зудят и чешутся кончики пальцев.

Шум выброса почти не проникал в подвал. Если не прислушиваться, можно было решить, что это воет где-то очень далеко свирепая зимняя вьюга. Однако снега снаружи не было, и ветра тоже. Сейчас там происходил сильнейший выброс аномальной энергии, эпицентром которого являлась Чернобыльская АЭС. Во время этого локального катаклизма Зона меняет декорации: исчезают старые ловушки и возникают новые на чистых местах. После каждого выброса привычные маршруты вновь становятся смертельно опасными лабиринтами, в которых каждый шаг дается с огромным трудом и большим риском.

Ни один из людей, оказавшихся во время выброса на улице, до сих пор не выжил. По крайней мере, я не знал ни о чем подобном. Однако пересидеть его можно в любом закрытом помещении, желательно ниже уровня грунта. Ясно, что самое разумное – это пережить его за пределами Периметра, но многие бродяги все равно упорно шли в Зону незадолго до очередного катаклизма и переживали его в схронах: по окончании выброса появлялось много новых артефактов, которые следовало ухватить раньше конкурентов. Большинство перестрелок и разборок возникали здесь как раз в это время – банды сталкеров и мародеров схватывались не на жизнь, а на смерть за право первыми обчистить плантацию. Основной хабар, впрочем, все равно доставался темным и монолитовцам, потому что они жили в Зоне и поспевали в нужные места чаще других.

Пронзительно пискнул портативный компьютер на запястье у Гуся, и тот, задрав рукав, принял какое-то сообщение.

– Сигнал отключи у своего ПДА, – сказал я. – Или убавь звук. Перебудишь всех на хрен... – Я помолчал, глядя в огонь. – Кстати, если снаружи выброс, то сталкерская сеть работать не должна. Откуда письмо?

– А, – переведя свой портативный комп в бесшумный режим, Гусь махнул рукой. – Семецкий в очередной раз погиб. Не думаю, что эти сообщения из сети поступают.

– Ну да, ну да.

Завибрировал и мой коммуникатор. Похоже, привет от Семецкого упал и мне. Что ж, хорошая примета. Если тебе пришло сообщение о смерти Вечного Сталкера, значит, в ближайшие полчаса с тобой точно ничего не случится.

Многие удивляются, почему Монолит так криво осуществил мечту Семецкого насчет бессмертия. Все-таки ежедневная многократная гибель – это совсем не то же самое, что вечная жизнь. Другие призраки Зоны, правда, тоже не получили счастья от осуществления своих желаний, однако их желания все же исполнялись в точности, пусть и с подлыми заавыками: Черный Сталкер хотел выжить какой угодно ценой, Оборотень мечтал быть чутким, как псевдоплоть, Болотный Доктор желал облагодетельствовать всех живых тварей, Призрак пытался любым способом избавиться от своего дьявола-хранителя... И в общем, можно сказать, что все эти желания сполна были удовлетворены Монолитом; другой вопрос, что он потребовал взамен. А вот с Семецким получилась какая-то нестыковка. Никак нельзя сказать, что он получил именно то, что хотел.

Хотя мне вот кажется, что Семецкий на самом деле просил у Монолита не бессмертия. Славы он желал, популярности, вот чего. Вечной памяти. Чтобы ни один сталкер в Зоне ни на один день не смог забыть, что топтал когда-то эти места такой Живчик Семецкий, который всех перехитрил и добрался однажды до Монолита. Таким было его сокровенное желание, которое он, возможно, прятал даже от самого себя. Если дело действительно обстояло так, выходит, Монолит исполнил все в точности.

– Хемуль, а почему вы все говорите «ПДА»? – поинтересовался малолетка. – Это же английская аббревиатура и, значит, должна читаться как «пи-ди-эй»... – Он осекся и задумался.

– Именно, – сказал я, подбрасывая в костер пару досок. – Пиди, эй. Многие бродяги, услышав такое, могут серьезно напрячься – решат, что это ты к ним обращаешься.

– Ну, тогда КПК, – не сдавался отмычка. – Карманный портативный компьютер.

– На КПП очень похоже, – сказал я. – Да и вообще, тебе не все равно? Ты еще спроси,

почему мы мясорубки мясорубками называем, хотя они ничего не рубят.

– Почему, кстати? – осторожно поинтересовался молодняк.

– Сам не знаю! – вполголоса рывкнул я. – Так исторически сложилось, салага. Все, засохни, не мешай мне думать...

Что-то тихонько загремело в глубине помещения, в одной из темных комнат – словно кто-то задел ногой валявшуюся на полу железяку или кафельную плитку. Гусь встрепенулся, по-птичььи повертел головой, и я внезапно понял, за что ему дали боевую кличку.

– Тихо, тихо, – проговорил я. – Ни к чему поднимать тревогу по пустякам. Может, это жадинка сработала...

– Мы же вечером осматривали те помещения, за дверями, – зашептал Гусь. – Они совершенно пустые, и из них нет другого выхода!

– Вот именно.

Тем не менее мы оба развернули автоматы, направив их на ближний к нам дверной проем. За ним было тихо.

– Сходи, посмотри, – распорядился я.

Гусю идея явно не понравилась. Он пощелкал фонариком, кряхтя, поднялся на ноги. Однако возражать не рискнул.

– Не надо никуда ходить, – негромко донеслось из темноты. – И стрелять не надо, бродяги, только народ перебудите.

Тьма в дверном проеме колыхнулась. На мгновение мне показалось, что она хлынула из дальнего помещения к нашему костру. Однако через мгновение наваждение пропало. Отделившись от массива тьмы, к нам шагал невысокий молодой сталкер в легком снаряжении с небольшим рюкзаком за плечами. Он ничем не отличался от обычного бродяги: встретишь такого за Периметром – внимания не обратишь. Вот только и его одежда, и снаряжение, и даже цевье «калаша», который он нес на плече, были густо-черного цвета. Чернее, чем волосы моей Динки. Временами казалось, что он просто расплывается перед глазами, словно чернильная клякса, и приходилось смаргивать, чтобы убедиться, что это просто обман зрения.

Гусь по-прежнему сосредоточенно держал гостя на мушке. Хорошо хоть палить не начал с перепугу, когда тот заговорил из темноты. Я ладонью осторожно отвел ствол его автомата в сторону, и малолетка наконец опустил оружие.

– Здравствуй, Рэд, – сказал я. – Какими судьбами?..

– Гулял... – Шухов устало опустился рядом со мной на ящик, скинул с плеча «калаш», прислонил его к стенке. Сбросил с плеч лямки рюкзака.

– Ну и как там сейчас, на улице? – поинтересовался я.

– Красиво, – отозвался Рэд, протягивая руки к огню. От него ощутимо тянуло леденящим холодом, словно он только что выбрался из морозильника.

Гусь сидел с распахнутым ртом и вытаращенными глазами, не в силах отвести взгляда от гостя. Похоже, он встретился с этой легендой Зоны впервые. Ну, и немудрено: большинству не удастся увидеть его ни разу за свою сталкерскую карьеру. Не каждому довелось пересечься с ним полтора десятка раз, как мне. И отмычка наверняка чувствовал этот могильный холод, который не могло перебороть даже высокое пламя костра.

– Водку будешь, Дим? – негромко поинтересовался я.

– «Черный Сталкер»? – Гость хмыкнул, чернота лениво плеснула в его бездонных глазах без зрачков. – Не откажусь.

Своей водки у меня, разумеется, не было. Повисла пауза. Я сделал знак Гусю, тот наконец ожил, засуетился, непослушными пальцами начал отстегивать с пояса заветную флягу. Протянул над костром мне, проговорил шепотом:

– Только у меня это... «Борщоговка».

– Пойдет. – Я забрал у него фляжку и передал ее Черному Сталкеру.

– Твое здоровье, Хемуль. – Тот примерился, коротко дыхнул и припал к фляге. Кадык его заходил ходуном. – Ядреная, – оценил он, возвращая мне посуду.

– Так ведь «Борщаговка» же, – пояснил я. – Сорок восемь градусов. – Я взболтал флягу. – Ну, за твоё здоровье пить бесполезно, я полагаю. Стало быть, чтобы тебе хорошо лежалось... – Я отхлебнул.

Шухов фыркнул.

– Спасибо, ложится мне хорошо. Весело ложится. Скучать не дают.

Он щелкнул пальцами, и я снова отдал ему флягу. Количество огненной воды в ней продолжало стремительно сокращаться.

– Ты по делу зашел или так, у костра посидеть? – осторожно поинтересовался я после того, как мы надолго замолчали, бездумно глядя в огонь. – Предупредить о чем хочешь?

– Мимо шел... – вяло ответил Черный Сталкер и снова умолк.

Некоторое время мы сидели в молчании. Температура в помещении понемногу понизилась на несколько градусов. Я старался особо не надоедать легенде болтовней, Гусь, по-моему, вообще забыл, как дышать. Не так часто доводится сидеть лицом к лицу у костра с самым могущественным призраком, который бродит по Зоне уже без малого два десятка лет – с тех самых пор, как его замуровали заживо у Четвертого энергоблока ЧАЭС. Но замуровали, похоже, слишком близко от Монолита, потому что после смерти простой сибирский паренек обрел невероятное могущество – правда, только в пределах Периметра. Дима Шухов, по кличке Рэд, очень редко показывался на глаза сталкерам и почти никогда не делал этого без какой-нибудь важной причины: предостеречь от ловушки, спасти от гибели, вывести на верный путь – либо, наоборот, наказать за нарушение неписаных законов Зоны, предупредить насчет недопустимого поведения, порой даже прикончить за какое-нибудь вопиющее западло. Впрочем, никакой системы в его появлениях не было – далеко не всегда он помогал правильным ребятам, хотя мог бы, далеко не все подонки были им наказаны. Однако сама возможность его появления заставляла честных бродяг относиться к себе и соблюдению клановых законов построже.

– Хемуль, – вдруг шевельнулся Шухов, – ты бы это... показал девчонку-то.

– Динку? – удивился я.

– Ну. Такой шухер из-за нее...

Я поднял взгляд. Чуть прищурился.

– Дим, что ты знаешь? Кому она понадобилась?..

Черный Сталкер опрокинул в себя остатки «Борщаговки», перевернул флягу горлышком вниз, задумчиво ее потряс. Закрутил.

– Так покажешь, что ли? – осведомился он.

– Она спит.

– Ничего. Не разбудим...

Мы тихонько приблизились к моей девочке, которая крепко спала у стены на двух составленных вместе ящиках.

– Красивая, – сказал Шухов. – Понимаю теперь...

– Дима, что? – осторожно произнес я, не дождавшись продолжения. – Какого черта? Что за шухер-то? Рэд, скажи мне...

– Береги ее, Хемуль, – серьезно проговорил Черный Сталкер, глядя мне в лицо своими бездонными нечеловеческими глазами, в которых слоями перемещалась тьма. – Точно тебе говорю, береги. Обидно будет, если...

Он резко отвернулся.

Все. Раз Рэд обрубил разговор, из него больше ничего клещами не вытянешь.

Мы вернулись к костру. Не присаживаясь, Дима Шухов неторопливо надел рюкзак, подхватил автомат.

– Значит, так, – деловито проговорил он. – Патогенычу скажи, что тайник он себе плохой придумал. Снорки его растащат через неделю. Мухе передай, когда в следующий раз будет перелезать через железнодорожную насыпь, пусть сперва внимательно посмотрит направо – увидит много интересного и скорее всего жив останется. Муха мне нравится, пускай еще погуляет на этом свете. Бубне передай вот что: сколько раз встречу в Зоне,

столько раз убью...

– Дим, Бубна давно ноги потерял, – проговорил я. Это я пояснял Черному Сталкеру уже несколько лет, при каждой нашей встрече, и каждый раз без толку. – Он больше не ходит в Зону.

– Легко отделался, падла... – Рэд поморщился. – Мой недосмотр. Все равно рано или поздно убью. Сколько раз поймаю, столько раз убью. Гусь, хорошо стреляешь, парень, – он ткнул пальцем в моего напарника по дежурству. – Молодец, в жизни пригодится. Передай Вове, чтобы остерегался ближайшую неделю: может попасть под колесо. Ну, вроде все, побежал я. Спасибо за гостеприимство.

– Рэд, послушай... – Я ухватил его за предплечье, и ладонь обожгло, словно я прикоснулся к сухому льду. Никогда так не делайте. Задерживать Черного Сталкера, когда он уже собрался идти, и вообще хватать его – умопомрачительная дерзость, но я должен был, я обязан был узнать, что происходит. – Ты меня не раз выручал. Я надеюсь, мы друзья... Кто охотится за Динкой? На черта? Кому это все на хрен надо?!

Шухов обернулся через плечо, искоса посмотрел на меня. Я поспешно выпустил его руку, но пальцы так и остались скрюченными – я никак не мог разогнуть их до конца, словно после поражения током.

– Не уверен, что тебе это понадобится... – нехотя проговорил он. – Но запомни на всякий случай, бродяга: ноль триста пятьдесят четыре. Всякие случаи бывают, так что запомни. Сумеешь?

– Чего же тут не суметь, – я сглотнул. – Триста пятьдесят четвертый год нашей эры – родился Блаженный Августин, знаменитый христианский теолог.

– Да не триста пятьдесят четыре! – с досадой произнес Черный Сталкер. – Ноль триста пятьдесят четыре. Запомнил? Ноль. Может пригодиться.

– Запомнил, Дима.

– И еще... Борисычу передай, когда увидишь, что на хрену я его вертел. Повтори.

– Ты вертел на хрену Борисыча. Дим, я не знаю никакого Борисыча.

– Ничего, познакомишься, если случай выйдет. Только крепко подумай, прежде чем в кукурузу лезть. Сам понимаешь... – Шухов не договорил, сокрушенно махнул рукой. – Впрочем, чепуха. Разве тебя отговоришь? Бывай здоров, сталкер.

Призрак Зоны зашагал к пустому дверному проему и мгновенно слился с темнотой.

Гусь осторожно прокрался следом за ним, заглянул в проем. Включил фонарик, покрутил им по сторонам.

– Испарился! – тревожным шепотом поведал он. – Нет никого! – Он вернулся к костру, потрясенно опустил на свой ящик. – Там даже окошка нет...

– Привыкай, – усмехнулся я. – В Зоне еще и не такое можно увидеть.

Мысли мои уже были далеко. Я мучительно размышлял над тем, что сказал мне Черный Сталкер. Ноль триста пятьдесят четыре. Борисыч. Кукуруза. Кипятить твоё молоко, как же я иногда завидую мультяшному страусу! Мне бы его проблемы...

– Хемуль, он что же – мертвый? – снова вклинился в мои размышления отмычка.

– Кто ж его знает. – Я покачал головой, разминая пострадавшую руку. Понемногу к пальцам начинала возвращаться чувствительность. – Тела, по крайней мере, пока не нашли. Впрочем, и не искали – кто же ради этого попрется к Саркофагу. Но живые люди на такие трюки точно не способны...

Ну да. И этот трюк – еще не самое потрясающее, что он когда-либо демонстрировал.

– Он нас с Вовой знает! – возбужденно прошептал Гусь.

– Ну, еще бы. Вашей популярности в Зоне даже я завидую.

Малолетка надулся и наконец оставил меня в покое. Вообще говоря, внутри Периметра едва ли есть что-нибудь, чего бы не знал покойный Дима Шухов.

Итак, у меня появилась очередная порция пищи для размышлений. Значит, Черный Сталкер в курсе шухера, происходящего вокруг Динки. Даже пришел посмотреть, ради кого поднялся шухер. Любопытство одолело ледяного призрака. Только ни на один вопрос по

этому поводу он мне так и не ответил. Из Шухова вообще бесполезно вытягивать информацию, если он сам не хочет ею поделиться. А поскольку обычно он настроен ко мне вполне дружелюбно, его нежелание поделиться сведениями выглядит довольно занятно.

– Хемуль, – снова подал голос Гусь, – а ты про теолога этого откуда знаешь? Ну, когда он родился?

– А, – я отмахнулся, по-прежнему думая о своем. – В школе по малолетству пытался произвести впечатление на одну девчонку своей невероятной эрудицией... Самое смешное, дату до сих пор помню. А вот лица ее – уже давно нет...

– Ну и как девчонка? – заинтересовался отмычка. – Ответила взаимностью?

– Предпочла одного спортсмена, – сказал я. – Вот тогда я и записался в свою первую секцию...

Остаток ночи прошел без происшествий. Гусь оказался болтливым малым и вскоре конкретно меня утомил; я пару раз велел ему заткнуться, но через какое-то время его прорывало снова, и я махнул на него рукой.

Когда Патогеныч объявил всеобщую побудку, наверху по-прежнему завывала свирепая энергетическая буря.

– Похоже, мы тут прилипли на какое-то время, – проворчал Борода. – Надо бы перекусить...

Еды у его команды оказалось мало – они уже возвращались из Зоны, когда я подал сигнал о помощи. Тем не менее всю еду они выложили на ящик и поделили на всех. Привыкаем работать в команде, как говорит в таких случаях один страус. А вот воды вообще почти не осталось: выжрали вчера после горячего боя. Поскольку водки тоже было мало, следовало что-то делать – сушняк стоял нешуточный.

– Фигня, – сказал Енот. – Сейчас сообразим.

Он пошел в угол и тщательно изучил одну из трещин, из которых сочилась вода. Прежде чем нырнуть крошечным ручьем в отверстие в полу и провалиться в преисподнюю, вода образовывала в углу небольшую лужицу, которая и стала основным объектом внимания Енота. Он поводил ладонью над лужицей, потом встал на четвереньки, осторожно приблизил к ней лицо и понюхал. Поверхность воды вдруг заколыхалась, и от нее к лицу сталкера стремительно прозмеились миниатюрные багровые молнии. Енот едва успел отдернуть голову.

– Не годится, – хладнокровно прокомментировал он и направился в другой угол.

Здесь вода текла гораздо обильнее, однако она имела подозрительный желтоватый оттенок, поэтому вполне понятно, почему Енот не сразу пошел к этому источнику.

Следопыт сунул под струйку лакмусовую бумажку. Неодобрительно покачал головой, глядя, как лакмус неохотно меняет оттенок, потом взял воды на палец и положил каплю в рот. С сомнением пожевав бледными губами, сплюнул и сказал:

– Можно умыться. – Подумав, добавил: – Можно прополоскать рот. И то только после химической обработки. Внутрь – ни в коем случае. Если не найдем ничего лучше, придется довольствоваться этим. – И перешел к третьему «роднику».

С дверной притолоки капало довольно бодро – однако именно капало, а не текло и не сочилося. С этим источником мы, конечно, намучаемся, прежде чем наберем пару фляг.

Енот тщательно изучил воду на глаз, пополоскал в ней лакмус, провел органолептическую экспертизу. Покачал головой:

– Похоже на норму.

Пока Вова с Гусем наполняли фляжки, я присел на корточки перед Динкой:

– Как ты, красавица?

Выглядела моя красавица немного опухшей, словно с сильного перепоя. Черные прядки волос прилипли ко лбу, на щеке осталась полоска пороховой гари – видно, Мармелад мазнул рукой, когда падал с простреленной головой. В глазах еще плескалась остаточная муть после наркоза. Однако никаких видимых повреждений я на ней не обнаружил.

– Нормально, Хемуль, – она попыталась улыбнуться, но вышло криво. – Порядок. Они

что... глушанули меня чем-то?

– Похоже, – сказал я. Достав из кармана ПДА Динки, я аккуратно защелкнул его на руке моей милой девочки. – Что-нибудь помнишь?

– Помню, как доехали до Периметра, а потом все. Отрубилась. – Динка поежилась, обхватила колени руками.

– Тебя не били? – поинтересовался я.

– Нет, – ответила подруга. – Даже удивительно. Я ведь их и пинала, и крыла по-всякому, трехэтажно. Терпели. В машине блокировали жестко, но не грубо...

– Ты на кой черт из бара-то выскочила, идиотка? – спросил я, убедившись, что она уже вполне способна адекватно общаться. – Шустрая, поганка, не угонишься! Знала ведь, чем это может закончиться. Думала, утром с нами в игрушки играли?

– Мне написал отец, – тоскливо проговорила Динка.

– И ты, разумеется, поверила, дура, – тяжело вздохнул я.

– Хемуль, я не дура, – окрысилась девочка. – То есть дура, конечно, чего уж отрицать. Но не идиотка. Мне действительно пришло сообщение от отца.

Видимо, моя физиономия выражала все, что я думаю о ее мыслительных способностях, поэтому Динка щелкнула своим ПДА, быстро нашла нужное сообщение и показала мне.

«Червячок, срочно жду тебя возле бара „Шти“. Папа».

– Тонко сработано, – оценил я, прочитав. – Куда тоньше, чем сработал тот зомби, когда пытался выдать себя за меня. Обратный адрес, разумеется, не определен. Червячок, значит?

– Так папа называл меня в детстве, – пояснила Динка. – Я как это увидела, у меня словно крышу сорвало. Даже в голову не пришло, что это может быть ловушка...

– Ну, в общем, понимаю тебя, – нехотя признал я. – Не настолько распространенное слово, которым называют маленьких девочек, чтобы с первого раза удачно попасть пальцем в небо. Тот, кто прислал сообщение, знал его наверняка, иначе написал бы что-нибудь более общепринятое – «котенок» там, или «птичка», или «доченька». – Я задумался. – Ты никому о нем не рассказывала?

– Нет, конечно, – возмущенно фыркнула Динка. – Это было очень давно, и это никого не касается. Даже ты узнал о нем только что.

– Верно, – сказал я. – Выходит, этот человек знал твоего отца. Тот ему и рассказал про Червячка.

– Либо мой отец жив, – угрюмо проговорила подруга.

– Либо так, – согласился я, в уме уже прикидывая список подозреваемых. Кроме заветного слова, паскуда должен был знать, что Динка судорожно разыскивает отца, иначе одно это слово не выманило бы ее из бара – наоборот, насторожило бы. Разумеется, ее поиски не секрет, но и не настолько общеизвестная вещь, чтобы о ней сплетничала вся Зона. Итак, Бубна и Че – основные фигуранты. Патогеныч, безусловно. Муха и Енот? Вполне возможно, они мои близкие друзья, и Динка вполне могла ненароком разоткровенничаться с ними в мое отсутствие. Болотный Доктор – по просьбе Динки я лично наводил у него справки насчет ее отца. Снова Доктор. Ай, как нехорошо-то. В который раз Доктор всплывает в связи с этим делом. А ведь он очень плотно общается с темными, они его кормят и выполняют всякие его поручения. И твари Зоны его слушаются. Неужели все-таки Доктор?! Но какой ему интерес?.. Или же мы сейчас идем в команде с предателем, с одним из тех, кто организовал похищение Динки, или как минимум активно помогал ему?..

Н-да. Погано как-то все. И Черный Сталкер непонятно себя ведет.

– Ладно. – Я полез в карман, достал «хай пауэр» погибшего Храпа, показал подруге. – Умеешь?

Динка взяла пистолет, оттянула затвор, проверила обойму.

– Стандарт... – Она подняла на меня огромные глаза.

– Пусть у тебя будет, – сказал я. – На всякий противопожарный случай. И вот это... – Я придвинул к ней скатанный ССП. – Наденешь после завтрака. На территории могут быть горячие пятна. Я тебе помогу.

– Э, Ромео и Джульетта! – позвал Муха. – Жрать идите! И будем выдвигаться потихоньку.

Мы расселись вокруг почти потухшего костра. ПатоGENCYч выделил нам нашу долю – натовский армейский сухпай в термопакете на двоих. Я выдернул из пакета вощеную нить, раздался негромкий хлопок, и термопленка ощутимо нагрелась. В воздухе запахло сублимированным мясом и вареной кукурузой.

Енот тем временем колдовал над двумя флягами с водой, которую собрали малолетки. В каждую он бросил по голубоватой обеззараживающей таблетке, после чего закрутил крышки и начал энергично трясти фляги, словно безумный бармен, приготавливающий два коктейля одновременно.

– Водой не увлекаемся, – распорядился он, передавая одну из фляг ПатоGENCYчу. Тот открутил крышку, и из горлышка с шипением вырвался зеленый дымок. – Глотка по четыре максимум. Мало того что пьем неизвестно что, так еще и почки после этой химии неизменно отваливаются...

– Почки надо лечить пивом, – авторитетно заметил ПатоGENCYч, прикладываясь к фляге. – Здорово выходит.

– Ребята, спасибо вам большое, – проговорила Динка, принимая у ПатоGENCYча флягу. – За то, что выручили. Прямо и не знаю, что сказать...

– Значит, ничего не надо, – разрешил Муха, протирая очки. – А спасибо нам будет вот этот вот тип говорить, который сидит слева от тебя. Долго будет говорить, пока не скажем, что хватит.

– Обещал же, что отплачу, – отмахнулся я. – Не заржавеет. Муха, не старайся выглядеть большим дерьмом, чем ты есть. Жри давай.

Выброс закончился вместе с завтраком. Борода выглянул в щель, подозвал Вову, и они вдвоем отвалили от входа громоздкое железное корыто.

– Пора выбираться, – заявил москаль. – Время дорого.

– До Периметра пойдем отрядом, – распорядился ПатоGENCYч. – Видали, какая кутерьма творится? Нужно подстраховать Дину с Хемулем. Пес его знает, кому еще взбредет в голову на них напасть. А вы, ребята, – он повернулся ко мне, – как пересечете Периметр, сразу валите из города. Я бы на вашем месте залег где-нибудь подальше на дно, пока мы разбирательство проводим.

– Черт, – с сожалением проговорил Борода. – Самая ведь грибная пора. Выброс закончился. Сейчас только артефакты и собирать...

– Тебя, в общем-то, не заставляет никто, – напомнил Муха. – Вы с малолетками и так уже сделали больше, чем должны были.

– Не. – Борода тряхнул головой. – Если уж взялся за дело, нужно доводить его до конца. Как говорится, назвался сталкером – полезай в Зону. А выброс на нашем веку, даст бог, не последний.

– Ну, славно, – сказал ПатоGENCYч. – Значит, консенсус. Тогда двинули, бродяги.

Глава 13

Мертвый город

Оперативно экипировавшись, мы выбрались на улицу. Высоко над нами в небе гасли последние переливающиеся полосы северного сияния. Я глубоко втянул в себя холодный утренний воздух. Как всегда сразу после выброса, пахло странно, но не сказать чтобы совсем неприятно. Пахло озоном, разогретым парафином и топленой канифолью. ПатоGENCYч с Мухой быстро обшарили местность датчиками и ожесточенно заспорили насчет возможного смещения аномальных полей и оптимального маршрута для возвращения обратно к Периметру.

Варвар подошел сзади, подергал меня за куртку:

– Хемуль, теперь мне лучше исчезнуть.

– Уверен? – спросил я. – Вместе нам будет проще добраться до Мертвого города.

– Уверен, – покачал головой Варвар. – Думаешь, я нашел Ковригина в Зоне, а меня никто не найдет? Точно так же и найдут, если захотят. Лучше, если вас со мной при этом не будет, иначе на кой черт я тогда головой рисковал?

– Варвар, – проговорил я. – Спасибо за все, брат. Я отплачу хабаром, имей в виду. Слово.

– Если жив останусь, разочтемся. – Темный сказал это таким тоном, что мне стало ясно: его подвиг встанет мне в копеечку. В хорошую такую копеечку. Впрочем, за спасение Динки я готов был отдать ему все, что у меня было, и еще недель шесть после этого бесплатно лазить в Зону, за еду и прозрачное. Оно того стоило. – Ребят только похороните по-человечески, когда будете возвращаться.

– О чем речь, организм. Надеюсь, когда Клещ выйдет в тираж и ты станешь главой клана, мы с тобой славно поладим, – сказал я.

– Посмотрим, – проворчал Варвар. – Будьте здоровы, радиоактивное мясо. – Он развернулся, потом адресовался лично ко мне: – И ты будь здоров, организм. Надеюсь, у вас все будет в порядке.

Он неторопливо зашагал на восток.

– Ты уверен, что нам это надо? – поинтересовался Борода, глядя вслед Варвару. – Что он никого на нас не выведет? После вчерашнего я не слишком доверяю темным. Впрочем, никогда особо не доверял, если честно.

– Брось, – сказал я. – Какого черта он тогда вообще помогал спасти Динку? Чтоб тут же сдать своим?

– Ну, как же, – возразил москаль. – Получается, чужими руками завалил Ковригина и Сотого – самых реальных соперников на пост главы клана. Клещ – слабый атаман, ковырнуть – и опрокинется вверх тормашками. Красиво все сделано, не подкопаешься. А под конец еще и Дину сдать заказчику...

– Брось, – повторил я. – Не ерунди.

– Почему он не пошел с нами? – жестко спросил Борода. – Почему он идет на Болото?

– В бар ему больше ходу нету, – пояснил я. – По крайней мере, пока ситуация не прояснилась. А Болотный Доктор, может, что и посоветует...

– Я ему не верю, – отрезал москаль.

Я пожал плечами. Ничем не могу помочь типа.

Через несколько минут мы двинулись в дорогу. Теперь ведущими шли Муха с Патогенычем, время от времени в сомнительных местах высылая вперед кого-нибудь из отмычек. Несмотря на то что сейчас мы двигались раза в три медленнее, чем вчера, я сразу обратил внимание, как то и дело оскальзывается и начинает прихрамывать Динка: туфли на каблуках – плохая обувь для пересеченной местности.

Выбравшись из ложбины, мы вернулись на то место, где вчера произошла битва монстров. Смердящие кучи дохлого радиоактивного мяса так и валялись между деревьев – ночью падальщики пережидали выброс, а не занимались зачисткой территории. Мы все же вспугнули осторожную псевдоплоть и пару слепых собак, пытавшихся позавтракать, но, если бы не выброс, здесь сейчас черным-черно было бы от пирующих мутантов. А еще скорее, все трупы сожрали бы еще ночью.

Мясорубка, убившая Барсука, после выброса рассосалась, и на ее месте остался «бенгальский огонь», артефакт средней ценности, который практичный Муха сразу определил в свой контейнер. Если такую штуку положить в карман или сунуть за пазуху, она здорово повышает выносливость и придает сил, однако в то же время понижает естественную сопротивляемость организма к воздействию электрического тока, так что небольшая мясорубка, с которой без проблем справилась бы защита ССП, превращается в серьезную головную боль. Поэтому пусть уж лучше «огонь» едет в герметичном контейнере из инертного материала, меньше проблем.

– Не надо завидовать, брат, – проникновенно сказал Муха Еноту. – Все равно ведь

вместе пропьём.

– Да не завидую я...

– А чего тогда рожу кривишь?

– Мутит чего-то после завтрака...

Сняв с поясов саперные лопатки, ребята Бороды во главе с ведущим принялись рыть могилу для Барсука. Я тем временем отыскал возле кустов труп Мармелада, присел на корточки и начал неторопливо расшнуровывать заплесневелые шнурки на его берцах. Динка молча наблюдала за моими действиями.

– На, – я бросил ей один ботинок. – Надевай.

Она брезгливо подняла трофей двумя пальцами. С сомнением посмотрела на меня.

– Надевай-надевай, – подбодрил я. – Ничего лучше я тебе предложить все равно не могу.

Я не стал ей ничего втолковывать. Не маленькая, сама должна понимать, что к чему. Уже небось все ноги посворачивала. Без ботинок в Зоне долго не протянешь. Тяжело, конечно, вот так с непривычки обуться с мертвой ноги, девочке надо собраться с духом...

– Хемуль, – сказала Динка, качая головой, – я эту дрянь не надену.

Я вздохнул.

– Послушай, красавица, – веско произнес я, – честное слово, я не задумываясь отдал бы тебе свои ботинки, а себе взял эти. Но они на пару размеров меньше, чем мне надо. Это как минимум.

– Хемуль, мне не холодно, – заявила Динка. – Я смогу...

– Да тебя через километр на спине придется нести! – рявкнул я. – Быстро надевай, варить твою кашу! Все ноги изувечишь к чертовой бабушке!

Динкины глаза сузились, однако она молча подобрала второй ботинок. Покрутила его в руках. Я хотел насильно помочь ей обуться, но она отпихнула меня. Опустилась на бетонный блок, скинула туфлю, сунула ногу в ботинок. Начала затягивать высокую шнуровку.

– Болтается, – с трудом проговорила она, жалобно посмотрев на меня.

Я вытащил нож, вспорол куртку Мармелада и быстро откромсал от тельняшки покойника два больших квадрата полосатой ткани – спереди и сзади.

– Мотай портянки, – распорядился я. – Давай покажу...

Динка обулась снова, теперь с портянками. Ничего, так даже лучше: теплее будет.

– Нигде не жмет, не трет? – озабоченно поинтересовался я. – Смотри, сотрешь ногу – кранты. Идти не сможешь. А идти нам долго.

– Нормально, – чужим голосом проговорила подруга. – Очень удобно. – Мне показалось, что ее сейчас стошнит, но она удержалась. Молодец девочка.

– Попрыгай-ка на месте.

Она зыркнула на меня черными глазищами, но молча подчинилась.

– Не трет? В ногу не впиается? Ну, отлично.

В защитном комбинезоне, сталкерской куртке, высоких армейских ботинках и с расплескавшимися по плечам черными волосами Динка была исключительно хороша. Необыкновенно мужественная, как крутые мускулистые бабцы в голливудских боевиках, и одновременно женственная до одурения. Мне страшно захотелось стиснуть ее в объятиях, но в присутствии коллег следовало держать себя в руках. Еще расстроятся от прилива гормонов, чего доброго, идти не смогут.

Когда Барсук был погребен, я потребовал, чтобы темных тоже зарыли. Борода запротестовал, тогда я отобрал у него лопатку и сам начал кромсать дерн. Кто сможет меня переупрямить, когда я уперся рогом? Ветераны сменили выдохшихся отмычек и присоединились ко мне. Я, конечно, сам с удовольствием бы бросил трупы похитителей на съедение собакам, но я обещал Варвару. Вышло бы запахло.

– Ёшкин кот! Ведь чуть не забыл, – проговорил я, ковыряя сырую глину. – Черный Сталкер приходил сегодня, велел кланяться.

– Ну? – оживился Патогеныч. – Чего сказал?

– Да ничего жизненно важного, – произнес я. – Только тайник себе новый сделай. Дима сказал, разорят его шнорки на этой неделе.

– Надо же, – покачал головой Патогеныч, вгрызаясь лопаткой в землю. – С чего бы это он моим имуществом озаботился?

– Значит, в следующий раз оно тебе жизнь спасет, – рассудил я. – Или мало ли еще какие у него соображения. Короче, он тебя предупредил, а дальше как знаешь.

– Спасибо, брат.

– Муха, – сказал я, – когда будешь перебираться в следующий раз через железнодорожную насыпь, посмотри сначала направо, родной. Останешься в живых.

– Я в Зоне всегда башкой кручу, что твой вентилятор, – отозвался Муха. – Особенно когда пересекаю насыпь.

– Значит, в этот раз вправо надо будет посмотреть особенно внимательно. Все-таки поймей в виду. Вдруг да увидишь что-нибудь особенное. Знаешь же, что Черный Сталкер зря шухер не поднимает.

– Замазали.

Наконец мы покончили с похоронами и снова двинулись в путь. За спиной у нас остались два неуклюжих земляных холмика, увенчанные крестами из палок, скрученных колючей проволокой, – у темных получилась братская могила, делать каждому индивидуальную нам было некогда. Пусть поблагодарят Варвара хотя бы за такую.

Длинная полоса сросшихся после выброса гравиконцентратных плешей наглухо отрезала нас от Янтарного озера. Можно было даже не пользоваться датчиками: прерывистая линия раздавленных деревьев, вмятых в землю кустов и размазанной по грунту травы, петлявшая по местности, была издали видна невооруженным глазом. Чертовски не хотелось возвращаться через Мертвый город и территорию темных, но выбора у нас, похоже, не оставалось. То есть выбор имелся – вслед за Варваром идти в обратную сторону, к Болоту. Нет, спасибо. Этот маршрут вышел бы еще рискованнее.

– Ладно, – сказал Патогеныч. – От темных отобьемся в случае чего. Восемь стволов все-таки. А вот на Болоте я ничего не гарантирую...

– Девять стволов, – вежливо поправила его Динка. – Я у Бубны в тире каждый день по две обоймы высаживаю.

– Девять стволов, – легко согласился Патогеныч. – Тем более отобьемся, чего уж там.

Ну, я как-то приблизительно так и подумал. Не стоит без особой необходимости соваться туда, куда слепая собака хрен не сунет, а в Мертвом городе и спрятаться можно в случае неприятностей, в отличие от Болота.

В итоге мы выбрались из Рыжего леса в паре километров от озера Глубокое и медленно, останавливаясь через каждые двадцать метров и тщательно изучая местность, двинулись к окраине города. Миновав частный сектор, мы по железобетонному мосту полувековой давности двинулись через небольшую речушку, впадавшую в озеро. На берегу озера, окутанная ядовитым туманом, вздымалась серая бетонная громада Саркофага ЧАЭС с торчащей в небо полосатой трубой, украшенной многометровыми, покачивавшимися на ветру космами ржавых волос. Казалось бы, вот он, заветный Четвертый энергоблок, только руку протяни. Сорок минут пешком. Ага, шас вот...

– Смотрите, там люди! – вдруг указала пальцем вниз Динка. – Рыбаки! Это темные?..

– Нет тут людей, – буркнул Патогеныч. – Пошли, пошли давай, пока не долбануло...

Действительно, когда мы добрались до середины моста, уже можно было понять, что стоявшие с удочками на бетонном парапете под мостом рыбаки странно неподвижны, словно манекены. И у них были зеленые лица. Как говорит один страус, если чаще бывать на свежем воздухе, кожа лица неизменно приобретает здоровый цвет и улучшается пищеварение.

– А если нам обогнуть берег прямо по озеру, чем переть через аномалии? – предложила Динка. – Здесь наверняка можно найти пару лодок. Спустимся по реке. Это рискованно, конечно, но кто не рискует...

Я молча указал вниз, туда, где под бетонными опорами моста ржавел полузатопленный

буксир.

– Рискованно – это идти пешком, – сказал я. – Плыть по воде не рискованно – это верная смерть. На воде прекрасно долбаёт. Как ты думаешь, почему никто не пытается добраться до АЭС по озеру?.. Потому что дураков нет, а тех, что когда-то и были, давно уже тоже нет – в живых. Кстати, на мосту мы тоже не в безопасности. Мне приходилось видеть, как с поверхности воды долбаёт вертикально вверх метров на двадцать пять, поэтому рекомендую особо тут не задерживаться...

Один из рыбаков рывками, механически повернул голову, слегка приподнял удилище, и стало отчетливо видно, что на его удочке нет лески.

Шедший передо мной Енот вдруг остановился, и я едва не врезался ему в спину. Тыльной стороной дрожащей руки он размашисто утер лоб.

– Брат, что случилось? – Я развернул его лицом к себе. Мой приятель выглядел совсем больным – лицо приобрело землистый оттенок, под глазами залегли едва заметные темные мешки, губы высохли и потрескались. – Да ты горячий весь!

– Вода! – проскрипел Енот и закашлялся. – Второй источник, мать его, – пояснил он, справившись с приступом кашля. – Ни к чему было пробовать на язык. Кретин. Возникли сомнения – значит, не надо трогать... – Он неуклюже открыл аптечку, подцепил инъектор, всадил его в запястье. Закрыв глаза. – Ничего, сейчас попустит...

– Народ, давайте не растягиваться! – крикнул нам Борода уже с того берега.

– Идти можешь? – озабоченно спросил я. – Или пособить?

– Нормально. – Енот открыл глаза. – Пара кубиков армейского антидота еще и не такие проблемы решала. – Он снова решительно двинулся вперед.

– Ну, смотри, – проговорил я. – Мы тебя с Динкой сзади подстрахуем. Только не вздумай упасть, паскуда.

– Не дожدهшься, – отозвался Енот, упрямо шагая к другому берегу.

Вскоре ему действительно полегчало, и он даже перестал крениться на левую сторону.

Развернувшись спиной к АЭС, мы углубились в городские кварталы. Строго говоря, сейчас мы находились на территории «Монолита», и в свете того, что сказали Варвар и умирающий Ковригин, ухо следовало держать востро. Однако монолитовских заслонов не было здесь с тех пор, как эти фанатики окончательно убедились, что озеро и Радар сами по себе прекрасно сдерживают и вольных бродяг, и военных сталкеров. Теперь основной рубеж обороны «Монолита» пролегал по противоположному берегу – там его членам приходилось защищать вдвое меньшую территорию. Однако тот ужас, который они посеяли среди бродяг за предыдущие годы, до сих пор не давал темным или другим сталкерским кланам присоединить эту часть Мертвого города к своим владениям. Собственно, статус-кво в соотношении сил на сегодняшний день всех устраивал, как и то, что эта территория продолжала оставаться ничейной.

Клан «Монолит» первоначально был образован из романтиков и маньяков, разыскивавших по всей Зоне заветный артефакт, исполняющий желания. Сначала его называли Золотым Шаром, но потом, когда выяснилось, что настоящие золотые шары никаких желаний не исполняют, мифический артефакт стали называть Монолитом. Понемногу среди членов клана утвердилось мнение, что раз Монолит способен воплотить какую угодно мечту, значит, он сам – всемогущее локальное божество, управляющее происходящими в Зоне процессами. Клан уходил все глубже в Зону и в дебри мистицизма, постепенно приближаясь к своему божку. В какой-то момент они отказались от его поиска и объявили своей целью охрану центральной части Зоны, где наверняка и располагался Монолит, от посягательств извне. Уже тогда многие подозревали, что клан зомбирован, если не полностью, то частично. Монолитовцы закупали за бешеные бабки самые совершенные защитные костюмы и оружие, и вскоре на окраинах Мертвого города ретивых сталкеров, пробившихся через толпы зомби и рвущихся на север, к ЧАЭС, начали встречать монолитовские заслоны и засады. Понемногу эти парни вообще перестали выходить из Зоны, так же как темные сталкеры, хотя в отличие от них и не были полумутантами. Для темных

постоянное пребывание за Периметром было вопросом жизни и смерти – монолитовцы же сами обрекли себя на постоянное проживание на вредоносной и враждебной человеку территории. Они обменивали в баре «Сталкер» редкостные артефакты из труднодоступных или наглухо закрытых верхних уровней на продукты и спецснаряжение. По моим сведениям, Бубна имел с ними очень неплохой бизнес.

Итак, поговаривали, что монолитовцы в конце концов подверглись зомбирующему облучению Радара и стали рабами Хозяев Зоны. Может быть, и так; по мне, так они просто по жизни были кланом отмороженных фанатиков, отравлявших своими гнилыми идеями мозги отдельным желторотикам. Как бы то ни было, они оказывали довольно серьезное сопротивление военным сталкерам, пытавшимся пробиться к Четвертому энергоблоку, причем зачастую используя для этого тяжелое армейское вооружение, неведомо как и откуда полученное. С тех пор как «Монолит» перекрыл подступы к Радару и Четвертому энергоблоку, почти никто не сумел добраться до полуразрушенной Чернобыльской АЭС. Немногочисленные бродяги, которым удалось унести ноги от монолитовцев, утверждали, что узнали в рядах противников некоторых известных и даже легендарных сталкеров, когда-то бесследно исчезнувших в Зоне. Если это было правдой, а не фантазиями пустозвонов, приходилось признать, что ряды «Монолита» действительно пополняются при помощи зомбированных вольных бродяг. В любом случае абсолютно все признавали, что из сталкерских кланов «Монолит» представляет собой наиболее организованную, мощную и грозную силу. Хвала Черному Сталкеру, его члены постоянно были заняты собственными высосанными из пальца религиозными проблемами и почти не вступали в клановые войны.

Но с кем-то они все-таки подписались на то, чтобы похитить мою Динку. И использовали для этого дурачков темных, каким-то образом внушив им, что такова воля Хозяев Зоны. Использовали темных, извините за каламбур, втемную.

Вывернув на центральный проспект из-за угла, возле которого на тротуаре лежал изуродованный и закопченный остов рухнувшего с высоты боевого вертолета, шедший впереди Патогеныч тут же метнулся обратно. Прижался к стене, осторожно выглянул снова.

– Темные? – поинтересовался Борода, автоматически передергивая затвор «калаша».

Патогеныч мотнул головой.

– Кабаны, – проговорил он, не прекращая наблюдений. – Стадо. Шесть, семь... Девять особей. Секач, три подсвинка, пять маток. Ну и мелочь пузатая. Поросята.

– Много, – вздохнул Муха. – Патронов до фи́га уйдет. Надо бы обойти...

Патогеныч снова помотал головой. Развернул датчик аномалий в сторону Мухи, потыкал пальцем в монитор.

– Мы и так фактически идем по самому краю аномальных полей, – пояснил он. – Короче, как нам аномальный фронт позволяет, так и идем, и скажи спасибо, что пока он оставляет проходы в том направлении, в котором нам надо. Справа точно не обойдем, разрывов в цепи ловушек нет до самого моста. Слева вроде бы есть проход обратно к озеру, но потом какую петлю придется закладывать. И не факт еще, что там дальше не перекрыто все наглухо.

– Кабаны, – тоскливо проговорил Енот. – Ненавижу этих тварей.

– Кто ж их любит. – Патогеныч, не отрываясь, изучал обстановку на мониторе. – Всем видно? Центр проспекта чист, но возле следующего дома я бы покидал болты на всякий случай. Не нравится мне вот этот перекресток... – Он быстро чертил пальцем по экрану своего монитора, и на наших электронных картах появлялись светящиеся точки, линии и кресты. – И вот эти две телефонные будки. Странные пятна на датчике. Что угодно может там прятаться. Вова, пойдешь с левого фланга: главное, не мельтеши, твоя единственная задача – эти две будки. Нет, лучше Гусь, у него снайперка. Слышишь меня, Гусь? Глаз не своди, а лучше сразу целься. И контролируй, пока не пройдем. Движемся плотной группой по центру трассы, четыре человека в авангарде. Я, Муха, Енот и Хемуль. Борода, держи арьергард. Вова с Бахчем – один справа, один слева, держим перекресток, следим за окнами и по возможности помогаем огнем авангарду. Динка в центре, старается не мешаться, в

случае чего тоже поддерживает огнем. Если кто-нибудь попадет мне в задницу, шкуру спущу. Диспозиция ясна?

Мы дружно отозвались в том смысле, что да, ясно, без базара.

Я охотно переуступил свои командирские права Патогенычу, который до этого как бы выполнял при мне обязанности сержанта. Командовать должен ведущий, а мне на обратном пути приходилось плотно опекать Динку и следить, чтобы не совалась, куда слепая собака это самое. Тем более что у Патогеныча, как ни крути, больше опыта по уничтожению кабаньих стад.

Мы вышли из-за угла, уже выстроившись в боевой порядок. Проспект был просторным, в самом начале его с двух сторон обступали старые здания полувекового возраста – одинаковые бетонные ульи с крошечными квартирками и узкими грязными лестницами. В одной из таких я вырос – правда, не здесь. Неширокая улица Киргизская в Харькове, неподалеку от Одесской и проспекта Гагарина, с ее вьетнамскими общежитиями, разрушающимися от ветхости торговыми подвалами, непролазной грязью и дорогами словно после массивированной гуманитарной бомбардировки миротворцев...

Между домами виднелись одноэтажные магазинчики, облупившееся здание почты и чахлый скверик, за прошедшие годы превратившийся в уродливые джунгли. Я показал на него Бахчу: особое внимание. Татарин кивнул. Возле тротуаров кое-где стояли легковые машины и грузовые «ЗИЛы», в одном месте поперек трассы расположился какой-то древний автобус с развороченным прямым попаданием из миномета бортом – кажется, эту модель наши предки называли «ПАЗ». Над унылым пейзажем висела удушливым облаком атмосфера всеобщего разложения, заброшенности и разрухи. Одним словом, пасторальная идиллия.

Возможно, картина не была бы настолько удручающей, если бы не внешний вид зданий. Когда произошел Второй взрыв на ЧАЭС, основная часть аномальной энергии выплеснулась прямо на город. Рассказывают, тогда здесь творились абсолютно дикие вещи. Не уверен, что сталкерские легенды во многом правдивы – едва ли осталось достаточно живых свидетелей, чтобы рассказать о том, что происходило во время самого первого в Зоне выброса. Однако поразительные следы катастрофы говорили сами за себя.

Многие дома на улице растрескались так сильно, что через трещины, сквозь весь массив здания, было видно небо. Однако они не рассыпались и продолжали стоять вертикально, удерживаемые неведомыми науке физическими силами. Некоторые дома наклонились над дворами или над тротуаром проспекта, словно поставленные вертикально и разогретые бруски пластилина, которые сначала потекли, а потом застыли в самых неустойчивых положениях. Правда, с тех пор ни одно из таких зданий не осыпалось и не рухнуло, так что насчет неустойчивого положения – это еще как сказать. Впрочем, желающих заходить внутрь все равно не находилось.

Одно из зданий прямо посередине было плавно развернуто на девяносто градусов: первые четыре этажа смотрели фасадом на юго-запад, а верхние четыре – на северо-запад. Этаж между ними оказался искорежен и вытянут по горизонтали, словно был построен не из железобетона, а из эластичной пены-утеплителя или начинки от шоколадного батончика. Создавалось впечатление, что какой-то новоявленный бог – или, скорее, дьявол – пробовал здесь свои новые возможности и способности. Не исключено, что именно так все и было.

Стая кабанов мирно паслась посреди проспекта, наполовину заслоненная от нас печально обвисшими лопастями сбитого вертолета. То есть паслась – это я неправильно выразился. На самом деле в Зоне нет травоядных мутантов. Подсвинки с девочками лениво рвали два трупа, валявшиеся на тротуаре. На одном покойнике был камуфляж, но я не сумел разглядеть никаких опознавательных знаков и в конце концов решил, что это зомби – в Мертвом городе их было полно, они стекались сюда со всех концов Зоны, словно на ярмарку. Другой был абсолютно голый, полуразложившийся и уже настолько растерзанный, что я с большим трудом признал в нем молодого кровососа. Матерый вепрь-секач, видимо сытно отобедавший самым первым, по льготному тарифу, бесцельно бродил по

противоположной стороне улицы, обнюхивая бордюр тротуара.

– Плотной группой, – сквозь зубы напомнил Патогеныч. – Борода, не отставай. Гусь, держи телефонные будки на контроле, глаз не своди...

Фыркнув, одна толстая свиноматка устала на нас налитый кровью глаз. Поводила пяточком, нервно хрюкнула. За ее спиной глухо зарычал молодой кабан. Я неторопливо надвинул на левый глаз целеуказатель и прищурил правый.

– Бьем на тридцати метрах или ближе, – проговорил Патогеныч. – Лучше по команде. Нечего зря патроны просаживать, небось денег стоят.

Неторопливо двигаясь кучкой в сторону кабанов, мы взяли оружие на изготовку. Даже Динка вытащила свой «хай пауэр» и, обхватив рукоять обеими руками, держала его дулом вверх у правой щеки. Шедшие в первой шеренге Патогеныч с Енотом на всякий случай проверяли подозрительные участки асфальта болтами, не отрывая внимательных взглядов от стада мутантов, агрессивно перемещавшихся поперек улицы метрах в ста пятидесяти от нас.

До тварей было еще довольно далеко, однако я вдруг почувствовал стремительно подступающую волну знакомого озноба. Если горло перехватывает спазмом, если пульсирует кровь в кончиках пальцев, если волосы на загривке поднимаются дыбом, если кожу вдруг обволакивает невидимая ледяная простыня – немедленно оглянись. Пари держу, что где-нибудь неподалеку увидишь много интересного, как говорит в таких случаях Черный Сталкер, и скорее всего жив останешься, если предпримешь что-нибудь для своего спасения. Эта физиологическая реакция организма на невидимую опасность, непонятно чем обусловленная, не раз спасала меня от довольно крупных неприятностей. Главное – доверять своему организму, а потом задавать глупые страусиные вопросы «почему», «зачем» и «каким образом».

– Стоп! – рявкнул я, и вся команда послушно замерла на месте. Раз я подаю такую команду, значит, у меня есть для этого серьезные основания. Ветеран на маршруте ничего не делает просто так. – Черт! Ничего не чувствуете?!

– Нет, – настороженно произнес Муха. Он начал разворачиваться ко мне, в то время как Патогеныч с Енотом продолжали неотрывно наблюдать за кабанами. – А ты, брат... – Он осекся и внезапно метнулся ко мне с воплем: – Прицел!!!

Он явно собирался отпихнуть меня с линии огня, но я уже и сам инстинктивно начал стремительно смещаться вбок, одновременно заваливаясь налево и понимая с тоской, что ярко-красное пятнышко лазерного прицела неотрывно следует за мной, по-прежнему располагаясь точно в середине лба. Чтобы не терять меня с линии огня, стрелку достаточно было лишь чуть-чуть доворачивать ствол вслед за мной. Я не видел и не ощущал прицельного лазера, однако теперь, после вопля Мухи, уже не сомневался, чем вызвано давящее чувство страшной угрозы и смертельная тоска, которые стремительно нарастали с каждой следующей долей секунды, отделявших меня от выстрела.

Бродяги успели лишь вскинуть головы, пытаясь сообразить, откуда в нас целятся. Патогеныч даже вздернул автомат – если он определил правильно, то снайпер находился в здании с правой стороны. Но все это было слишком медленно, мало что можно было успеть за сотые доли секунды, оставшиеся мне до смерти. За этот внезапно растянувшийся, словно резина, крошечный отрезок времени, за который я успел сместиться в сторону и вниз лишь сантиметров на сорок, я вдруг сумел остро, до глубины души осознать истинный смысл выражения «слишком поздно». Еще я успел подумать, что не надо бы Динке видеть, как мои мозги брызнут на растрескавшийся грязный асфальт, она этого не заслужила. Точнее, я об этом не то чтобы подумал – этот образ просто мгновенно отпечатался целиком в моем сознании, словно кто-то невидимый и могущественный с размаху ударил в мозг почтовым штемпелем. И еще я успел сообразить, что, когда натянутую резину отпускаешь, она стремительно сжимается, больно щелкая тебя по пальцам...

Оглушительный грохот ударил меня слева по барабанным перепонкам. Нет, это не была пуля снайпера – приглушенный расстоянием звук выстрела догнал бы ее только через пару секунд после того, как я все-таки украсил бы мостовую содержимым своего черепа. И

это не был треск внезапно отпущенного мгновения, до того растянутого как резина, которое стремительно сжалось, снова вернув времени привычную скорость бега. Динка стояла рядом со мной, и в ее вытянутых вперед и вверх руках эффектно дымился «хай пауэр». Вот что это было.

Мое поле зрения снова перечеркнула тонкая огненная линия. Только теперь это была уже не игра мозга. Это была красная точка лазерного прицела того ублюдка, в которого стреляла Динка. Он дернул снайперкой, и уперевшийся в мой лоб лазер мазнул мне по глазам.

Ребята открыли огонь в том же направлении, по окнам соседнего многоэтажного дома, но моя подруга, прищурившись, уже опускала пистолет, не сделав второго выстрела. По-видимому, первого оказалось достаточно.

До нас через улицу докатился звон разбитого стекла. С пятого этажа вниз полетела модернизированная СВД с лазерным прицелом, которая с треском ударилась об асфальт. Следом за ней через пару секунд проследовал и хозяин. Стопроцентный зомби – одежда на нем уже здорово пообтрепалась и истлела. Он рухнул в крошечный палисадник перед домом и уже не поднялся.

Одновременно с Динкиным выстрелом кабаны взревели и бросились на нас. Резко развернувшись, Патогеныч, Муха и Вова обстреляли их из «калашей», с ходу положив на месте двух подсвинков. Енот и Бахчисарай тем временем сосредоточили огонь на одном из окон четвертого этажа – похоже, высунулся снайпер. Привстав с асфальта на одно колено, преодолевая режущую боль в глазах, я тоже ударил по кабанам; тут же с левой стороны ухнула снайперская винтовка Гуся, и какая-то тварь, вбитая выстрелом обратно в телефонную будку с мутными стеклами, из которой она только что выскочила, истошно завопила нечеловеческим голосом.

Енот, похоже, снял второго снайпера, потому что тоже перенес огонь на приближавшихся к нам огромными скачками кабанов. Бахча продолжал зигзагообразным веером лупить по окнам – то ли заметил кого-то еще, то ли просто для остротки, чтобы не вылезли остальные снайперы. Динка снова выстрелила, уже в здание с левой стороны, расколов еще одно стекло. Не уверен, правда, что на этот раз ей удалось в кого-нибудь попасть – возможно, просто померещилось движение в глубине комнаты или хлопнула на ветру распахнутая форточка.

Что касается меня, то перед моими глазами по-прежнему, уже в который раз за истекшие двое суток, плясала ослепительная огненная линия. Рубить твою пальму! Так недолго и вовсе без глаз остаться. Лазер, используемый в прицеле, конечно, безвреден для организма, но это все же узконаправленный пучок ослепительного света, способный здорово повредить чувствительную сетчатку. Ну его к монахам.

Кабаны атаковали нас с неистовостью камикадзе, но бродяги клали их на мокрый асфальт одного за другим. Секач почти добрался до нас, прежде чем перекувырнулся через голову и забился в агонии. Мутная кровь тварей разлеталась далеко по тротуару, хлестала крест-накрест по стенам домов и киосков. К тому времени, как светящаяся линия у меня перед глазами померкла, превратившись в сине-зеленую полосу, все еще мешающую смотреть, стадо прекратило свое существование. Лишь мелкие поросята, неспособные причинить серьезный вред человеку, в панике разбегались по переулкам.

Едва огонь стих, Патогеныч развернулся на каблуках и закатал Вове такую затрещину, что тот едва устоял на ногах.

– Я же велел следить за окнами! – прорычал ветеран. – В чем дело, боец?!

– Хемуль, ты в порядке? – озабоченно кинулась ко мне подруга.

Я все еще никак не мог проморгаться.

– Круто стреляешь, – выдал я. – Умница. Пожалуй, там, в «Штях», ты бы мимо меня с трех метров точно не промазала бы.

Енот с Мухой продолжали настороженно рыскать стволами по окнам. Стоявший за нашей спиной Гусь, думаю, делал то же самое.

– Не время... – надтреснутым голосом проговорил Енот. – Надо бы сначала отсюда свалить. Гнилое место... – Он щелкнул аптечкой и снова достал инъектор. Мешки под его глазами стали темнее и больше, глаза ввалились и лихорадочно блестели.

Мы снова двинулись вперед, не нарушая боевого порядка – словно оцетинившаяся копьями македонская фаланга.

Через пару кварталов мы свернули еще раз и догнали контролера. Сгорбившись и втянув голову в плечи, старательно передвигая негнущиеся ноги, он поспешно брел прочь от нас по середине улицы. Бегать эти твари не умеют.

Ну, разумеется. Только под руководством контролера твари Зоны работают в таком трогательном симбиозе. Видимо, мутант-интеллектуал неосторожно решил запастись свежим мясом, чтобы накормить свою команду, – а может быть, мы просто вторглись на его территорию, и он напал на нас со страху. Лучшая оборона – это нападение. Пока кабаны отвлекали наше внимание, зомби из снайперок положили бы половину отряда, если бы не Динка. Но слава Черному Сталкеру, это все-таки были зомби, манекены с нарушенной координацией движений и замедленной реакцией, а не темные снайперы или монолитовцы – живые люди уж точно не стали бы столько времени елозить по мне лучом лазерного прицела, а сразу вышибли бы мозги. В итоге обошлось без многочисленных летальных исходов с нашей стороны, как говорит в таких случаях один страус.

Контролер жалобно оглянулся через плечо. В спину ему смотрели девять стволов. Взять нас под контроль всех сразу у него силенок бы не хватило, и он понимал, что, если попробует сделать это с одним или двумя из нас, остальные тут же нашьпигуют его свинцом. Если же он попытается просто тихонько уйти, вполне возможно, мы его не тронем. Ведь он больше совсем не опасен для нас, он теперь хороший, он никому не угрожает и никого не трогает. Он очень хочет жить, и у него больше нет тварей, чтобы натравливать их на нас. Идите своей дорогой, большие, а он, маленький, пойдет своей...

Нет, настолько наш гуманизм не распространялся. Если он надеялся на это, то совершенно зря.

Поравнявшись с трупом контролера, изорванным автоматными очередями, я не удержался и носком ботинка повернул набок его огромную уродливую голову с непомерно разросшимся черепом, в котором с трудом помещались увеличившиеся в результате мутаций затылочные доли мозга. Единственная пуля, выпущенная Динкой, тоже попала в цель, прямо в громадную башку. Нет, моей девочке пальца в рот определенно не клади: отхватит начисто, с одного укуса, как та химера. Надо иметь в виду на будущее, если как-нибудь надумаю еще раз броситься на пистолет в ее руке.

Славная у меня подруга, ребята, честное слово. Даже не знаю, за что мне, тупому страусу, мясу радиоактивному, такое счастье.

Глава 14

Чертово колесо

Совсем рядом, за домами, виднелось медленно, почти неуловимо для глаза вращавшееся огромное колесо обозрения. Сорок лет вращается, между прочим. Хотя нет, врать не буду: вполне возможно, что оно вновь начало крутиться только после Второго взрыва на ЧАЭС. По крайней мере, оно движется все те годы, что я топчу Зону, а это уже немало. Медленно движется, вкрадчиво. Не надо на него смотреть дольше пары минут – начинает кружиться голова, перед глазами все плывет, хочется подойти поближе и разглядеть колесо повнимательнее. Но это никак не удается, мешает странная пелена перед глазами. Хочется подойти еще ближе, потом еще, наконец, сесть в одну из поскрипывающих кабинок, ощутить прохладный ветер высоты, окинуть город взглядом с высоты птичьего полета... Короче, Стервятник меня однажды спас, едва не прошибив голову уже у самой оградки аттракциона, и потом волок за шкуру почти до бара «Сталкер», потому что я все время мягко выворачивался из его хватки и пытался вернуться. Только на территории

темных я более или менее прочухался. А вот многим другим не повезло так, как мне, и теперь они описывают бесконечные медленные круги в пространстве, сидя на прогнивших деревянных скамеечках кабинок и бездумно глядя на город мертвыми глазами.

Собравшись на очередной военный совет, мы снова принялись яростно спорить. Единственный коридор между двух сплошных линий аномалий проходил прямо через чертов луна-парк. Мы с Бородой полагали, что риск слишком велик и надо вернуться, чтобы поискать другой путь. Патогеныч с Мухой считали, что возвращаться опаснее и что мы вполне сможем проскочить мимо колеса обозрения, поскольку знаем точно, чего от него ждать и чего следует остерегаться. Что касается Енота, то ему стало совсем хреново и он готов был присоединиться к большинству. Борода стоял насмерть, но я вскоре сдался: мысль о том, что придется вернуться в ту часть города, где сидят в засадах снайперы-зомби, мне страшно не нравилась. За себя я особо не беспокоился, но возможность мгновенно потерять Динку вызвала у меня сосущую пустоту в груди. К черту; спасти ее от колеса у меня, по крайней мере, имеются неплохие шансы, а вот от выпущенной из снайперской винтовки пули я ее уберегу вряд ли.

В результате Бороде пришлось смириться с большинством. На самом деле пройти совсем рядом с колесом обозрения и не поддаться его гипнозу достаточно просто, если точно знать, в чем дело и какие следует принять меры предосторожности. Так что совсем не факт, что идти вперед было опаснее, чем назад.

Растянувшись в цепь, мы двинулись через луна-парк боком, короткими приставными шагами, повернувшись к колесу спинами. Нападения с той стороны можно было не опасаться: ни один мутант близко не подойдет к территории, на которую хотя бы падает тень чертова колеса. А само оно ходить, к нашему великому счастью, не умеет. На всякий случай мы еще накинули капюшоны сталкерских курток: в случае чего достаточно будет малейшего движения головы, чтобы заслонить краем капюшона дьявольское гипнотизирующее кружение.

Впрочем, в том направлении, куда мы оказались обращены лицами, тоже имелось на что посмотреть. Из-за полуразвалившейся деревянной оградки, расписанной поблекшими от времени и непогоды, едва угадывающимися клоунами и цирковыми лошадами, доносились непрерывное механическое жужжание и лязг.

– Здесь тоже нет людей, – тихо проговорил я. – Рекомендую не слишком увлекаться зрелищем.

На продолжавших работать аттракционах катались мертвые дети. По крытой арене кружили электрические автомобильчики, которые время от времени сталкивались: тогда сидевшие за рулем мумифицированные трупы резко наклонялись вперед. Перед ареной лицом вниз лежал труп мужчины в синем рабочем комбинезоне.

– Они ездят все эти годы? – помертвевшим голосом спросила Динка.

– Похоже на то, – негромко отозвался я. – Некоторые мумифицировались, а некоторые выглядят так, словно сели на карусель пять минут назад и уснули. Их тела почему-то совершенно не разлагаются.

– Черт... – прошептала подруга. – Может быть, они действительно спят? Летаргическим сном?..

– Не рекомендую проверять, – буркнул я. – Некоторые уже пытались... Трупов тех, кто пытался, уже не видно – они обычно рассыпаются в пыль через год-другой.

Невысокие американские горки для самых маленьких назывались «Гусеница». Паровозик с несколькими вагончиками действительно напоминал гусеницу с веселой мордашкой. Она на мгновение замерла у посадочного помоста, затем раздался предупредительный звонок, и состав начал медленно подниматься на горку, чтобы начать стремительный спуск с высшей точки рельсового полотна.

– Там же полно ребятишек... – потерянно бормотала Динка. – Но ведь так не бывает. Даже в выходные дни и праздники карусели в таких периферийных луна-парках никогда не заполнялись целиком. Их охотно гоняли, если занимали мест пять-шесть...

– Ага, – мрачно кивнул я. – Сначала их было немного. Потом стало прибавляться. Этот луна-парк каким-то образом заманивал оставшихся в Зоне детей и убивал их. Заманивал и убивал до тех пор, пока были места на каруселях...

– Черт, черт, черт, – механически повторяла Динка, не в силах оторвать зачарованного взгляда от ужасной картины.

И опять же: не уверен, что эти дети остались здесь после первого взрыва на ЧАЭС в восемьдесят шестом году. Наверняка нет. Тогда тут не творилось таких диких вещей, необъяснимое началось двадцать лет спустя... Однако во времена второго взрыва в тридцатикилометровой чернобыльской зоне детей уже давно не было, и никто из них не мог в то время кататься на аттракционах этого заброшенного луна-парка. Вот как хочешь, так и понимай ситуацию. Может быть, мертвые дети на каруселях – это просто еще одна иллюзия, создаваемая притаившейся где-то за оградой неведомой тварью-гипнотизером? Возможно. Проверять не стоит в любом случае. Им уже все равно не помочь. Во всяком случае, никого из нас прокатиться на «Гусенице» не тянуло, и ладушки.

Некоторое время мы брели вперед в глубоком молчании.

– Не нравится, подруга? – нервно усмехнулся я. – Добро пожаловать в Зону. Здесь можно увидеть еще и не такое.

Динка угрюмо безмолвствовала.

– В Центральный дом художника в Москве как-то привозили выставку Жана Тэнгли, – нарушил мрачное молчание Борода, шедший передо мной. – Кинетические объекты – знаете? Собранные из всяких железяк и хлама изуродованные машины самых фантастических форм двигались и скрежетали, приводимые в действие скрытыми моторчиками. Они походили на механических бомжей, на зомби мира машин, выползших из каких-то кибернетических могил, выбравшихся из груды лома на кладбище старой техники. Это было смешно и страшно одновременно. Казалось, что ночами эти нелепые и ужасные кинетические объекты работают сами по себе в пустом зале – ни для кого. И еще казалось, что по ночам их никто не охраняет, потому что остаться один на один с этими безобразными, безумными, адскими механизмами для любого сторожа значило обречь себя на кошмарную смерть... – Он прочистил горло. – Это место вызывает точно такие же ассоциации...

Ишь ты, интеллигенция. Как завернул-то.

– Сейчас вся Зона – один огромный кинетический объект Жана Тэнгли, – негромко сказал я.

Шедшая за мной Динка, выкручивая шею, с изумлением рассматривала огромное дерево, мимо которого мы двигались, – странное дерево, взломавшее асфальт и проросшее прямо посреди дороги. То есть дерево было самое обыкновенное, я не знаю, как оно называется, хотя подобных деревьев полно и в Зоне, и в Харькове. Вот только они не прорастают через асфальт. И на обычных деревьях не растет таких странных плодов. Они напоминали полупрозрачные фиолетовые носки, наполненные какой-то отвратительной на вид полужидкой массой и развешанные низко на ветвях. Динка шагнула ближе и содрогнулась, увидев, как изнутри одного плода что-то торкнулось – то ли сердце, то ли личинка.

– Не следует приближаться в Зоне к подозрительным предметам, – строго проговорил я, оттаскивая красавицу в сторону. – Никогда не знаешь, какой окажется радиус поражения у той или иной дряни.

Шедший впереди Муха внезапно остановился, затормозив всю нашу цепочку.

– Тупик, братва! – объявил он. – Можно курить.

Патогеныч подошел к нему, и они снова принялись обсуждать дальнейший маршрут. Я посмотрел на свой датчик аномалий. Да, похоже, дальше нам никак не пройти. Сплошная полоса мясорубок злорадно потрескивала поперек нашей трассы. Я вертел электронную карту так и этак, но прохода в аномальном поле, похоже, не было. Разве что двинуть напрямик под колесом обозрения, но проще уж сразу приложить дуло автомата к голове и нажать на спуск. Необходимо было найти другую дорогу.

Я устало утер пот со лба. Да что ж сегодня за день такой. Давно такого не было – чтобы после выброса возникло столько сплошных аномальных полей. Нет, конечно, не раз бывало, что я застревал в Зоне на несколько дней, заблокированный в каком-нибудь глухом углу сместившейся линией сросшихся аномалий. Но столько этих линий за один день мне видеть не доводилось. Фактически мы от самого Рыжего леса брели по непрерывному извилистому лабиринту, образованному аномальными полями.

– Все назад! – внезапно скомандовал Патогеныч, неловко пятясь и не сводя взгляда со своего ПДА. – Эта дрянь поползла!

Быстрое смещение аномального поля – тоже штука распространенная, однако она редко происходит в присутствии сталкеров. Обычно же цепочки ловушек ползут очень медленно, незаметно для человека. Почти не бывает такого, чтобы смещение поля можно было обнаружить невооруженным глазом. Выходит, нам сегодня повезло присутствовать при редчайшем феномене Зоны. Думаю, многие научники дорого бы дали, чтобы оказаться на нашем месте, вот только нам этот феномен сейчас на фиг не сдался.

Мы начали медленно отступать в том направлении, откуда пришли. Мать твою двадцать, выходит, зря смертельно рисковали, пробираясь у самого чертового колеса. Ну что ж, хотя бы попробовали...

А вот Динка не сдвинулась с места. Точнее, она попыталась шагнуть, однако не сумела оторвать ноги от земли, пошатнулась и едва не растянулась во весь рост.

– Хемуль! – испуганно проговорила она. – Я прилипла!

Я бросился к ней. Быстро обвел ее со всех сторон датчиком – тишина. Торопливо достал болт, уронил подруге под ноги – и болт тут же юркнул за ее ботинок.

Надо же, как не вовремя-то.

– Шагнуть можешь? – спросил я, чувствуя, как черная паника медленно поднимается из глубины сознания. – Попытайся!

Динка не ответила, но по тому, как затрещали ботинки покойного Мармелада, по тому, как напряглось ее посерьезневшее лицо, я понял: пытается изо всех сил.

– Ты что же, – безнадежно сказал я, – не чувствовала, как тебя приковывает?..

– Я думала, от усталости ноги гудят! – Динка перепугалась не на шутку. – Откуда же я знала?!

– Двигаемся, ребята, – подогнал нас Патогеныч, отступая мимо нас и не отрывая глаз от датчика аномалий. – Не стоим, двигаемся, двигаемся...

– Патогеныч, – с трудом произнес я, – у нас серьезная проблема.

Жадинка – это крошечный гравиконцентрат. Ее практически невозможно определить датчиками. Ведет себя как та сорока: стаскивает к себе весь мелкий мусор, до которого только может дотянуться, причем когда переползает на новое место, с собой его не забирает, теряет к нему всякий интерес. Крупный предмет, попавший в зону ее воздействия, жадинка понемногу приковывает к земле: чем дольше на него воздействует, тем сильнее приковывает. Цепко удерживает захваченный предмет на одном месте от нескольких часов до пары дней, после чего либо рассасывается, превращаясь в артефакт «волчьи слезы», либо смещается на новое место, освобождая предмет от своего воздействия, либо понемногу превращается в полноценную гравиконцентратную плешь. В общем, паскудная, но вполне безобидная по сравнению с другими аномалиями. В течение нескольких минут способна приковать к земле человека, но если через нее, допустим, пройти прогулочным шагом, ей не хватит времени даже чуть-чуть затормозить тебя. Пройдешь и вообще не заметишь, что преодолел аномалию. Если стоять прямо на жадинке, но при этом высоко поднимать то одну, то другую ногу, она тоже совершенно бессильна. Короче, скорее местный казус, чем серьезная угроза.

Но Динка ухитрилась превратить казус в угрозу, влипнув обеими ногами неподалеку от ползущего прямо на нее аномального фронта.

Я кретин, конечно. Должен был предупредить. Предусмотреть, в конце концов. Но тогда уж следовало читать ей полномасштабную многочасовую лекцию об опасностях и ловушках Зоны. И две строчки про жадинку наверняка оказались бы в этой лекции в

самом-самом конце. Кто же мог предположить, что моя подруга остановится точно на крошечном пятачке гравиконцентра-недомерка и простоит на нем достаточное количество времени, даже не переступив ногами?! Вероятность этого была настолько мизерной, что даже в голову мне не пришла.

Патогеныч смотрел на Динку и медленно менялся в лице. Сообразил, похоже.

– Куда ж ты глядел, сучье мясо... – прошипел он, переведя взгляд на меня. Однако молниеносно взял себя в руки. – Груз, живо!..

Какой там, к черту, груз! Я уже и без его команды стремительно обшаривал взглядом окрестности, но ничего подходящего вокруг не наблюдал.

Если человек влип в жадинку, совершенно не обязательно выжидать пару дней, когда она его отпустит – или убьет, став гравиконцентратной плешью. Можно попробовать перегрузить ее. Мы называем это «надорвать жадинку». Надо предоставить ей столько разного тяжелого груза, чтобы она, изо всех сил пытаясь его приковать, ослабила давление на человека, и тогда тот сможет вырваться из ее хватки. Порой для этого хватает нескольких кусков металлического швеллера или пары тридцатикиллограммовых рюкзаков, поставленных рядом с попавшимся в капкан бродягой; однажды, впрочем, надорвать одну настырную жадинку удалось только при помощи армейского джипа.

Вот только где же нам взять груз? Я судорожно озирался по сторонам. Мы застряли на совершенно пустой заасфальтированной дорожке между непрерывно двигавшимся дьявольским паровозиком-гусеницей и медленно вращавшимся колесом обозрения. Слева от нас торчал одинокий фонарь с разбитой лампой; завалить его мы не смогли бы при всем желании, да и времени не было. Метрах в пятнадцати скамейка, тоже попробуй еще выверни ее из асфальта; чугунная урна; дерево с фиолетовыми плодами... Все не то, не то!..

Патогеныч оглушительно свистнул, наши вскинули головы.

– Динка в жадинке! – гаркнул он. – Груз, бродяги!

Муха принялся хищно озиаться, как и я. Отмычки Бороды и сам Борода начали скидывать с плеч тощие рюкзаки, но Патогеныч сморщился: мало. Совсем мало. Можно было бегом вернуться ко входу в луна-парк и натаскать кирпичей из полуразрушенного забора, но полоса мясорубок, потрескивая, продолжала неумолимо ползти в нашу сторону. Времени у нас не было. Если веса кирпичей, собранных за пару ходок, не хватит, Динка умрет в течение десяти минут.

Выход оперативно нашел Енот. Он вдруг порывисто шагнул к Динке и с воплем «Делай – раз!» крепко обнял ее, тесно прижав к себе. Красавица моя высотой почти с меня, а Енот ростом не удался, поэтому лицом он пристроился аккуратно между ее грудей. В защитном костюме ее славные бугорки, конечно, выделялись не настолько зримо и выпукло, как в рабочей одежде – кожаном топике, но все же, полагаю, прощупывались достаточно хорошо. Мне бы следовало, по большому счету, убить мелкого паршивца на месте или хотя бы слегка подправить ему внешний вид, как некогда бармену Джо, однако я, разумеется, не стал этого делать. Потому что на самом деле Енот занимался тем, чем сейчас следовало бы заниматься мне, – спасал мою подругу.

Патогеныч тут же уловил его мысль и – «Делай – два!» – приник к моей девочке со спины, облапил медвежьей хваткой и ее, и Енота. Стиснул обоих так, что кости захрустели.

– Ногами можешь двигать? – рявкнул он.

– Нет! – пискнула полузадушенная Динка, отчаянно дергая коленками.

Мало груза.

Я шагнул к ним, обхватил приятелей за плечи, плотно прижался к ним. С неосознанной ревностью раздвинул их тела, стремясь хотя бы чуть-чуть прикоснуться к своей девочке. Пятачок жадинки может оказаться не больше полуметра в диаметре, и всем нам непременно надо оказаться на нем, чтобы аномалия наверняка заинтересовалась новыми тяжелыми предметами, появившимися в зоне ее действия.

– Мать вашу, бродяги! – гаркнул Муха. – У вас там что, оргия?!

– Груз! – отозвался Патогеныч. – Иди сюда, родной, ты нам позарез нужен. Сколько

весишь, груз?

Муха встревоженно посмотрел на датчик аномалий. Прикинул что-то в уме.

– Вот вы клоуны, – проговорил он, обреченно двинувшись в нашу сторону. – Всех ведь разом накроет...

– Каркай больше! – возмутился я.

Динка змеей извивалась в центре толпы, пытаясь оторвать от асфальта хотя бы одну ногу.

Подлетел Гусь, опередив его, рыбкой нырнул в общую кучу-малу. Рядом с ним вписался Борода. Взвыл Патогеныч, которому москаль от души оттоптал ногу.

– С двух сторон поджигает, – сообщил нам Борода последние новости, которые поведал ему детектор аномалий. – Аномальное поле не только оттуда ползет – с другой стороны тоже, идет клином. Выдавливает нас к колесу. Как специально все, ей-богу!

– Динка, ты как? – поинтересовался я.

– Никак, – уныло отозвалась красавица из центра столпотворения.

– Ну-ка, дай-ка я... – Патогеныч обхватил ее под мышками и сильно потянул вверх. Динка застонала. – Нет, бесполезняк. Муха, твою мать, где ты там?!

– Да здесь я, здесь, – отозвался тот, поддав мне плечом в позвоночник.

Со стороны это, наверное, выглядело как регбийный матч: несколько сопящих потных мужиков, пихающихся и налезавших друг на друга на небольшом пятачке пространства. А девушка... Девушку в их гуще и не видно почти.

Еще мне пришла в голову мысль о групповом изнасиловании, только она мне совершенно не понравилась.

Груза по-прежнему было мало. Хотя пора бы, давно пора бы уже было жадинке конкретно надорваться. Но она упорно цеплялась за Динку, не выпуская ее из своей мертвой хватки, – и между прочим, медленно, но верно приковывала к месту бродяг, пришедших ей на выручку. Так что если бы мы даже решили сейчас бросить подругу на произвол судьбы и брызнуть в разные стороны, вырваться удалось бы только подоспевшим последними Мухе с Бородой, да и то не факт. Увы, ближе к центру Зоны аномалии становились все более мощными и коварными. Например, встретить на Милитари птичью карусель метров двадцати в диаметре – вовсе не чудо.

Полоса мясорубок мерцала уже в нескольких метрах от нас.

– Бахч! Вова! – надрывался Борода. Он стоял спиной к своим отмычкам, и ему не было видно, чем они занимаются. – Ко мне, живо! Шкуру спущу!..

А вот я видел и того, и другого. И не разделял оптимизма Бороды.

Бахчисарай, уже метрах в двадцати от нас, продолжал медленно отступать в ту сторону, откуда мы пришли. Вид у него был жалкий, нижняя губа дрожала. Понятно; для чего ему рисковать ради чужой шкуры, когда своя ближе к телу? Ожидать от него помощи, похоже, было бесполезно. А Вова неподвижно стоял неподалеку от нас. Только от него помощи тоже можно было не ждать, потому что он стоял лицом к колесу обозрения и, запрокинув голову, словно зачарованный, смотрел, как оно неуловимо вращается в вышине.

Имею ярко выраженное дурное предчувствие, как говорит в таких случаях один страус.

И ведь как обидно: жадинка почти перегружена, она и так уже держит гораздо больше, чем способны удерживать ее сестренки. Ткни только – и лопнет.

– Вова! – заорал я. – Не смотри туда, кретин! Гусь, скотина, ты передал ему, что он может попасть под колесо?!

– Передал, – пропыхтел Гусь у меня за спиной. – В подвале еще...

К сожалению, предупреждения Черного Сталкера не всегда бывают четкими и однозначными. Иногда это слишком расплывчатые оракулы. Не сразу и поймешь, о чем речь.

– Вова! – крикнул Борода, расширенными глазами глядя, как понемногу подползает к нам аномальное поле. Совокупный заряд сросшихся боками мясорубок, двигавшихся в нашу сторону, мог бы мгновенно испепелить еще пару таких же групп, как наша. – Брат, слушай меня! Борись с этой дрянью! Просто чуть поверни голову, прикрой глаза краем капюшона!..

– Летать... – прошептал Вова.

Не обращая внимания на наши истошные вопли, он медленно, подволакивая ноги, двинулся вперед, к колесу. Я с тихим отчаянием смотрел, как он перелезает через невысокую оградку.

Полупридушенная Динка чуть повернула голову, коснулась моего лица щекой.

– Хемуль, – пробормотала она, ластясь, как кошка, – я люблю тебя, падла... Прости меня за все... Прости, что все вот так вышло...

– Я тебя тоже очень люблю, красавица, – отозвался я, – но давай не умирать раньше времени!

– Хотя бы кто-нибудь анекдот рассказал, что ли... – тоскливо произнес Муха. – Долго еще?

– Минуты четыре, – откликнулся Патогеныч. – Судя по скорости подползания. Может быть, споем напоследок?

– Иди к черту! – огрызнулся Борода. – Енот, хорош пихаться!

– Ты что – нервничаешь? – удивился Патогеныч. – Умереть в Зоне, мгновенно, прижавшись к прекрасной женщине, в окружении лучших друзей – о чем еще может мечтать вольный сталкер?! По-моему, тебе совершенно необходимо за оставшееся время жизни постичь Дао...

– Ладно, споем, – прервал его Муха. – А на этой скамье, – заунывно затянул он, – на скамье подсушимых...

– Бахч! – снова заорал Борода. – Бахча, щучий сын! А ты подумал, как из Зоны один выбираться будешь, когда нас всех насмерть долбанет?!

Бахчисарай остановился в нерешительности. И похоже, этот аргумент возымел действие. Беспомощно оглянувшись на почти уже захлопнувшуюся за его спиной ловушку, отмычка посмотрел на нашу толпу, перевел взгляд на колесо, тут же, словно обжегшись, отвел взгляд, снова посмотрел на нас... Затем, не рассуждая больше ни мгновения, поддавшись мгновенному порыву, бросился к нам и с разбегу врезался в спину Бороде.

Жадинка крикнула и надорвалась.

От толчка стоявший с противоположной стороны Муха пошатнулся, сделал два шага в направлении подползающей линии аномалий и замер на самой ее границе, судорожно балансируя руками; я дернул его на себя за шкурку. Наша группа рассыпалась, больше нас ничего не удерживало. Енот от Динки так и не отлип, поэтому мне пришлось отдирать его за шкурку.

– Фашист! – хрипло простонал Енот. – Я ведь мечтал об этом несколько лет!..

– Пошутите мне еще! – свирепо зашипел я. – Уши оборву!

Патогеныч с Бахчем уже бросились к стремительно исчезающему проходу в сплошной линии аномалий и едва успели затормозить: он схлопнулся прямо перед их носами.

– В стороны! – заорал Борода, прикидывая на глазок расстояние до цепи мясорубок.

– Что собрался делать? – насторожился Патогеныч.

– Прорываться, естественно. – Борода сосредоточился на датчике аномалий, начал что-то прикидывать. – Как только разряжу мясорубки, сразу следом за мной, поняли, радиоактивное мясо? След в след!

Патогеныч молча кивнул. В общем, тут даже дискуссии были ни к чему: только у Бороды имелся достаточно крутой защитный комбез, чтобы выдержать мощный электрический разряд. Другой вопрос, что даже его защиты вполне могло не хватить. Однако москаль сознательно шел на то, чтобы исполнить роль камикадзе: когда стоит вопрос, умереть в большой компании или умереть одному, чтобы спасти всех, нормальный бродяга обычно долго не раздумывает.

Тем более что и шансы выжить у него имелись.

Я покосился в сторону чертова колеса. Вова уже поднялся на помост, с которого осуществлялась посадка, и, неловко переступая непослушными ногами, приближался к движущимся кабинкам. Сорвав с плеча автомат, я коротко прицелился и выжал спуск. Пуля

ударила отмычку в предплечье, развернув его почти на девяносто градусов. Бесполезно: даже мгновенная сокрушительная боль не смогла его протрезвить. Он снова повернулся лицом к колесу и продолжал двигаться вперед, словно лунатик. Необходим был кто-то здравомыслящий, кто смог бы оттащить его назад.

Почувствовав нарастающее головокружение, я поспешно отвернулся. Все, забыли о Вове. Нету больше никакого Вовы. Если я перелезу следом за ним через оградку, вместо одного трупа у нас будет два. Проехали.

– Борода, – негромко проговорил Патогеныч, – не надо бы тебе...

– Варианты? – отозвался тот.

Патогеныч умолк, глядя на медленно сужающийся круг чистого пространства, в котором мы стояли.

Борода убрал датчик аномалий, ткнул пальцем:

– Вот тут попробую. Вроде бы потоньше...

– Хорошей работы, бродяга, – сквозь зубы проронил Муха.

– На той стороне встретимся, – отозвался Борода. – Все готовы? Тогда поехали!..

Взяв короткий разбег, он кинулся прямо на аномальный фронт – и мы, отпустив его метров на пять, бросились следом.

Гигантская мясорубка, в которую стремительно влетел Борода, взорвалась ослепительной вспышкой, на мгновение впечатав черный силуэт москаля в наши сетчатки. Фиолетовая горизонтальная молния размером с грозовую наискосок пронзила пространство совсем рядом с нами, выбросила в разные стороны десятки кривых щупалец-протуберанцев, вонзившись в сырой асфальт. Оглушительный треск нестерпимо ударил по барабанным перепонкам. Бороду подбросило, как на противопехотной мине, и он по инерции кувырком полетел вперед, а мы промчались следом за ним через мгновенно разрядившуюся и теперь несколько мгновений безопасную электрическую аномалию диаметром метров в шесть. В спину отступавшему последним Мухе мясорубка все-таки плюнула остаточным разрядом, накопленным за несколько мгновений после большого бума, но комбинезон ССП надежно защитила его от электрического поражения.

А потом мы бежали к выходу из адского луна-парка, спасаясь от наползающих на нас с двух сторон аномальных полей. За нашими спинами остался лежать на асфальте дымящийся труп Бороды – первый разряд, который спровоцировал москаль, оказался ужасающим и пробил нашего приятеля насквозь вместе с защитным костюмом. Мы бежали к выходу, а аномальные поля позади нас сдвигались друг на друга под острым углом, словно застегивалась гигантская молния, и клин чистого пространства перед нами стремительно сужался, готовый вот-вот захлопнуться. Тем не менее нам удалось вырваться за забор раньше, чем вся территория луна-парка превратилась в сплошное минное поле.

Здесь мы остановились, тяжело дыша. Мне страшно хотелось обернуться и в последний раз посмотреть на Бороду, пожертвовавшего жизнью ради нашего спасения, но позади было чертово колесо – медленно, гипнотически медленно вращавшееся в туманной вышине. Где-то в одной из его кабинок возносился сейчас в небеса отмычка Вова.

– Вот так, стало быть, – пробурчал Патогеныч. – Хорошо хоть не мучился... Ладно, пошли, пошли, бродяги! Чего встали?

Правильно. Сначала дело, скулить потом. Поскулить прекрасно можно и за стойкой бара «Шти», когда мы до нее доберемся.

И все же я чуть было не оглянулся.

Глава 15 Боров

Подавленные ужасной гибелью Бороды и Вовы, мы двигались по Мертвому городу в направлении Радара – обратно, откуда пришли. На Динке вообще лица не было. Выжившие малолетки тоже приуныли: москаль был для них отец и бог. А мы ведь даже не сумели его

похоронить по-человечески. Не имели возможности. В общем, численность и моральный дух нашего отряда после вылазки к колесу обозрения серьезно упали.

Ведущим снова шел Патогеныч. Время от времени он пытался увести отряд в сторону, но открывавшиеся в аномальных полях проходы неизменно заканчивались тупиками, и нам приходилось отступать все дальше и дальше к Рыжему лесу. Мы с Мухой, двигаясь с двух сторон от отряда, контролировали выходявшие на нашу улицу окна, чтобы снова не нарваться на снайперскую засаду.

Енот уже едва переставлял ноги. Лицо его приобрело землистый оттенок, круги под глазами потемнели и стали фиолетовыми. Бродягу здорово знобило. Сухо закашлявшись на очередном перекрестке, он снова потянул из рюкзака аптечку. Глянув в его сторону, Муха поспешно шагнул к нему и перехватил его руку с инъектором.

– Ты уже сколько сделал? – Енот лишь молча покачивался взад и вперед, поэтому приятель потряс его за грудки. – Хемуль, сколько инъекторов этот ублюдок уже себе вкатил?

– А? – Мне сейчас было не до этого. Я смотрел в сторону соседнего здания и никак не мог решить, расколото стекло в одном из окон или кто-то за ним притаился. – Два, кажется...

– Два! – Муха вырвал у Енота инъектор, швырнул в сторону. С размаху хлестнул приятеля тыльной стороной ладонью по скуле. – Ты что, урод, сдохнуть хочешь? Терпи!

Короче, убив полдня и потеряв двоих бойцов, мы вернулись в исходную точку – Рыжий лес. Север Мертвого города был намертво отрезан аномальными полями от южных территорий, прохода мы так и не нашли. Такое после выбросов случалось довольно часто. Значит, так или иначе придется выбираться из Зоны через Болото или уровни, лежащие к северо-востоку от него. Выходит, прав был Варвар, сразу направившийся в другую сторону. Чутье.

Енота внезапно мотнуло в сторону, и он упал на одно колено. Муха бросился к нему, поддержал:

– Ты как, братишка?..

Енот только хрипел. На него было страшно смотреть. Губы у него распухли и почернели, глаза стали красными от полопавшихся капилляров.

– Надо бы его к Болотному Доктору, – озабоченно сказал Патогеныч, оттянув Еноту нижнее веко. – Органическое поражение, точняк. Загнется, пока доберемся до Периметра.

– Ясное дело. – Муха захлестнул руку приятеля за свою шею, выпрямился. – Народ, еще один человек нужен. По Болоту я его один не дотащу...

Патогеныч с досадой мотнул головой.

– Извини, брат, нужно, чтобы с ними хотя бы еще один ветеран остался. Видишь, какая фигня творится. Всякое может быть.

– Я. – Гусь двинулся к Мухе, забрасывая снайперку за спину. Молодец, бойкий все-таки парнишка. Не раз показал себя сегодня с лучшей стороны. Возможно, он просто не представляет толком, насколько это опасно – идти на Болото, но в любом случае молодец. Уважаю. Может быть, теперь, когда Бороды нет и команды Бороды тоже нет, стоит к нему присмотреться повнимательнее... Циник я, аж самого тошнит, как говорит в таких случаях один страус.

Однако Муха остановил Гуся жестом.

– Бахча, иди сюда.

Бахчисарай покорно поплелся к нему. Я бы не удивился, если бы узнал, что Муха выбрал именно его, потому что решил наказать за проявленную у чертова колеса трусость, едва не стоившую нам всем жизни. Впрочем, у моего приятеля могли быть свои соображения.

– Это твой новый ведущий, сынок, – любезно пояснил Патогеныч. – По крайней мере, до тех пор, пока вы не выберетесь за Периметр. Очень рекомендую выполнять все его приказы, потому что один ты с Болота сто процентов не выберешься. Береги его. Впрочем, сам все знаешь, не маленький.

Бахч нырнул под вторую руку Енота, который уже с трудом удерживал голову

вертикально.

– Муха, не забывай про железнодорожную насыпь и посмотреть направо, – напомнил Патогеныч. – На болоте вам придется перелезть через рельсовое полотно...

– Помню, не дурак, – проворчал Муха. – Но спасибо. Посмотрим, чего там...

– Енот, – сказал я, положив руку на плечо приятелю, – постарайся доехать до Доктора, маленький ублюдок. Ради меня, слышишь?

– Хемуль, – он поднял на меня расфокусированный взгляд, тяжело разлепил сухие губы, – доведи ее до Периметра. Постарайся как-нибудь. Не доведешь – я к тебе по ночам в белых тапочках ходить стану... – Он надсадно закашлялся.

Динка приблизилась к нему, поцеловала в щеку.

– Давай, Енот, – хрипло сказала она. – Поправляйся, мясо. Я потом как-нибудь персонально для тебя станцюю в «Штях». Прямо на твоем столике.

– Круто, подруга, – пробормотал Енот, утомленно опуская голову. – Это того стоило...

– Все, потащили! – забеспокоился Муха. – Хватит терять время!

И они с Бахчисараем поволокли пострадавшего коллегу в сторону Болота.

– Муха! – крикнул я им в спину. – Ты знаешь что, спроси-ка у Доктора...

– Что? – отозвался Муха, не дождавшись продолжения.

– Нет, ничего, – сказал я. – Привет передай от Хемуля.

– Ладно.

Мы с оставшимися бродягами и Динкой свернули влево, где Патогеныч обнаружил широкий проход между аномальными полями. Наш отряд стремительно рассасывался, а ведь нам еще необходимо было как-то добраться до Периметра через нижние уровни, после выброса наверняка превратившиеся в настоящие полосы препятствий для спецназа. И не следовало забывать, что Динкой кто-то по-прежнему очень сильно интересуется – кто-то, обладающий весьма впечатляющими способностями. Нам, похоже, удалось окончательно сбить преследователя со следа после выброса, однако на маршруте нас еще вполне могли ожидать увлекательные сюрпризы.

Я уже начал жалеть, что передал привет Доктору. Мы ведь сейчас не так далеко от Болота. Не дай бог вычислит, где мы, и вышлет погоню. На самом деле мне жутко хотелось задать ему вопрос: какого черта, уважаемый? Для чего ты затеял эту странную игру? Посоветовался бы со мной, глядишь, и нашли бы какой-нибудь более разумный выход...

Когда я услышал позади тяжелый топот и земля под ногами начала содрогаться, я вначале подумал, что мои опасения оправдались. Однако вряд ли Муха с Бахчисараем, тем более нагруженные Енотом, смогли добраться до дома Болотного Доктора за четверть часа. Это не были слуги Доктора, на самом деле это был дикий гон – обезумевшее стадо кабанов и собак, вывернув из-за холма, со страшной скоростью устремилось к нам, растянувшись по всей ширине коридора между аномальными полями. Вздывая брызги жидкой грязи, мутанты мчались прямо на нас, словно несокрушимая армия крестоносцев в каком-то древнем фильме. Время от времени какая-нибудь оказавшаяся на краю гона слепая собака, получив случайный тычок от стремглав мчащейся соседки или обезумевшего в толпе секача, вылетала за пределы трассы и либо оказывалась моментально сплюсненной, если попадала в длинную гряду сросшихся боками гравиконцентратных плешей справа, либо с фейерверком и грохотом запекалась до аппетитной коричневой корочки в растянувшейся слева линии электромясорубок.

Пытаться бежать от стада мутантов, когда не знаешь, какая дрянь поджидает тебя впереди, через пару десятков метров, даже не смешно. Лучший способ спастись от гона – это уйти с дороги, увернуться от него: неведомо чем перепуганные и взбудораженные животные пронесутся мимо со скоростью локомотива, не отвлекаясь на такие пустяки, как вкусно пахнущий сталкер. Однако у нас с бродягами не было возможности покинуть трассу мчавшихся сломя голову озверевших монстров. Оставалась единственная возможность: встретить звериную толпу плотным огнем из четырех стволов. На моей памяти были случаи, когда группе опытных бойцов удавалось рассеять гон и заставить обезумевших мутантов,

понесших серьезные потери, отвернуть в сторону. Вот только патронов у нас для такой операции после целого дня приключений оставалось, прямо скажем, не густо, а кабаны все вылетали и вылетали из-за холма, бросаясь вслед за своими собратьями, которые уже преодолели половину пути до нашего замершего на месте отряда.

В общем, выбора у нас не оставалось. Подпустив зверье метров на триста, чтобы не расходовать зря драгоценные патроны, мы открыли стрельбу из автоматов и снайперской винтовки. Динка держала «хай пауэр» наготове, но так пока и не сделала ни одного выстрела, понимая, что для пистолета это слишком большое расстояние, чтобы надеяться всерьез подстрелить кого-нибудь. Срубленные прямыми попаданиями крупные кабаны кувыркались через головы прямо под ноги набегавшим собратьям, вызывая среди них переполох и толчею. Отчаянно прорываясь через завалы барахтающихся тел, чернобыльские псы спотыкались, оскальзывались, шарахались в разные стороны и попадали в аномалии, щедро окроплявшие толпу их нечистой с прозеленью кровью. В нескольких местах между попавшими в неистовое столпотворение мутантами возникла отчаянная грызня насмерть. Припять-кабаны поддевали на клыки слепых собак и швыряли их влево и вправо, чернобыльцы бросались на соседей, до живого мяса располосовывая друг другу облезлые бока и мохнатые холки. Тем не менее стремительный поток зверья, то и дело закручиваясь в возникающих из-за нашей стрельбы водоворотах, все же неудержимо несся прямо на нас; нам удавалось только задержать его продвижение, но не остановить совсем.

Долго держать стрельбу в таком темпе мы не могли. Первой замолчала снайперка Гуся. Отмычка инстинктивно попытался броситься в обратную от надвигавшейся армии монстров сторону, но через несколько метров замер как вкопанный: похоже, ему показалось, что прямо по курсу он разглядел гравиконцентрат. Потом захлебнулся автомат Патогеныча, и мой приятель, свирепо трясая бородой, напоследок угостил противника оставшимися выстрелами из подствольника, разнеся в клочья нескольких тварей и ранив еще десятка полтора. А через пару секунд иссяк и мой последний магазин. И когда мы принялись забрасывать приблизившихся мутантов ручными оборонительными гранатами, отчетливо осознавая, что получаем отсрочку лишь еще на несколько секунд, в набегавшую толпу прицелилась Динка: это уже совершенно ничего не могло изменить, но она все же планировала прихватить с собой на тот свет еще парочку мерзких мутировавших тварей, прежде чем остальные сотрут нас в порошок. Молодец девочка, настоящий боец.

Отгремели последние взрывы, вырвавшие из толпы целую стаю слепых псов и посекавшие осколками троих кабанов. Еще несколько мгновений слышались только несмолкаемый усиливающийся грохот десятков копыт и лап, тяжелое дыхание, рев и жуткие завывания умирающих. Перекошенные свирепые морды уродливых существ, летевших прямо на нас, стремительно приближались. Однако мозг отказывался верить, что через несколько ударов сердца нас превратят в окровавленный фарш. Как это часто бывает со мной в такие минуты, внутри у меня не было ни страха, ни отчаяния, ни тоски – только предельная сосредоточенность. Я шагнул к Динке и порывисто обнял ее сзади, крепко прижав к себе.

Однако выстрелить ей так и не пришлось. Никто из нас не успел произнести ни одной из тех героических пошлостей, какие обычно произносят сталкеры перед лицом неминуемой смерти. Летевшая прямо на нас стена голодных глаз, распахнутых пастей, торчащих клыков и кривых когтей вдруг дрогнула и начала стремительно утормаживаться, недотянув до того места, где мы стояли, совсем немного. Задние еще ничего не поняли и продолжали напирать, но передние в неопишемом и необъяснимом ужасе уже тормозили копытами и лапами, сдерживая пихающихся позади собратьев и отчаянно пытаясь развернуться в обратном направлении.

Мы стояли и молча смотрели, как в десятке метров от нас колыхается значительно сбросившая скорость масса радиационных мутантов. Сообразив, что сразу остановить напирających сзади невозможно, первые ряды развернулись и остервенело набросились на задних, полосуюя их страшными когтями и клыками. Вскоре толпа остановилась совсем, колыхаясь, словно поверхность пруда под порывами ветра. А потом медленно, тяжело,

поначалу едва заметно, как набирающий ход поезд, а затем все быстрее и быстрее, отхлынула назад. Наконец огромной стае мутантов удалось развернуться, и они в панике бросились прочь от нас, оставив на вытопанной множеством ног дороге трупы своих родичей, пострадавших при обстреле.

Динка медленно сунула пистолет за пояс и высвободилась из моих объятий.

– Что происходит? – тихо спросила она в пространство.

– Я этого не понимаю со вчерашнего вечера, – пробурчал Патогеныч.

– Похоже, брат, они испугались твоей нестриженной бороды, – предположил я. – Решили, что это для них уже чересчур.

– Так что, двигаем дальше? – поинтересовался Гусь.

– Не думаю, – сурово произнес Патогеныч.

Из-за холма, за которым скрылись последние собаки дикого гона, появились люди – приземистые коренастые фигуры с массивными ногами-тумбами, внушительными бицепсами и головами, словно втянутыми в плечи. Такие гипертрофированные фигуры культуристов мне уже доводилось видеть в Зоне несколько раз: все шестеро были одеты в экзоскелеты, умопомрачительно дорогие армейские скафандры высшей защиты, которые можно пробить из «калаша» только в упор с нескольких метров. Такие иногда использовал для особо ответственных заданий спецназ военных сталкеров. И в руках у них были гаусс-винтовки – страшные бронебойные штуки, из которых пуля со ртутным сердечником в результате воздействия направленного мощного электрического разряда выстреливалась в несколько раз быстрее, чем при воспламенении пороховой смеси. Разработаны эти винтовки были после изучения некоторых феноменов Зоны. Разумеется, ходили слухи, что на базах «Долга», расположенных в верхних уровнях, хранится несколько списанных экзоскелетов, в которых бродяги клана порой совершают особо опасные вылазки в глубину Милитари и Диких Земель, а в баре «Сталкер» за совершенно неприличные деньги можно заказать гаусс. Однако, встретив глубже Агропрома больше двух человек сразу, экипированных подобным образом, можно не сомневаться: перед тобой безумные сталкеры из клана «Монолит», которые абсолютно всю прибыль от собранного хабара и проведенных операций тратят на покупку самого современного вооружения и спецоборудования. Их божество должно оставаться в неприкосновенности любой ценой.

– Они даже ни разу не выстрелили по мутантам, – негромко произнес Патогеныч, не отрывая взгляда от приближающихся монолитовцев. – Они на них даже внимания не обратили.

– Потому что работали в команде. – Уныло кивнув, я оглянулся через плечо – разумеется, с той стороны коридора, образованного двумя линиями аномальных полей, к нам неторопливо шагали еще четверо в скафандрах. – Хитро придумано. Сначала выпустили стадо быдла, чтобы мы по нему отстрелялись, а когда у нас закончились патроны, появились сами.

– В общем-то, выбора у нас все равно не было. – Патогеныч сплюнул. – Даже знай мы, в чем дело, сэкономить боеприпасы для монолитовцев не получилось бы. Тварей было слишком много.

– Почему они не стреляют? – напряженным голосом спросил Гусь. – Эти отморозки всегда без разговоров стреляют в чужих.

– Зачем им? – проворчал Патогеныч. – Они не для того заставили нас выпустить все патроны. Прикончить нас запросто можно было и из засады. Сейчас они спокойно подойдут и возьмут нас живьем, безо всякого риска. Тепленькими.

– Только скорее всего не всех... – задумчиво добавил я.

Динка блеснула на меня своими большими черными глазами. Снова перевела взгляд на приближающихся противников. Ясное дело, ее в расход не пустят. Ради нее-то все и затевалось. Я раньше никогда не слышал, чтобы монолитовцы умели повелевать животными.

Когда люди в экзоскелетах подошли ближе, тот, что шел первым, поднял защитный щиток на шлеме. Несмотря на то что оказалась видна только часть лица, я все же узнал его –

в том числе по приметному шраму поперек лба. Это был Боров, бродяга из нашего клана, пропавший без вести на Милитари полтора года назад. Болтун Гурвинек, пусть ему хорошо ложится, рассказывал как-то, что видел его в зеркальном пятне на Болоте. А оно, оказывается, вон что вышло.

– Привет, бродяги, – равнодушно произнес Боров, оказавшись прямо перед нами. Могу поклясться, что за последние полтора года это был единственный привет, адресованный им бродягам чужих кланов и при этом не содержащий бронебойного металлического сердечника. – Долго же вы возвращались от Мертвого города.

– Вы и про аномальные поля знали, суки, – проговорил я. – Что они не выпустят нас в нижние уровни.

– Конечно, – отозвался Боров. – Только слишком поздно получили ваши координаты – вы уже ушли из Рыжего леса. Но у нас времени полно. Просто дождались, когда вы вернетесь.

Повинуясь его властному жесту, безликие монолитовцы забрали у нас оружие. Двое небрежно растолкали нас, взяли Динку с двух сторон за предплечья, поволокли к боссу. Я дернулся было за ними, но Патогеныч ухватил меня за куртку и решительно потянул назад. Я неохотно подчинился: ударом бронированного кулака одетый в экзоскелет сталкер запросто может убить человека. Просто не рассчитать силу удара, которую значительно увеличивают мышечные усилители. Едва ли Динке чем-либо поможет то обстоятельство, что мне расколот череп прямо у нее на глазах.

– Боров, – с трудом проговорил Патогеныч, – ты же наш. Ты нас с Хемулем отлично знаешь. Какого же черта...

Ни один мускул не дрогнул на лице нашего бывшего коллеги. Монолитовцы поставили перед ним яростно сопротивлявшуюся Динку. Отпустили ее. Разошлись в стороны.

– Этих троих – в расход, – равнодушно распорядился Боров, внимательно разглядывая лицо моей подруги. Видимо, ему тоже было любопытно посмотреть на женщину, из-за которой поднялся такой шумер. – Девушку с собой – и предельно аккуратно.

Стоявший рядом с ним монолитовец что-то прохрюкал в своем шлеме. То ли Боров уже привык различать искаженные звуковой мембраной скафандра слова, то ли у них в шлемах была еще и внутренняя связь, но он ответил:

– Зачем это – в плешь? Вам что, трех выстрелов к гауссу жалко? Проявите уважение, бродяги! – Он круто развернулся и пошел прочь.

Однако свирепый мужчина, мать его. Умеет внушить горе побежденным.

– Девушку сперва уведите хотя бы, – глухо проговорил я.

Ноль внимания.

Все, ребята, отбегались мы с вами. Факт. Судя по выражениям лиц Патогеныча и Гуся, когда нас с нескольких шагов взяли на прицел трое в экзоскелетах, они считали абсолютно так же.

Динка так не считала. Она вдруг сунула руку под куртку и выдернула из-за пояса пистолет. Монолитовцы, разумеется, даже не стали ее обыскивать – ее ведь не считали комбатантом, просто одушевленной посылкой, которую нужно отобрать у других бойцов и передать по указанному адресу. Да и что она, собственно, могла сделать с заряженным полудюжиной патронов «хай пауэром» в окружении десятка мужиков, облаченных в экзоскелеты и вооруженных гаусс-винтовками?

Однако моя умница вовсе не собиралась бесполезно палить в бронированных бойцов, дожидаясь, пока те ее скрутят. Она сделала единственное, что могло остановить монолитовцев.

Она поднесла дуло пистолета к своему виску.

– Не трогайте их! – гаркнула она. – А то и меня не получите!..

Монолитовцы, похоже, изумились. Они никак не ожидали от этой хрупкой куклы с длинными ресницами столь решительных действий. Конвоиры, двинувшиеся было к ней, чтобы снова крепко взять под локти, в недоумении остановились. Развернувшийся на месте

Боров целых две секунды не мог найтись с ответом. Наконец нашелся:

– Брось пистолет, дура!

– Я выстрелю! – тихо, но с угрозой прошипела Динка.

– Пат, – едва слышно произнес ПатоGENCY.

Нет, Динка все-таки всегда была умницей. Она понимала, что нельзя ставить противнику заведомо невыполнимые условия, потому что это ни к чему не приведет. Поэтому она не стала требовать невозможного, остановившись на компромиссном варианте:

– Отпустите их, – сказала она, – и я пойду с вами.

Боров медленно двинулся к ней.

– Послушай, детка, – вкрадчиво заговорил он, – ты же не разможжишь себе голову пулей, правда? Это будет страшно больно и очень некрасиво. Подумай, тебе ведь еще жить и жить. Никто не собирается тебя насиловать или калечить, с тобой просто хотят поговорить по душам. С тобой просто...

– Динка, – сказал я, – он сейчас кинется.

Приблизившийся к ней на три крошечных шажка Боров криво улыбнулся, словно я похабно, но довольно удачно сострил.

– Давай это все обсудим, крошка, – проговорил он. – Для нас будет лучше, если...

– Для нас всех будет лучше, если ты останешься там, где стоишь.

Плотно стиснув губы, Динка усилила нажим на спуск. Ее пальцы на рукояти пистолета побелели от напряжения, боек чуть подался под пальцем.

– Динка, не надо... – Горло у меня перехватило от ужаса.

– Тихо, тихо! – Боров тоже не на шутку перепугался и выставил вперед руки.

На долю мгновения мне показалось, что сейчас он все-таки кинется на мою подругу и выдернет пистолет у нее из руки, но монолитовец все-таки здраво рассудил, что в последний момент она может выстрелить от неожиданности. Он поспешно отступил на два шага. Все-таки Динка нужна была им живая и здоровая, иначе босс с них шкуру спустит.

– Ладно, – согласился он. – Не вопрос. Пусть идут.

– Чтобы я видела! – распорядилась Динка. – Пусть идут, пока не скроются из виду! Я прекрасно знаю, на какое расстояние бьют гауссы. Пока они не скроются из виду, мы будем стоять тут, а я буду держать пистолет у виска!

Боров дал знак своим людям, и те опустили электрические винтовки.

– Ну? – обратился он к нам. – Слышали, что сказала дама? Пошли вон, и чтобы я вас больше здесь не видел. Сегодня ваш день, радиоактивное мясо. Молитесь своему гребаному Диме Шухову...

Длинные Динкины ресницы едва заметно затрепетали.

– Хемуль, – заговорила она, и по ее голосу я понял, как непросто даются ей эти слова. – Я знаю, что ты сейчас скажешь. Но пожалуйста, уходи. Ради меня. Ради нас с тобой. Все это максимум, что я могу сделать. Или ты думаешь, красиво погибнуть на моих глазах будет лучше? Дрянь это будет, Хемуль. Я никогда себе не прощу, если...

– Спасибо, милая! – перебил я ее. – Мать, ты у меня героиня. Не ожидал. Спасибо. – Я начал пятиться, зорко поглядывая по сторонам, чтобы не влететь в аномалию. – Я вернусь за тобой. Непременно. Мы доберемся до «Штей», соберем наших... – Гусь с ПатоGENCYем, не веря своим ушам, остались на месте, и я потянул их следом за собой за куртки, продолжая жалко лепетать ненужные слова, в которые не верил никто из присутствующих: – Поднимем военных... Потребуем объяснений у Болотного Доктора... Спасибо, родная. Спасибо, Боров...

Монолитовец неодобрительно фыркнул.

– А мужик-то говно у тебя, – презрительно проговорил он. – Полное. Девочка, у кого из вас двоих яйца, хотелось бы мне знать?

Динка, похоже, была потрясена. Не таких слов она ожидала от меня в последние минуты, не таких действий. Добро пожаловать в реальный мир, моя хорошая.

Однако она быстро взяла себя в руки.

– Прощай, Хемуль, – проговорила она, и теперь ее голос был совсем чужим и холодным. – Мне было хорошо с тобой. Живи долго и счастливо, радиоактивное мясо...

– Держись, подруга, – проговорил я. Патогеныч, словно очнувшись, начал отступать следом за мной. – Мы непременно вернемся... – Это прозвучало уже настолько фальшиво, что я счел за лучшее заткнуться. Ни к чему переживать.

В полном молчании, под взглядами монолитовцев, мы втроем развернулись и потрусили по коридору из смертоносных аномалий. Некоторое время я ждал сокрушительного удара в спину, но Боров соблюдал условия договора. А Динка, похоже, не давала ему возможности нарушить договоренность, упрямо держа пистолет у виска и предоставляя нам шанс на спасение, невзирая на свои растрепанные чувства. Господи, до чего же потрясающая у меня девочка. Сколько мы уже с ней вместе, а каждый раз не перестаю удивляться. И ведь тут же овладела собой после того, как я ее фактически предал. Нет, не делают больше таких женщин, утрачен секрет изготовления. И чертежи давно уничтожены.

Вскоре мы скрылись за холмом. Погони за нами не наблюдалось – Боров в общем-то почти ничем не рисковал: выпустить нас на Милитари без оружия было все равно что прикончить из гаусс-винтовки. Медленнее, может быть, но почти так же верно. Хорошо, что Динка этого не знала. Подозревала, наверное, по рассказам ветеранов, но не знала наверняка. Иначе не стала бы проявлять чудеса героизма и самоотверженности, если бы понимала, что это все равно бесполезно.

– Ты думаешь о том же, о чем и я? – сосредоточенно поинтересовался Патогеныч, когда мы, на всякий случай пригибаясь, нырнули в неглубокий овраг.

– Пес его знает, о чем ты думаешь, – на ходу отозвался я. – А впрочем, о чем еще мы оба можем сейчас думать, бродяга?

– Схрон, – сказал Гусь за нашими спинами.

– В яблочко, – удовлетворенно проговорил я. – Сообразительный. Если тебе сегодня посчастливится выжить, брат, из тебя через пару лет выйдет крутой ветеран. Круче Гвинпина будешь. А выжить тебе придется в любом случае, потому что экзоскелет с гарантией можно пробить только из снайперки, а другого снайпера у нас под рукой нет...

– Я бы вполне мог поработать со снайперкой, – заявил Патогеныч. – Да и ты, собака, зря прибедняешься...

– Заткнись, – проговорил я. – Не порть мне воспитательный момент. Не мешай подбадривать салагу.

Удивительно: моя подруга находилась в руках десятка монолитовцев, силы были катастрофически неравны, у нас не имелось ни хорошего снаряжения для преследования отряда противников по верхним уровням, ни соответствующего оружия, чтобы вести с ними бой на равных, но во мне бурлила жизнерадостная жажда битвы, мне хотелось балагурить и двигаться. Я пребывал в прекрасном настроении. Я нисколько не сомневался, что с Динкой все будет в порядке и мы сумеем ее отбить. Наверное, если бы я хоть на минуту попытался реалистически проанализировать сложившуюся ситуацию, я бы просто сошел с ума от безнадежности положения. Однако мозг включил психологическую защиту, и я нисколько не сомневался в успехе нашего безумного предприятия. Всего-то и делов было – начать и кончить.

В отличие от меня Патогеныч, судя по всему, прекрасно понимал, на что мы подписываемся, однако для него это дело уже стало вопросом самурайской чести. Не смог бы он смотреть в глаза нашим, если бы сейчас бросил нас с Динкой на произвол судьбы. Не смог бы смотреть в глаза собственному отражению в зеркале. Я его прекрасно понимал – со мной такое тоже бывало время от времени: например, когда я безоружный пошел со своими американскими туристами на верную смерть в логово Стронглава вместо того, чтобы выпить еще водки в баре «Сталкер» и спокойно отправиться домой.

Что касается Гуся, то оставалось только догадываться, что происходит у него в голове. Да, возможно, он просто боялся, что вряд ли выберется с Милитари самостоятельно, если

сейчас не пойдет с нами. Может быть, опасался, что, даже если благополучно доберется до Периметра, Муха с Енотом потом ненавязчиво поинтересуются у него, куда делась остальная команда, и он не сможет быть достаточно убедительным. И все же в нем не было той обреченности, с какой Бахчисарай пошел на Болото с Мухой или кинулся спасать нас возле чертова колеса. Гусю явно не терпелось подраться, и я поставил ему очередной плюстик в своем мысленном блокноте. Славный будет второй номер, если только его не уведет у меня из-под носа Патогеныч, который тоже наверняка давно уже расставляет ему оценки в своей собственной мысленной записной книжке. И если наши кости сегодня к вечеру не растащат по всему Милитари слепые собаки...

– А ведь я тебе почти поверил, – удрученно проговорил Патогеныч. – На секунду. Ну, в смысле, что ты собираешься удрать и бросить Динку, чтобы спасти собственную шкуру...

– И стоило мне столько лет топтать вместе с тобой Зону, чтобы сейчас дожидаться вот такого в свой адрес? – фыркнул я. – Старик, ты меня сколько знаешь, чтобы оскорблять за здорово живешь? Думаешь, я это так просто проглочу? Считаю, когда доберемся до бара «Шти», славный спарринг тебе обеспечен...

– Я же сказал: почти поверил, – невозмутимо уточнил Патогеныч. – Не сразу раскусил, куда ты клонишь, собака. Но от славного спарринга все равно не откажусь.

До недостроенного фабричного корпуса, где мы сегодня ночевали, мы добрались минут за пятнадцать. Быстрее было нельзя: спринт на минном поле – разновидность русской рулетки, а нам сейчас не следовало полагаться на авось. Мы уже и так двигались раза в полтора быстрее, чем позволяла техника безопасности, и мне дважды лишь в последний момент удалось выхватить Гуся из птичьих каруселей, в которые он влетал из-за спешки и невнимательности.

Хвала Черному Сталкеру, до нашего временного схрона за истекшие полдня никто не добрался. Ну, в общем, ясное дело, мы оборудовали его не для того, чтобы кто-нибудь мог так просто на него наткнуться и тут же разорить. Однако закон подлости не дремлет, как любит говорить один страус, и я совершенно не удивился бы, если бы мы пришли к пустому тайнику. Оружие имеет тенденцию загадочно исчезать из стратегических схронов именно тогда, когда оно позарез необходимо.

Гусю досталась СВДшка Мармелада, а нам с Патогенычем – по АКМК с чипом. Я попытался оперативно подключить к автомату беспроводной электронный прицел от «хопфула», так и оставшийся у меня за левым ухом, но он выдал надпись на английском о конфликте систем, и я его вырубил. Патронов оказалось не так много, но выбора у нас по-прежнему не имелось. Необходимо было действовать с тем, что есть.

– Работаем, бродяги! – скомандовал я, энергично передергивая затвор.

Глава 16

Радар

Вооружившись, мы вернулись к тому месту, где монолитовцы поймали нас по полной программе. Естественно, они не стали дожидаться нашего возвращения, однако тяжелые экзоскелеты оставляли очень четкие и хорошо различимые следы на влажной земле, так что с направлением поиска никаких проблем у нас не возникло. Монолитовцы в скафандрах двигались медленнее, чем мы налегке; кроме того, идти по следам только что прошедших здесь людей было гораздо проще, нежели останавливаться каждые несколько метров в подозрительных местах и проверять их при помощи болтов. Раз здесь прошли монолитовцы, значит, пройдем и мы – противники невольно стали нашими отмычками. Была, правда, опасность, что они попрутся прямо через горячие пятна или мясорубки, поскольку армейский экзоскелет хорошо защищает от радиации и поражения электрическим током, однако у Динки скафандра высшей защиты не было, так что монолитовцам волей-неволей приходилось обходить опасные для нас места, на которые сами они не обратили бы особого внимания, чтобы доставить мою девочку заказчику в целости и сохранности. Поэтому мы

решили довериться следам противника, и я рассчитывал, что мы довольно быстро догоним Борова с его командой.

Еще по дороге к схрону я через ПДА подал аларм «Все ко мне», но никто из наших так до сих пор и не отозвался. Все бродяги нашего клана, заночевавшие сегодня в Зоне, остались по ту сторону аномального барьера, отделившего верхние уровни от нижних. Значит, надеяться нам следовало исключительно на собственные силы.

Судя по направлению, которое выбрали монолитовцы, они двигались совсем не в сторону Болота, а перпендикулярно – на свою территорию, к Четвертому энергоблоку. И это было совсем паршиво. Вот почему на самом деле Боров так легко согласился нас отпустить. Он ведь едва ли мог не помнить про то, что наш клан устраивает схроны с оружием в верхних уровнях. Он не мог не понимать, что первое, что мы сделаем, – это двинемся к ближайшему такому схрону и вооружимся. Однако он вполне понимал также, что прежде, чем мы сумеем догнать его группу, даже если нам в головы и придет такая безумная мысль, они уже достигнут территории, контролируемой Радаром, и погоне тут же придет конец.

Бродяги называли Радаром странное приземистое сооружение, выстроенное близ Припяти незадолго до Второго взрыва – с куполами наподобие астрономических обсерваторий и чем-то вроде гигантской спутниковой тарелки на крыше. Его было хорошо видно с окраин Мертвого города, и издали его вполне можно было принять за современный научный центр с радиотелескопом. Однако здание это, судя по всему, имело совсем другие функции. Сталкеры считали, что именно оно генерирует электромагнитное поле неизвестной природы и огромной мощности, из-за которого у людей на подступах к Четвертому энергоблоку Чернобыльской АЭС мозги закипают в черепных коробках. Многие были уверены, что именно это поле выжигает разум тем бродягам, которые потом в виде зомби стекаются в Мертвый город и бесцельно шляются по Милитари.

По слухам, когда-то военные вели здесь секретные разработки психотронного оружия, плоды которых после Второго взрыва остались на зараженной территории. Готовая к эксплуатации, но так и не испытанная боевая психотронная установка была законсервирована, когда армия в панике покидала эти места, превратившиеся в филиал преисподней. В первые годы после Второго взрыва препятствием для продвигавшихся к центру Зоны сталкеров были лишь аномалии, мутанты и мародеры. Именно этим и объясняется, что в то время некоторым бродягам удалось добраться до Монолита и стать призраками Зоны, несмотря на то что еще не были как следует отработаны методы борьбы со зверьем, еще не были изобретены датчики аномалий и армейские antidotes: единственным датчиком служили металлические болты, оружием – морально устаревший АКМС с брошенных военных складов на Милитари, а antidote – слабенькое противорадиационное средство из советских солдатских аптек. Однако все изменилось, когда центральные области Зоны прибрал к рукам «Монолит». Некоторые ветераны полагали, что именно тогда его членам удалось запустить Радар и наглухо отрезать Четвертый энергоблок от других территорий стеной мощного электромагнитного излучения, сокрушительно воздействующего на человеческий разум и навигационные приборы вертолетов.

В общем, теорий и версий насчет Радара было предостаточно. Кое-кто считал, что монолитовцы тоже время от времени подвергаются его воздействию, но в меньшей степени, поскольку у них есть специальные защитные устройства, поэтому они хоть и зомбированы, но сохраняют какую-то способность соображать. Общеизвестным оставалось одно: территория вокруг здания Радара, ведущая к ЧАЭС, совершенно непроходима, ибо всякий человек, пытающийся к нему приблизиться, либо погибает от мощного ментального удара, либо превращается в зомби. Конец истории.

Мы в ударном темпе проскочили через Рыжий лес. Вступать в открытое боестолкновение с закованными в броню бойцами было полным безумием, поэтому нашим единственным шансом оставалось опередить их, пока они не достигли контролируемой Радаром территории, и встретить в лоб грамотно организованной засадой. Мы поднажали еще. Однако я понемногу начинал нервничать: лес уже заканчивался, но противника нам так

пока и не удалось догнать. Похоже, я здорово недооценил их способность быстро перемещаться в тяжелых защитных скафандрах, приводимых в движение пневматикой.

Хвоя на деревьях вокруг много лет назад приобрела ярко-рыжий цвет: то ли от воздействия радиации, то ли от периодического попадания в зону действия Радара, которую во время испытаний то увеличивали, то уменьшали. В конце концов радиус зоны поражения отрегулировали таким образом, что ее граница проходила по самой опушке. Нам все чаще попадались горячие пятна, фонившие, как стронциевые стержни, поэтому мы натянули защитные маски. Пару раз пришлось отстреливаться от мутантов, которых с приближением к энергоблоку шмыгало вокруг все больше и больше. Если мы хотели тайком подкрасться к монолитовцам, стрельба в непосредственной близости от них едва ли могла способствовать успеху. Но выбора по-прежнему не было.

В конце концов мы выскочили из леса. Все оказалось напрасно; мы опоздали. Тропа, пробитая тяжелыми экзоскелетами, выбегала из леса и, скатившись с пригорка, упиралась в границу безжизненного, выжженного, черного пространства на склоне пологого холма. Многолетнее постоянное воздействие электромагнитного поля Радара, сопоставимое с воздействием гигантской микроволновой печи, убило на этой территории все, что могло двигаться или расти. Осенний ветер уныло гонял низко над растрескавшейся землей невесомые облачка пепла. Идеально ровные окружности гравиконцентраторов были издалека видны на пепелище – они имели не серый, а черный оттенок, потому что пепел в них был плотно спрессован под давлением в несколько сот атмосфер. Мертвые заросли кустов и уродливые почерневшие деревья торчали посреди долины надгробными памятниками самим себе. Обычно бродяги остерегались даже приближаться к этой зловещей границе между Милитари и Радаром, поскольку она периодически гуляла, то приближаясь к АЭС, то отдаляясь от нее на несколько сотен метров.

Я надвинул на глаз прицел от «хопфула», повертел головой. Группа монолитовцев обнаружилась далеко впереди нас, они брели через выжженное, замусоренное беспорядочно разбросанными железобетонными блоками и огромными кабельными катушками пространство к видневшемуся вдали величественному комплексу зданий Чернобыльской станции, окруженному высокими многоярусными заборами из колючей проволоки. От полуразрушенного Четвертого энергоблока, заключенного в растрескавшийся бетонный Саркофаг, во все стороны разбегались высоковольтные линии – словно натянутые на гитарный гриф струны, словно артерии, тонко вибрирующие под напором струящегося по ним тока. Когда-то ЧАЭС снабжала электричеством обширные территории Украины и Белоруссии. Теперь большинство опор линий электропередачи в Зоне были покорежены и повалены бушевавшими здесь когда-то катаклизмами, часть проводов была оборвана, а часть давно исчезла, – но здесь, в самом сердце Зоны, все содержалось в образцовом порядке, и я готов был поклясться, что по этим проводам по-прежнему подается куда-то огромное количество энергии. ЧАЭС питала энергией огромный купол аномального поля Зоны, хотя и была полностью заглушена более двадцати лет назад. Возможно, источником питания служил теперь легендарный Монолит, который, по утверждениям некоторых, находился под Саркофагом.

– Всё, – безнадежно проговорил Патогеныч, утирая пот со лба. – Вот теперь действительно всё. Жаль, но... – Он покосился на меня – я по-прежнему не отрываясь смотрел вслед безумным сталкерам, уводящим мою подругу. – Хемуль, прости, но надо уходить. Я все понимаю, но нас может накрыть излучением. Динка...

Гусь вдруг сбросил с плеча снайперскую винтовку, быстро прицелился, держа ладонь снаружи спусковой скобы.

– Не вздумай! – вскинулся Патогеныч. – Всех все равно положить не успеешь, а гауссы оттуда добьют до нас не хуже снайперок!..

– Хемуль, ты видишь то же, что и я? – сосредоточенно проговорил малолетка, глядя в оптический прицел и начисто игнорируя моего приятеля.

– Похоже на то...

– Что вы видите?! – психанул Патогеныч.

– Радар не работает! – Сдвинув целеуказатель на затылок, я ошарашенно посмотрел на него.

– С чего ты взял? – поинтересовался коллега. – В свой перископ увидел? У Радара что, антенна отвалилась?

– Дину ведут с непокрытой головой! – выпалил Гусь. – У монолитовцев-то в шлемах могут быть какие-то защитные устройства, чтобы гасить излучение, а на ней шлема нет!..

Патогенычу не потребовалось много времени, чтобы переварить эту информацию.

– Команда, подъем! – завопил он. – Быстро вдогонку!..

Мы точно знали, что мозгодав на Радаре работает не все время. Два раза в сутки его выключали на десять минут, чтобы система остыла. Только выключался он всегда в разное время, поэтому улучшить момент и пересечь контролируемую им территорию все равно почти не представлялось возможным. Отдельным безумцам, конечно, удавалось просочиться туда, угадав время выключения, однако обратно они все равно не выходили, попадая под пули монолитовских снайперов, дежуривших в зданиях АЭС. Про снайперов, кстати, тоже следовало помнить. Одним словом, для нас не было секретом, что Радар, похоже, можно в любое время включить и выключить по команде из здания с гигантской параболической антенной. Так что идея о том, что Радар отключили для того, чтобы пропустить группу с Динкой, не показалась нам безумной. Иначе никак невозможно было бы объяснить, что моя девочка до сих пор жива. И с выжженными мозгами она тоже не была нужна неведомому заказчику, факт.

И все же, когда мы пересекли границу между безумной и смертоносной, но привычной Зоной и территорией абсолютной смерти, на мгновение меня мороз продрал по коже. Можно сколько угодно делать логические построения, можно сколько угодно убеждать себя, что Радар отключен, но подсознание не верит логике. Оно верит в то, что видит вокруг: в выжженное голое пространство, в почерневшие трупы деревьев, в полуразложившуюся слепую собаку на склоне холма, в закручивающийся сизой поземкой пепел. Нелегко убедить крошечного трусливого Хемуля, сидящего у тебя в голове, что опасности нет. Нелегко загнать его пинками в самый дальний угол мозга, чтобы не высовывался, зараза.

Нет, мозги не потекли у нас из ушей кипящей кашей. Перед глазами не заструились кровавые реки, голос внутри черепа не шепнул свирепо: «Подчиняйся, червь!» Радар действительно безмолвствовал, но его наверняка включат сразу, как только группа Борова покинет опасную зону. Поэтому нам необходимо было выбраться за пределы обожженного пространства раньше них – или хотя бы одновременно с ними, но при этом так, чтобы они нас не обнаружили. Десять гауссов против одной СВД и двух АКМК – счет явно выйдет не в нашу пользу.

Пригибаясь, короткими перебежками, мы кинулись в сторону ЧАЭС, забирая вправо, чтобы между нами и монолитовцами оказались складки местности. Вскоре мы поравнялись с блокпостом «Монолита», давно заброшенным по причине ненужности, – несколько уложенных друг на друга толстых бетонных швеллеров и мешков с песком посреди пепелища. Если бы данное направление по-прежнему контролировал этот блокпост, а не Радар, тут бы нас троих и положили рядком. Но монолитовцы, как выяснилось, слишком полагались на всемогущество психотронной техники...

Хотя нет, поправка: на силу огнестрельного оружия они полагались тоже. По-прежнему.

В воздухе позади меня вдруг коротко вжикнуло, словно кто-то резко взмахнул металлическим прутом, и раздался глухой треск. Тело отреагировало на знакомый раздражитель быстрее разума: я нырнул на землю, зарывшись щекой в холодный пепел, мигом перекатился под защиту швеллера, и тут же вторая снайперская пуля отколола от него солидный кусок с внешней стороны. В сухие останки травы у основания блокпоста посыпалась бетонная крошка.

За баррикаду из бетонных блоков прыгнул Патогеныч. Он подкатился ко мне, сел за

швеллером, опершись спиной о холодный бетон, осторожно выглянул в узкую амбразуру между блоками. Очередная пуля попала в торчавший снаружи толстый кусок арматуры и с диким воем скрикнула в поле.

– Прохлопали нас, раздолбай, – проговорил он, снова прячась в укрытие. – Подпустили слишком близко к блокпосту. Ну, сами виноваты. Пусть теперь попробуют нас отсюда выковырнуть...

– На черта им нас выковыривать? – устало проговорил я. – Они нас просто не выпустят. Прижмут огнем. А через пять минут врубят Радар. И все, ангелы запели.

– Назад надо отходить, – озабоченно произнес ПатоGENCYч.

– Нет. – Я аккуратно выглянул в щель между блоками. – Вон откуда бьют. Из того здания. Видишь? Весь склон холма простреливается. Снайпер нас действительно прозевал и ударил слишком поздно. Если дернем назад, положит всех в три секунды. – Я облизал губы. – Гусь-то уже отмучился?..

– Вон ползет... – буркнул ПатоGENCYч.

Отмычка действительно по-пластунски выполз из-за поваленной деревянной катушки из-под кабеля, стремительно работая локтями и коленями. Его обстреляли еще дважды, но прицелиться по лежащему бродяге было не так-то просто. В конце концов он сумел спрятаться за одним из бетонных блоков и привстал на одно колено, судорожно выкашливая сухой пепел, которого наглотался, пока полз.

– Живой? – поинтересовался я.

– Ага, – отозвался Гусь.

– Куда попали?

– Никуда.

– Я же слышал, как кость хрустнула.

– А. – Гусь тоже сел на землю, прижавшись спиной к спасительному бетону. – Я имел в виду, в меня не попали. Но снайперка пополам. Ложе раскололи.

– Ну, совсем чудесно, – я смахнул с виска каплю пота. – Значит, дырявить монолитовцев нам вообще нечем.

– Нам труба? – деловито поинтересовался Гусь, тяжело дыша.

– Ну, практически, – отозвался я. – Хотя Дима Шухов любил говорить, что безвыходных положений не существует в принципе...

– Это он говорил, пока живой был, – безжалостно уточнил ПатоGENCYч. – С тех пор я от него этого не слышал.

– Брось, – миролюбиво проговорил я. – Попадали мы с тобой еще и не в такие передрыги. Позавчера, например...

– Позавчера мне нужно было продырявить тебе башку из «беретты» и забрать чертово яйцо, – отрезал ПатоGENCYч. – Все остались бы довольны.

– Ну, раз не продырявил, значит, зачем-то это было нужно... – Я задумчиво смотрел на пару поваленных кабельных катушек, валявшихся рядом с нашим блокпостом. – И вряд ли затем, чтобы сейчас из нас сделали барбекю.

– У тебя есть план?

Вместо ответа я высунулся из укрытия, ухватился за край ближней ко мне деревянной катушки и поволок ее за собой. Снайпер тут же выстрелил, и пуля с треском откусила от нее кусок дерева. Я юркнул обратно за блок, но теперь массивный деревянный барабан оказался наполовину укрыт за бетонным швеллером, и я уже без особого риска подтянул его к себе.

– Начинаю соображать, – проговорил ПатоGENCYч, – но смутно.

Упершись в край катушки, я с натугой стал поднимать ее вертикально, чтобы получилось огромное колесо. ПатоGENCYч поспешил мне помочь. Через полминуты мучительных усилий мы все же поставили ее на ребро. Снайпер тут же отреагировал и пробил двойную деревянную переборку в верхней части колеса, которая показалась над блокпостом. Потом еще раз. Мы затаились внизу, старательно удерживая катушку в вертикальном положении, и снайпер замолчал: расходовать зря боеприпасы, расстреливая

возведенную нами деревянную конструкцию, было безусловно глупо.

– Вот и все, – хрипло проговорил я. – Сейчас я пну эту штуку, и она покатится с холма. А мы будем бежать рядом с ней, чтобы она оказалась между нами и снайпером, и молиться Черному Сталкеру, чтобы этот хрен стрелял помедленнее. Уяснили?

– Он же ее пробивает насквозь, – безнадежно покачал головой Патогеныч.

– Зато он не знает, куда именно стрелять, – возразил я. – В какое место. Катушка большая и круглая, нас за ней не видно. А чтобы усложнить ему задачу, катушек будет две...

Приятель с сомнением посмотрел на меня.

– Есть шансы, брат, – сказал я. – А тут шансов нет.

Патогенычу снова не понадобилось много времени, чтобы решиться. Времени у нас было совсем в обрез.

С риском для жизни я подтащил к бетонным блокам второй деревянный барабан, и мы тоже установили его вертикально. Присев на корточки, бродяги гусиным шагом переместились за катушку, которая была ближе к нам. Я объяснил им, что первый состав отправится пустым: ему достанется основной огонь. Примерившись, я поставил ботинок на ребро дальнего от нас деревянного колеса и толкнул изо всех сил.

Снайпер, разумеется, давно сообразил, что мы что-то затеваем, поэтому открыл огонь сразу, как только огромный кабельный барабан, гроыхая, выкатился из-за железобетонных блоков. Завизжали пули, яростно затрещали пробитые насквозь деревянные борта, звонко дзенькнул рассеченный прямым попаданием металлический корд, опоясывавший одно из ребер огромного колеса. Отпустив расстреливаемую катушку метров на семь, я аналогичным пинком привел в движение нашу и тут же стремглав бросился под хлипкую защиту этого импровизированного деревянного танка. Мои коллеги мгновенно стартовали тоже – прямо из полуприседа.

Некоторое время снайпер продолжал неистово дырять первую катушку, летевшую вниз по склону, и мы, со всех ног мчавшиеся рядом со второй, отыграли на этом несколько драгоценных секунд жизни. Затем перенес огонь на нас. Однако ему действительно оказалось трудно оценить на глазок масштаб катушки по сравнению с ростом человека, который бежит пригнувшись. Кроме того, наше деревянное колесо, набирая скорость, отчаянно раскачивалось и подпрыгивало на ухабах, что еще больше затрудняло прицеливание. Сначала стрелок вlepил заряд слишком высоко, сантиметрах в тридцати над нашими головами. Потом, сообразив, что это едва ли эффективно, перенес огонь ниже, ближе к центру окружности, чтобы наверняка попасть кому-нибудь в корпус. Одна из пуль, с душераздирающим треском продравшись сквозь доски, вжикнула где-то в районе моей пояsnицы и с визгом унеслась на излете в сторону одинокой опоры ЛЭП посреди поля.

Затем снайпер снова обстрелял первую кабельную катушку, которая уже приближалась к зарослям живых кустов на чистой территории у подножия холма: с одной стороны, он прекрасно понимал, что она скорее всего является отвлекающим маневром, но все же оставалась возможность, что мы разделились, потому что прятаться всем троим за одним барабаном было не слишком удобно. Он вlepил славный заряд в переднюю часть огромного колеса; кабельный барабан оглушительно треснул, и одно из его ребер развалилось почти пополам. Искалеченная катушка вильнула и завалилась набок.

Наша катушка, миновав свою погибшую приятельницу, понемногу набирала обороты, и поспевать за ней по пересеченной местности становилось все труднее и труднее. Снайпер, дав по нам еще один выстрел замолк, но это был плохой знак: похоже, он просто вел катушку прицелом, либо ожидая, пока кто-нибудь из нас случайно высунется из-за нее, либо тщательно выбирая место в деревянном кругу, за которым пуля наверняка найдет себе горячую плоть. Мы мчались рядом с прикрывавшим нас массивным колесом, каждую секунду ожидая внезапного и сокрушительного удара по корпусу, после которого наступит вечный сон без сновидений и вся эта кутерьма наконец оборвется.

А потом пространство вокруг нас внезапно вспыхнуло и разорвалось с оглушительным грохотом. Наш кабельный барабан раскололся, брызнув щепками, меня швырнуло в сторону,

и я стремительно покатился по обожженной земле.

Мочить твою ягоду!.. Лежа навзничь, я с трудом приходил в себя после сокрушительного нокдауна. Похоже, нас угостили гранатой из РПГ. Если бы не толстая массивная катушка, принявшая на себя основную часть ударной волны, нас скорее всего просто размазало бы в манную кашу.

Быстро перевернувшись на живот, я попытался ползти вниз по склону в сторону границы выжженного пространства, которая виднелась всего метрах в пятнадцати от меня. Однако руки и ноги отказывались повиноваться. В глазах у меня вдруг зарябило, все тело налилось свинцом, словно кто-то огромный наступил на меня и придавил к земле. Мне стало неимоверно плохо: казалось, что все внутренности сейчас вывалятся изо рта и шлепнутся в холодный пепел. Мои мозги начала беспощадно перемешивать гигантская горячая ложка, медленно набравшая обороты. Я попытался крикнуть, но глотка отказывалась мне повиноваться.

Заработал Радар.

Потом меня шарахнуло так, что я ничего не помню о следующих минутах. Пси-удар оказался что надо, будто подкованным ботинком в висок. Помню только оттенок ужасающего, чудовищного ощущения, словно меня стремительно крутят в наполненном мыльной водой и невыносимо горячим бельем барабане стиральной машины, и с каждым вдохом в судорожно агонизирующие легкие проникает новая порция мыльной воды и белья. Радар еще не успел выйти на максимальную мощность, но то, что он уже делал со мной, вытерпеть было выше человеческих сил. Не случайно эти технологии в начале века использовали для разгона демонстраций и облучения вражеских позиций – только тогда они были намного менее мощными и назывались нелетальным оружием, потому что не убивали людей, предельно мучительно и беспощадно, как меня сейчас, а заставляли их в панике разбегаться, чтобы не испытывать больше непереносимых физических и моральных страданий. Безумная пульсирующая боль в каждой клеточке тела, казалось, разрастающаяся и увеличивающаяся вдвое с каждой секундой, помноженная на невыносимую тошноту, полную невозможность вдохнуть и запредельную, нечеловеческую тоску, всепоглощающую депрессию, единственным выходом из которой казалось немедленное самоубийство, – вот что я ощущал целую вечность, прежде чем мне вновь удалось глотнуть прохладного воздуха.

Перед глазами медленно прояснялось. В голове стоял оглушительный хрустальный звон, но вскоре мне все-таки удалось сориентироваться и сообразить, что мы втроем лежим в кустах у подножия холма. И перед носом у меня растет пожухлая, размокшая от осенних дождей, но вполне живая трава.

Мы каким-то образом выбрались из зоны действия Радара.

Гусь, болезненно скрючившись, валялся рядом со мной. На него было страшно смотреть: лицо посиневшее, перекошенное в ужасной гримасе, на губах запеклась сухая пена, черты заострились, как у покойника. Боюсь, что я совсем недавно выглядел не лучше.

А вот Патогеныч уже немного оклемался. Он осторожно выглядывал из кустов в ту сторону, где, судя по грохоту, кипел нешуточный бой. Визжали гаусс-винтовки, бухали гранатные разрывы. Услышав, как я шевелюсь, приятель обернулся ко мне.

– Ну, хвала Черному Сталкеру, очухался!

– Как... – попытался заговорить я и не смог продолжить.

Я с трудом собрал мысли в кучу: они разбегались от меня, словно тараканы. А ведь это, наверное, и есть обычное состояние зомби, вдруг мелькнуло у меня в голове. Напрочь выжженными мозгами мучительно трудно думать. Поэтому зомби всегда выглядят такими сосредоточенными и потерянными: они все время безуспешно пытаются ухватить за хвост собственные разбегающиеся мысли.

Однако эти соображения не заставили меня впасть в отчаяние, а, наоборот, позволили облегченно перевести дух. Если я еще способен на такие длинные ассоциативные цепочки, значит, с мозгами все в порядке. Просто еще ощущаются шок и отходняк после пси-воздействия Радара, едва не превратившего меня в идиота.

– Как мы... – наконец с трудом выговорил я. – Как мы здесь оказались?..

– Я вытащил, – поведал Патогеныч, не прерывая наблюдений. – За шкирку.

– О как. – Я осторожно прикоснулся грязными ладонями к вискам – не верилось, что не разбитая на несколько кусков голова может так болеть. – То есть тебя не торкнуло?

– Торкнуло, – с достоинством подтвердил Патогеныч. – И довольно круто. Только я ведь не салага, как некоторые. Я нашел в себе силы выбраться за пределы зоны поражения и еще двух щеглов с собой прихватил.

– Брат, ты невероятно крут, – проговорил я, прислушиваясь к звукам боя. – У меня там чуть мозги не вскипели.

– У меня просто особо вскипать нечему, – похвастался Патогеныч, – видимо, поэтому я легко отделался. Хотя в какое-то мгновение, честное слово, так нахлынуло, что чуть не разнес себе башку из «калаша».

– А снайпер?.. – осторожно поинтересовался я.

– Его очень вовремя отвлекли, – пояснил мой приятель. – Видимо, после того как Радар заработал, он решил, что теперь боеприпасы на нас можно не тратить, сами сдохнем, и переключился на новую цель. А потом его, похоже, сняли из гаусса.

– На монолитовцев кто-то напал? – удивился я, выглядывая из кустов.

– Похоже, они сами на себя напали, – пробурчал Патогеныч.

Впереди, на заросшем густой травой поле, неподвижно лежали три рослые фигуры в экзоскелетах. Их скафандры были опалены и разорваны в нескольких местах. Еще дальше, среди чахлой тополиной рощицы, стояло двухэтажное блочное здание непонятного назначения – то ли котельная, то ли ПТО, то ли бойлерная. Нет, вряд ли ПТО: рядом с ним не было видно ни гаражей, ни боксов для техники. Вообще я не большой специалист в атомной энергетике, чтобы гадать, что за служба могла когда-то располагаться в одном из зданий комплекса Чернобыльской АЭС, расположенном за огороженной спиралью Бруно запретной территорией. Может быть, оно вообще появилось уже после первой чернобыльской катастрофы, и в нем располагалась дезактивационная мойка для выезжающих с зараженной территории машин. На самом деле в нем вообще могло находиться что угодно. Канонада доносилась оттуда – с противоположной стороны здания, обращенной к Четвертому энергоблоку. Словно подтверждая, что там происходит нешуточная разборка, над крышей взвилось густое облако дыма от взрыва.

– Группу Борова обстреляли, – пояснил Патогеныч. – Им удалось укрыться вон в том здании, но их атаквали с другой стороны – я так понимаю, люди из их же клана. Короче, чума полная.

– Динка, – прохрипел я, – кому-то очень не хочется, чтобы они доставили Динку заказчику живой...

– Это на каком же уровне столкновение идет? – изумился Патогеныч. – Если им даже одну часть «Монолита» удалось натравить на другую...

– Брат, хватит молотить языком, – прервал я его. – Нам нужно забрать Динку, пока не поздно. – Патогеныч молчал, и я продолжил: – Я понимаю, что, если мы атакуем Борова с тыла, нам крышка. Но крышка нам теперь в любом случае. Обратно через зону покрытия Радара нам уже не выбраться. Осталось только решить, погибнем мы в стиле «банзай» или нас перестреляет как гусей патруль «Монолита». Ну же, брат! Кто ничего не делает, тот заранее покойник. А вдруг нам удастся отбить Динку и отключить Радар?

– Угу, и улететь отсюда на президентском самолете, – саркастически поддакнул Патогеныч. – Ну, ладно. Я знал, на что иду, уже когда пошел догонять с тобой Борова. Если уж взялся за дело, надо доводить его до конца.

Я развернулся к Гусю, чтобы привести его в чувство, но он уже сидел рядом с нами в кустах, обхватив голову руками. Похоже, он все слышал.

– Ты готов, бродяга? – поинтересовался я. – Нас ждет славное приключение.

– Отмычку не спрашивают, – простонал Гусь, пытаясь справиться с чудовищной мигренью.

– Забудь, – проговорил я. – Ты больше не отмычка. Ты – настоящий бродяга. И пусть теперь кто-нибудь только попробует что-нибудь вякнуть...

– Я с вами, народ, – криво ухмыльнулся бывший отмычка.

– Тогда двинули!

Выбравшись из кустов, мы короткими перебежками между деревьев бросились к зданию, в котором засела группа Борова. Снайперы монолитовцев не сделали по нам ни одного выстрела: либо они плотно работали по Борову, либо его команде действительно удалось снять всех, благо он наверняка знал ключевые снайперские точки. Из здания по нам тоже не стреляли – видимо, его защитники бросили все силы на оборону фасада, разумно решив, что с флангов их по чистому полю никто не обойдет, а с тыла, со стороны работающего Радара, тем более. По дороге безоружный Гусь разжился гаусс-винтовкой одного из подстреленных монолитовцев. Два других трупа лежали далеко в стороне, и мы с Патогенычем не стали рисковать, предпочтя быстрее преодолеть открытое пространство.

Добравшись до здания, мы нырнули в выбитые окна первого этажа, быстро перекатились, вскочили, вздернув стволы автоматов. В просторном пустом зале на первом этаже никого не было – огромные окна с фасадной стороны не способствовали успешной обороне, что убедительно доказывали еще два трупа в растерзанных экзоскелетах, лежавшие возле окон. Остатки команды Борова закрепились на втором этаже, и пока, судя по всему, им успешно удавалось сдерживать натиск штурмующих – когда мы проникли в зал, канонада наверху, разносившаяся за пределы здания, превратилась в оглушительную. Мимо странного металлического сооружения с огромным сухим бассейном в центре, углубленным в пол метра на четыре, мы прокрались к лестнице, ведущей наверх, и я уже беззвучно расписал напарникам на пальцах, в какой очередности поднимаемся и как действуем на втором этаже, когда над нами вдруг раскатился грохот такой силы, что барабанные перепонки болезненно затрепетали. Стены заходили ходуном, с потолка обрушился солидный пласт штукатурки, по углам посыпались пыль и песок. Затем мощный удар повторился, затем еще раз и еще.

И наступила тишина.

Глава 17

Бункер

Тишина была густой, словно сметана. В ней плавали какие-то непромешанные комки – комариный писк, тонкий хрустальный звон, отдаленное басовитое гудение, – но в целом она надежно накрыла окрестности огромным ватным одеялом.

Я ткнул пальцем вверх: на второй этаж!

Мы взлетели по лестнице. Быстро заняли позиции у выбитых взрывом дверей.

В пустой дверной проем было видно, что от второго этажа мало что осталось. Несколько попаданий из РПГ обрушили угол здания и часть фасадной стены. Возле двери валялось исковерканное ударной волной тело в экзоскелете. Осторожно высунувшись из-за дверного косяка, я зафиксировал еще два трупа: один поймал несколько пуль из гаусса, второй был наполовину засыпан обрушившейся стеной – из-под завала торчали только неестественно вывернутые ноги в тяжелых башмаках, поэтому было невозможно определить, погиб ли он при взрыве или кусками бетона засыпало уже остывающий труп с пробитой пульей грудью.

Еще двое монолитовцев были живы. Одного швырнуло ударной волной через всю комнату, и он теперь слабо шевелился в углу, пытаясь отщелкнуть пластиковое забрало шлема, изнутри залитое густой кровью. Второй уже снова занял огневую позицию у окна, хотя и ему явно здорово досталось.

– Эй, Боров! – негромко окликнул я.

Монолитовец неуклюже, с трудом оглянулся. Шлема на нем не было, левый глаз оказался перечеркнут свежим кровавым шрамом, на лбу запеклась кровавая корка.

– Мать твою, – тихо произнес он, глядя в дуло моего АКМК. – Вот это встреча.

– Я тоже рад тебя видеть, – сказал я. – Где девушка?

– Там, в комнате... – Боров попытался махнуть рукой в сторону лестницы, но я дернул стволом, предупреждая его движение.

– Гаусс положи, тварь.

Боров сморщился, словно от зубной боли.

– Хемуль, послушай меня, – проговорил он. – Они сейчас снова будут штурмовать...

Патогеныч подобрал валявшийся на полу гаусс. Повертел в руках, бросил к стене: винтовка оказалась повреждена взрывом. Подобрал другую. Скользнул мимо монолитовца к выбитому окну, осторожно выглянул наружу.

– Гаусс на пол! – с ненавистью рывкнул я прямо в лицо Борову.

– Хемуль, семь человек, – сказал Патогеныч. – Это только те, кого я вижу.

– Надо отстреливаться, – снова забормотал Боров. – Нельзя, чтобы они убили девушку. Нельзя, чтобы она им досталась...

– Да что у вас тут происходит, придурки, мать вашу!.. – в сердцах рыкнул Патогеныч. – Какого черта вы друг друга режете?!

– Гусь, держи нашего приятеля на мушке, – распорядился я. В отличие от Патогеныча, мне совершенно неинтересно было, что происходит: если монолитовцы режут друг друга, значит, так надо. Нам это только на руку. – Если через десять секунд не бросит винтовку, вышиби ему мозги, пожалуйста. Душевно тебя прошу.

Сам я, пригибаясь, снова выскользнул в дверной проем. Ткнулся в соседнее помещение. Боров не обманул – Динка действительно была там: связанная по рукам и ногам пластиковыми наручниками, она лежала на бетонном полу, припорошенная бетонной пылью, и настороженно смотрела на меня.

Я бросился к ней. В глазах ее мелькнула сумасшедшая радость, когда я двумя взмахами «Боуи» распорол на ней путы, а потом крепко прижал ее к себе – такую теплую, удивительно мягкую и податливую даже в зацином комбинезоне, невероятно любимую...

– Я знала, что ты меня не бросишь, – горячо зашептала она мне, – я ведь знала, черт, знала, что ты вернешься за мной, проклятое мясо...

Я поспешно обшарил ее всю – нет ли каких-нибудь повреждений или переломов. Но, кажется, взрывная волна сюда не докатилась. Потом осторожно снял мизинцем с ее щеки непрошеную слезинку.

– В ушах не звенит, красавица?.. Ну и хорошо. Теперь все будет хорошо, – сказал я и сам поразился тому, насколько уверенно прозвучал мой голос. – Сейчас домой поедem...

Словно возражая мне, в соседней комнате, где я оставил бродяг, хором взвизгнули гаусс-винтовки. Я снова метнулся туда и на пороге услышал вопль Патогеныча:

– Они пошли на штурм!..

Все, кто еще был жив в этом полуразрушенном помещении, приникли к окнам и лупили вниз из гауссов – даже тот паренек-монолитовец, который оказался искалечен взрывом. Сейчас нам было не до разборок и выяснений: противник у нас на данный момент общий, а дальше поглядим, как разгильясить ситуацию.

Динка осторожно выглянула из-под моего локтя, и я с досадой пихнул ее назад.

– Хемуль! – заорал Патогеныч, краем глаза заметив меня. – Бери девчонку в охапку, собака, и немедленно мотайте оба отсюда!

– Куда?! – взвыл я.

– Да куда хотите! Долго мы их сдерживать не сможем!.. – Дождавшись, пока его винтовка накопит необходимый для выстрела электрический заряд, Патогеныч высунулся в окно, молниеносно выцелил одного из нападавших, выстрелил и тут же спрятался в простенке; снаружи в стену здания напротив его головы с гулом ударили две или три крупнокалиберные пули. – Быстрее! Хемуль, пойми: если мы сейчас попытаемся уйти все вместе, монолитовцы тут же займут здание и просто расстреляют нас в упор!

– Внизу охладитель, – прохрипел Боров. – Ну, такая решетчатая штука. И охладительный бассейн. Там на дне должен быть слив и дренажная труба. Воды давно нет.

Можно выбраться...

– Твою мать, Боров, родной, – проговорил я. – Ты же меня чуть в расход не пустил. А теперь спасаешь? Что-то воняет твой совет, как слепая собака.

– Я не тебя спасаю, – пояснил Боров, не отрываясь от прицела. – Нельзя, чтобы ее убили. Нельзя, понимаешь? Уведи ее отсюда, Хемуль. А мы тут пока... – Он выстрелил вниз.

– Почему же никто из ваших не вывел ее через колодец раньше? – поинтересовался я.

– В экзоскелете в люк не пролезть...

Я задумался.

– Хемуль, валите уже! – взмолился Патогеныч. – Нам их не сдержать. Сейчас шмальнут еще разок из РПГ, и будет здесь братское кладбище. Твою мать, сталкер! Хотя бы попытайтесь!..

Я колебался еще несколько мгновений, но наконец принял решение:

– Хорошо, мы попытаемся. Спасибо, брат. Держитесь, ребята!

– Уйди с глаз долой, животное!..

Мы с Динкой скатились по лестнице и бросились к охладителю. Вот как, оказывается, называлась эта странная металлическая штука посреди зала – охладитель. Уж не знаю, что в нем когда-то охлаждали – может быть, пиво. Не знаю. Не специалист по ядерному оборудованию. В глубокий бассейн, обложенный бледно-голубой кафельной плиткой, уходила узкая и скользкая металлическая лесенка. Мы спустились по ней на дно, усеянное окурками и обрывками старых газет, и я рывком отвалил тяжелый решетчатый люк в полу.

Под люком скрывался глубокий колодец шириной не больше дренажного. В его темную глубину вела еще одна лесенка, на сей раз не блестящая, а проржавевшая и грязная, вся покрытая какой-то полужидкой бурой пакостью. Я сразу подумал о ржавых волосах, но нет, непохоже: они всегда отращивают бороду сосулек. Просто влажная ржавчина. На дне колодца лениво плескалось черное зеркало воды. Я проверил отверстие датчиком радиации – чисто.

Мы влезли в колодец. Стоя на лесенке рядом с Динкой на одной ноге, я задвинул за нами люк, а потом начал спускаться первым: в колодце могли быть растяжки, о которых Боров любезно забыл нас предупредить.

На глубине нескольких метров в покрытой конденсатом стене обнаружилась утопленная в бетон железная дверь. Я подергал ее – дверь немного подавалась, но в определенный момент что-то ее блокировало. Я попытался толкнуть ее – с тем же результатом. Если она заперта с той стороны на железную цепь с замком, можно смело поворачивать обратно. Взломать такую штуку мне нечем.

Я с ненавистью ударил в дверь ногой. Она жалобно лязгнула, но не открылась. Висевшая над моей головой Динка молча наблюдала за моими действиями.

Внезапно где-то высоко над нами с неба упал гигантский сейф. Тяжелый грохот раскатился у нас над головами, лесенка под нами ощутимо вздрогнула. С люка в темную воду и нам на головы градом осыпались куски пыли и ржавчины. Похоже, здание снова бомбардировали из ручных гранатометов.

Пусть вам хорошо ложится, парни. Я вам обязан по гроб жизни.

Впрочем, если эта чертова дверь не откроется, благодарность моя будет недолгой. Потому что жить мне останется совсем немного.

Я снова изо всех сил пнул металлическую створку, в темноту со звоном полетел какой-то штырь, и дверца распахнулась. Я просунулся внутрь, поводит фонариком на стволе АКМК по стенам. Вроде бы полный порядок, никаких признаков хищных грибов и прочей дряни, только мертвенно-бледные круги селитры, проступившие на сыром бетоне. Коридор был полукруглым в сечении с радиусом окружности метра полтора.

Мы с Динкой залезли в эту горизонтальную каменную трубу и, согнувшись в три погибели, двинулись вперед. Под ногами чавкало и хлюпало, один раз в темноту с писком метнулось что-то мелкое. Интересно, куда должен был выходить этот горизонтальный отвод из сливного колодца, по замыслу архитектора? Впрочем, после Первого взрыва всю эту

территорию военные изрыли, что твои дождевые черви. Для секретных бункеров наверняка делались какие-то потайные ходы и «пожарные лестницы», выводящие в самые неожиданные для потенциального противника места. Вот только если в том конце коридора возможен бункер, не упрямся ли мы в еще одну бронированную дверь, которую можно вскрыть разве что при помощи автогена, и то вряд ли?..

Девочка моя пока держалась молодцом. Только отчаянно хлюпала носом – сутки в осеннем лесу не прошли для нее даром. Это мне сутками больше, сутками меньше – я все равно деревянный, радиоактивное мясо чертово. А ведь если мы сейчас действительно упрямся в тупик, нам придется просидеть в этом холодном сыром подzemелье пес знает сколько – и это в самом лучшем случае, если монолитовцы сразу не заглянут в сливной колодец.

Коридор все тянулся и тянулся, ему не было конца. Когда мы стали спускаться в бассейн, я впопыхах не сообразил взять азимут, поэтому сейчас не мог сказать с уверенностью, движемся мы в сторону АЭС или к Рыжему лесу. Если второе, то мы уже, пожалуй, находились под зоной, покрываемой Радаром. Оставалось только надеяться, что толстый слой земли и бетона экранирует нас от его сокрушительного пси-воздействия. Обычная сталкерская практика, кипятить свое молоко: если не можешь ничего предпринять, делай хоть что-нибудь и надейся, что пронесет и на этот раз. Как говорит в таких случаях один страус, пусть даже мир перевернулся, а выбираться как-то надо.

Наконец узкая отводная кишка вывела нас в нормальный коридор, в котором не приходилось идти согнувшись. Впрочем, он тоже не вызывал ощущения обжитой территории: его стены были украшены отвратительными плесневыми разводами, на полу в лужах тухлой воды плавали насквозь промокшие листы бумаги и дохлые крысы, лампы в проржавевших до основания железных сетчатых стаканах на потолке не горели. Новый коридор перпендикулярно пересекал тот, из которого мы вылезли, убегая в две стороны. Я повертел головой, но оба конца коридора скрывались в густом непроглядном мраке.

Вытащив из кармана болт, я подбросил его на ладони, повертел в пальцах, а потом без замаха бросил в противоположную стену. На кого бог пошлет, что называется. Болт отскочил от бетонной стены и улетел в левый проход.

Ну, значит, в левый.

Однако далеко мы не ушли. Вскоре луч фонарика уперся в пологий завал из бетонного крошева, который перегородил нам путь. Подземные толчки во время выбросов, надо полагать – возле АЭС они должны быть совершенно чудовищными. Хороший такой завал: потолок не просто обрушился, перемешанный с землей и кусками бетонных перекрытий песок все сыпался и сыпался сверху, пока не заполнил этот аппендикс коридора доверху. Выходит, наверху в этом месте должна быть нехилая воронка, в которую можно провалиться, – надо иметь в виду на всякий случай...

Ну, значит, в правый. Разве я когда-нибудь говорил, что у меня безошибочная интуиция? Чаще всего срабатывает, но всякое бывает. Бывало и такое, что она меня подводила.

Мы брели в темноте в обратном направлении довольно долго, пока не уткнулись в ту самую бронированную дверь со штурвалом посередине, которую я так боялся увидеть. Люк как в подводной лодке, тяжелый и толстый. Рядом с дверью вывернутый патрон от лампы, черный телефон без циферблата на стене под какой-то непонятной аббревиатурой, намалеванной масляной краской, и громоздкая, допотопного вида цифровая кодовая клавиатура.

Все, приехали. Я без сил прислонился спиной к стене, съехал по ней на холодный пол. Пора готовиться к длительной зимовке в подземельях. Может быть, снять телефонную трубку и попросить девушку на коммутаторе, чтобы соединили с Самым Главным Местным Ублюдком? Хоть сказать ему на прощание пару ласковых...

Динка положила мне руку на голову, взъерошила короткие волосы. Я досадливо мотнул головой.

- Все совсем плохо? – поинтересовалась она.
- Ну, как сказать, – отозвался я. – Не совсем. Будем работать по плану «Б».
- А что такое «план „Б“»?
- Не знаю. У меня есть десять минут, чтобы его придумать.

Я откинулся на стену, закрыл глаза. Динка молча стояла рядом, ожидая, когда я приму решение. А чего тут решать? Здание уже наверняка захвачено монолитовцами, уничтожившими моих ребят и Борова. Выбираться наверх сейчас бессмысленно и неоправданно опасно, ну его к монахам...

Я открыл глаза и посмотрел на подругу, которая с вопросительным видом уставилась на меня.

- А? – хрипло произнес я.
- Что? – удивилась Динка.
- Чего я сказал?
- Ничего.
- Я сказал: ну его к монахам.

Все-таки после Радара я все еще туго соображал. Мне необходимо было немедленно поймать за хвост мелькнувшую в голове мысль насчет монахов, потому что я был совершенно уверен, что она крайне удачная. Вот только в чем, мать его за ногу, заключалась ее удачность?..

– Ты всегда так говоришь. Только сейчас я ничего не слышала...

– Нет, я это точно сказал. – Ага, вот оно! Я быстро поднялся, приблизился к двери. Поднес фонарик к кодовому замку. – А вот ты, подруга, знаешь, например, в каком году родился Блаженный Августин?

- Вообще первый раз слышу про такого сталкера.
- Ты прямо как в школе не училась, красавица...

Я ткнул пальцем в кнопку с цифрой ноль, потом в три, потом в пять. Посмотрел на Динку. Она непонимающе поблескивала в полумраке черными глазами. Интересно, Черный Сталкер имел в виду именно это или я неправильно его понял?

Чуть помедлив, я нажал кнопку «четыре».

Негромко пискнув, замок принял код. Зажужжали сервомоторы, лязгнул запорный механизм, штурвал на двери прокрутился на полтора оборота. С едва слышным пневматическим вздохом толстенная металлическая дверь приоткрылась.

Динка коротко посмотрела на меня из-под длинных ресниц. Я поспешно приложил палец к губам, а потом аккуратно, стараясь не скрипнуть, ухватился за штурвал и начал медленно приоткрывать тяжелый люк. Не думаю, чтобы Черный Сталкер хотел нас так нелепо подставить, но осторожность все равно не была лишней.

За люком располагался короткий герметичный предбанник, а за следующей дверью, незапертой – то ли заброшенный склад, то ли кладовая, то ли бомбоубежище: несколько металлических стеллажей, на которых как попало была свалена старая рухлядь: грязное армейское обмундирование, сапоги, бушлаты. Тускло горела голая лампочка под потолком, так что я сразу насторожился: скорее всего, здесь часто бывают люди. Впрочем, помещение выглядело так, словно сюда несколько десятилетий никто не заходил, а работающее электрооборудование в Зоне еще ни о чем не говорит. Я знаю один закоулок в катакомбах Темной долины, где лампы горят без перерыва и какого-либо присмотра уже несколько лет подряд, хотя все близлежащие кабели перерезаны. Загадка, понимаешь, природы, как и многое за Периметром.

Я осторожно шагнул вперед. Минных растяжек я не заметил, а электронной сигнализации хозяева бункера, похоже, не предусмотрели. Хотя с чего я взял, что мне должен быть слышен сигнал? Он вполне мог поступить прямо на пульт охраны. Вот смеху будет, если Боров направил нас напрямик в штаб-квартиру «Монолита». Вход, конечно, не парадный, им явно пользуются крайне редко, но это еще ничего не значит... Впрочем, тогда бы Боров непременно указал, куда именно идти, и дал бы код от двери. Откуда он мог знать,

что мне известна дата рождения Блаженного Августина? Нет, похоже, он сам не был в курсе, куда может вывести коридор. А вот Черный Сталкер определенно знал, что это за дверь и что мне понадобится код от ее замка. А причин не доверять Черному Сталкеру у меня нет и до сих пор не было. Хотя теперь, конечно, все возможно.

Разумеется, наткнувшись на монолитовцев, я мог поиграть в Мармелада и поднести к горлу Динки нож, чтобы они выпустили нас с подругой – если она действительно зачем-то нужна им живая и здоровая. Ради дела моя девочка согласилась бы изобразить умирающего лебедя. Но меня тошнило от такого поворота событий.

Повернувшись к Динке, я одними губами шепнул: жди тут! Она кивнула и снова перевела взгляд на противоположную дверь из помещения, из-под которой сочился желтоватый свет.

Я бесшумно приблизился к этой двери, держа автомат на изготовку, правым локтем осторожно приоткрыл ее и заглянул в щель.

Следующая комната оказалась еще меньше кладовой. По стенам она была уставлена пустыми металлическими коробами, прикрепленными болтами к стенам: судя по всему, здесь когда-то было полно аппаратуры, но потом ее всю демонтировали и вынесли. Из аппаратуры в помещении остался только старенький транзисторный радиоприемник «Турист» – красно-белый, потертый, еще советского производства. Кроме него на однотумбовом канцелярском столе находились какой-то бумажный хлам, серые картонные папки с бумагами, дымящийся граненый стакан, на три четверти наполненный жидкостью бледно-соломенного цвета с грубыми палками на дне – здесь это называлось чаем, надо полагать, – древний электрочайник с погнутым носиком и стеклянная вазочка с дешевым печеньем «Привет» – тоже советского образца, как я понимаю, потому что такие вазочки время от времени попадались мне в брошенных квартирах Мертвого города. В углу позади стола стояло пластмассовое ведро с развешанными по краю сырыми тряпками, к стене была прислонена швабра. За столом сидел человек – он изумленно поднял голову, когда я, убедившись, что кроме него в помещении никого нет, приоткрыл дверь пошире и наставил на него АКМК.

Незнакомец был тщедушным, почти лысым и каким-то усохшим, словно сорняк на солнцепеке. Больше всего он смахивал на отставного сельского учителя или бухгалтера со стажем – хотя, может быть, просто обстановка соответствовала такому образу. И кого-то он мне страшно, до боли напоминал. Возникло такое ощущение, что он регулярно мелькает по телевизору в какой-то программе. Однако ассоциация всплывала единственная: Горлум из старого, первого еще «Властелина колец». Такой же покатый сморщенный лоб, тонкая шейка, удивленно раскрытые огромные глаза, недоверчивый взгляд снизу вверх. Мне казалось, что я где-то постоянно его вижу, может быть, в баре «Шти» или в городке – или часто видел раньше, настолько часто, что его черты намертво врезались в память. И все же я не мог вспомнить, где и когда мог с ним встречаться. Я даже готов был бы поклясться, что впервые в жизни вижу этого типа. В общем, острейшее дежавю как оно есть.

Если бы в каменной трубе четверть часа назад мне на ПДА не упало очередное сообщение о гибели Семецкого где-то в Темной долине, я решил бы, что это именно он. Не знаю, откуда взялась такая странная ассоциация.

– Что случилось? – удивленно спросил он. – Где девушка?

Похоже, он принял меня за одного из монолитовцев. На мне был защитный комбинезон без знаков различия и принадлежности к какому-либо клану, а другим людям, кроме членов клана «Монолит», взяться в этом бункере определенно было неоткуда. Возможно, имело смысл попытаться на этом сыграть и выдать себя за одного из их боевиков, но я уже был настолько измучен, а Радар выпил из меня столько драгоценных умственных соков, что я никак не мог сообразить, как это половчее сделать.

– Не шевелимся, папаша, – негромко произнес я вместо этого. – Вот, молодец. Правильная реакция. И руки держи на столе, чтобы я их видел.

– Как вы сюда попали? – проблеял он.

– Это неважно, – я нетерпеливо дернул стволом автомата. – Сиди смирно, и никто не пострадает. Там что? – Я выпрямил указательный палец руки, сжимавшей рукоять АКМК, направив его в сторону.

– Бункер, – ответил бухгалтер, застыв, словно изваяние. – Внутренние помещения. Пищеблок, технический отсек.

– Выход наверх есть?

– Да, прямо по коридору, в самом конце.

– Народу много?

– Человек двенадцать. Но они все в разных помещениях: повар, наряд по кухне, дневальные, караул.

– Сможешь нас отсюда вывести?

– Не знаю. – Незнакомец сморщился. – У люка стоят караульные. Может быть, через экстренный выход, где овощехранилище...

– Ты вообще кто? Важная шишка или так, сторож здешний? – поинтересовался я.

– Да скорее сторож, – осторожно покачал головой Горлум.

– Ну, это ничего, – рассудил я. – Мы тебя все-таки возьмем с собой. Сопроводишь нас до выхода – глядишь, у ребят поубавится желания стрелять. Динка, иди сюда!

Подруга проскользнула через дверь, приблизилась ко мне и вдруг резко остановилась, словно налетела на стеклянную стену.

– Это дяденька Горлум, – сказал я. – Не пугайся. Он мирный и любезно согласился проводить нас до выхода. Вот что, красавица: когда выйдем в коридор, держись... Эй! Что случилось? – удивился я, заметив, что Динка не отрываясь смотрит на моего пленника.

– Привет, папа, – тихо проговорила она. – Я тебя искала... А ты...

– Привет, Червячок, – сказал дяденька Горлум, приподнимаясь из-за стола, и уголки его губ медленно поползли вверх.

Рубить твою елку! Вот это ситуация.

Динка на негнущихся ногах двинулась к нему. Я быстро шагнул следом за ней: не хватало еще, чтобы из заложника он превратился в захватчика заложников. Но нет, никакого оружия у него под столом не было. Не надо было бы вообще подпускать ее к папочке, но я знал, что останавливать подругу бесполезно. Ладно; едва ли этот скелетик мог что-нибудь с ней сделать.

– Папа, – проговорила Динка. Он поднялся из-за стола, и она бросилась к нему на грудь. – Папка... Я так долго тебя искала...

Он отечески приобнял ее, похлопал по спине. Бросил настороженный взгляд на меня: не собираюсь ли я вмешаться. Я пока не собирался, хотя автомат держал наготове. Он снова обнял ее, погладил по голове. Рукав его куцего пиджака задрался, и чуть ниже вживленного в левое запястье катетера для внутривенных вливаний я разглядел витиеватую полустершуюся татуировку: «S.T.A.L.K.E.R.».

Мать честная. Это был Меченый собственной персоной.

Меченый входил в число самых известных легенд Зоны. Причем, в отличие от некоторых персонажей, которых никто никогда в глаза не видел, был реальным сталкером из плоти и крови. Его едва живого обнаружили на Милитари ребята Сидоровича и доставили боссу. Судя по всему, он вышел из глубины Зоны, возможно, шел от самой АЭС. Никто не знал Меченого, как его прозвали позже из-за приметной татуировки на руке, а сам он ничего не помнил из того, что с ним случилось. Помнил только свое имя. Мозги ему выжгло знатно, хотя соображал он – дай боже любому из нас. В общем, отделался обширной амнезией, сильным радиационным облучением и истощением организма. Сидорович вылечил бродягу, потребовав от него взамен множество мелких услуг. Сталкер исправно отработал свое спасение, причем довольно быстро стал опытным ветераном и лет десять назад весьма успешно ураганил в Зоне вместе с Клыком, Фомой и Иваном Тайгой. Однако была у него дурацкая идея фикс: жаждал он непременно завалить какого-то сталкера, по кличке Стрелок. Искал он этого загадочного Стрелка прямо как Динка отца – видимо, у них это было

фамильное. Копал вглубь. Шел по следам – а наследил тот тип в Зоне, как выяснилось, презрительно. Целью жизни себе поставил расправиться со Стрелком, непонятно почему. Кто говорил, что были у них какие-то особые счета, кто говорил, что просто первым, что попало на глаза Меченому, когда он очнулся от амнезии, было неизвестно кем присланное сообщение на его ПДА: «Убить Стрелка!» Говорили даже, что Стрелок – это сам Меченый и есть, точнее, был, до того как потерял память. То есть преследовал он, выходит, самого себя. Однако подтвердить эти слухи оказалось некому, потому что вскоре Меченый купил себе много крутого снаряжения и снова ушел к Четвертому энергоблоку – типа, вычислил, что Стрелок скрывается где-то в его окрестностях. Ну, и больше никто никогда его не видел. Может быть, Радар окончательно выжег Меченому мозги, и он утонул в Янтарном озере. Может быть, его разорвали на куски химеры, охраняющие подступы к Чернобыльской АЭС. Может, расстреляли безумные боевики «Монолита»... Как бы то ни было, Меченый пропал без вести, и с тех пор о нем не было ни слуху ни духу.

До сегодняшнего дня.

Я чуть не хлопнул себя по лбу. Меченого звали Эдик. Диана Эдуардовна. Вот последняя часть пазла и встала со щелчком на место.

Глядя на них, стоящих рядом, я вдруг остро осознал, насколько они похожи. Вот кого он мне напоминал, значит, – только Динка, в отличие от него, оказалась удивительно удачной на мордашку, хоть и сохранила основные фамильные черты. Почему же Бубна, Че, Тайга, Патогеныч, лично знавшие Меченого, ни слова ей не сказали? Или они действительно не уловили сходства – а из путаных объяснений Динки невозможно было понять наверняка, о ком идет речь?..

Я мог понять свою подругу. Она столько ждала этого момента, что радость долгожданной встречи вытеснила из ее головы все остальные соображения. Но потом разум, захлестнутый было чувствами, все-таки взял верх. Видимо, в ее сознании окончательно сложились все элементы головоломки – и странное послание, упавшее на ее ПДА и подписанное моим именем, и не менее странное сообщение от отца, которое очень не вовремя вытащило ее из бара «Шти», и прочие странности и необычности, случившиеся с нами за истекшие сутки.

Динка подняла голову.

– Папа, что происходит?..

– Подожди, Червячок.

Это было сказано очень тихо и спокойно, но настолько властно и уверенно, что у меня на загривке щетина встала дыбом, словно рядом находился крупный мутант. И если внешность Меченого мало соответствовала его легендарной репутации, то властный голос – вполне. Таким тоном может окликнуть меня Бубна, когда я слишком зарываюсь: «Послушай-ка, сынок...»

И Динке явно был хорошо знаком такой тон. Потому что она как-то неуловимо сжалась, поникла, словно знала, что, если будет продолжать настаивать, случится что-то малоприятное. Совершенно не думаю, что он бил или насиловал ее в детстве, вряд ли она тогда потратила бы столько сил, средств и здоровья, чтобы припасть сегодня к его груди. Но в молодости он определенно умел быть суровым. Черт возьми, вот так заткнуть подругу двумя словами я ни за что не смог бы. А если бы попробовал, получил бы в ответ двадцать.

Папа Эдуард отстранил ее, внимательно посмотрел на меня.

– Что? – спросил он.

– То самое, – грубо бросил я, держа его на прицеле. – Червячок, значит? Давай, папаша, расскажи нам про червячка.

– Что именно тебя интересует?

– Ну, например, за каким чертом ты помогал темным выкрасть ее. Это же твоя работа – то сообщение, что упало на ее ПДА? Червячок, жду тебя у бара «Шти»? – Я чувствовал, как во мне все сильнее закипает холодная ярость. – Обнять дочурку захотелось? Тебе не пришло в голову, что ты просто отдаешь ее «Монолиту»? Хозяевам Зоны служишь за сахарную

косточку, дочь родную продать готов?!

– Успокойся, – снова поморщился Меченый. – Что за глупости? Зачем мне служить Хозяевам Зоны, если я сам – Хозяин?..

Эпс. Нет, столько сюжетных поворотов за одни сутки – это уже слишком. Мой голова нихыт.

– А может, ты Бэтмен? – прищурился я. – Никто не знал, а ты – Бэтмен?

Папаша Динки приподнял уголки губ, обозначив, что оценил острогу.

– Ты мне не веришь, – кивнул он. – Молодец, я бы тоже не поверил. Ну, хорошо. Попробуй, допустим, выстрелить из своего АКМК. В меня не надо, это уже излишний драматизм в присутствии Дины – допустим, в стену...

– Хватит мне горбатого лепить! – прошипел я. – Чтобы твои ребята на шум сбежались? Давай, папаша, пошли! По дороге поговорим и дообнимаемся!

– Ладно, я тебе помогу, – кивнул Меченый. Автомат у меня в руках внезапно сухо щелкнул, хотя я не нажимал на спусковой крючок. Затем еще и еще раз. Я оторопело посмотрел на него, убрав палец за предохранительную скобу – спуск ходил ходуном, словно на мой АКМК воздействовал бюрер, но выстрела по-прежнему не было. – Ну, убедился?

Я уронил автомат на цементный пол и выхватил нож.

– Ну, перестань, – в очередной раз поморщился Меченый. Меня словно обхватила за правое запястье невидимая могучая лапа. Я попытался дернуться, но нож не сдвинулся ни на сантиметр. – Что за детский сад. Давайте лучше присядем, и я отвечу на любые ваши вопросы.

Мы с Динкой ошарашенно опустили на стулья возле стола.

Сказать, что у меня в голове царил полный кавардак, – значит ничего не сказать.

Глава 18

Меченый

– Чайку? – осведомился Меченый, дружелюбно глядя на нас.

– Позже, – сухо сказал я, засовывая нож в карман. – Давай лучше по пунктам. Значит, ты – Хозяин?..

Динкин папаша печально покивал.

– Точно. Я ведь добрался тогда до ЧАЭС, когда отправился сюда ловить Стрелка. Правда, не нашел я тут никакого Стрелка. Зато нашел кое-что другое. В одном из подземных бункеров возле Саркофага я наткнулся на военную лабораторию, которая все еще действовала... Тебе знакомо такое название – «О-Сознание»?

– Научный проект, – произнес я. Говорил я на удивление спокойно, даже сам себе удивился. – Говорят, эти ребята мутили тут что-то между двумя взрывами. Проводили эксперименты над приговоренными к смерти уголовниками, пытались создать супердиверсантов для военных целей. Тут кругом их законсервированные объекты – на Агропроме, в Темной долине... Есть мнение, что некоторые мутанты Зоны вроде кровососов, бюреров и контролеров – неудачные результаты тех экспериментов, выжившие и размножившиеся под воздействием аномального поля. И сама Зона, вполне возможно, тоже их рук дело.

Меченый удовлетворенно кивнул.

– Именно. В той подземной лаборатории у Саркофага содержались результаты их самого многообещающего проекта – по созданию коллективного разума. В нескольких специальных камерах-резервуарах, подключенных к компьютерному серверу, там находились смертники, когда-то принявшие участие в эксперименте. Только к тому времени они уже не были уголовниками. Они были единым разумом Зоны, наделенным нечеловеческой логикой и высвободившимися в результате экспериментов мощными сверхъестественными способностями. Именно они и спровоцировали Второй взрыв, когда пришли к выводу, что дальнейшие исследования ученых угрожают функционированию

Единого Разума «О-Сознания»...

– И ты присоединился к ним, – брезгливо проронил я.

Понятно. Хозяева Зоны – маньяки и убийцы-рецидивисты, приговоренные к смерти. Вот почему тут все так. Потому что они строят новую реальность в соответствии со своими извращенными, болезненными желаниями и представлениями.

– Да. – Лицо Меченого было бесстрастно. – Они предложили мне выбор: присоединиться к коллективному разуму – или погибнуть. Я висел в воздухе в центре лаборатории, удерживаемый их телекинетической силой, и для того, чтобы сделать выбор, у меня было десять минут, после чего в случае отказа меня разорвали бы на части, не прикоснувшись ко мне даже пальцем. Сначала я тоже ужаснулся. А потом попробовал их могущества и понял, что нет ничего более потрясающего, чем ощущать себя высшим существом. Чем вершить судьбы мира – хотя бы и на такой небольшой территории, ограниченной Периметром...

– Ты тут живешь, как в сарае, высшее существо. – Я окинул саркастическим взглядом обшарпанные стены.

– И что? – удивился он. – А, ты ожидал увидеть в логове главного злодея футуристические пещеры и хрустальные подземные дворцы, как в фильмах про Джеймса Бонда? Что за вздор, зятек!..

О как. Зятек, значит. Зафиксировали.

Мой потенциальный тесть между тем продолжал разглагольствовать:

– Зачем эти жалкие эрзацы, Хемуль, когда имеешь реальную власть? Знаешь, в той, прежней жизни я в своих представлениях тоже постоянно смешивал в кучу власть и богатство. Даже не богатство, а роскошь, которую многие наивно считают синонимом богатства. Мне казалось, что одно неотделимо от другого. Однако роскошь – это всего лишь суррогат и богатства, и истинной власти, лишь видимость того, что ты что-то значишь и что-то можешь в этом мире. Роскошь вполне может сопутствовать богатству, а богатство власти, но это совершенно необязательно – точно так же, как роскошь может сопутствовать счастью, однако сама по себе вовсе не означает счастья. Знаешь, сколько живших в роскоши людей покончили с собой от одиночества и отчаяния?.. Рим пал, когда его патриции окончательно погрязли в роскоши и уюте, когда они начали цепляться за эти жалкие заменители власти и из великих воинов превратились в слабых изнеженных педерастов. А вот поистине могущественные люди, оставившие в истории человечества заметный след, зачастую были аскетами. Наполеон в походах спал в мундире. Гитлер был вегетарианцем. Большевики, пришедшие к власти в России, в первые годы после Октябрьской революции работали по восемнадцать часов в сутки, недоедали и жили в крошечных комнатах комендатуры Кремля, а будущий деспот Сталин не высыпался, потому что под его окнами по утрам репетировал военный духовой оркестр. Впрочем, великие люди ведут аскетический образ жизни вовсе не потому, что они святые, не по природе своей – а потому лишь, что высшая власть пожирает все их время, все их помыслы, всю их жизнь. Это самая интересная игра и самая сильная страсть в мире. В перерыве между ходами едва успеваешь хлебнуть жидкого чая с плохим печеньем – и тебя снова с головой накрывает Власть. Это лучше секса, это лучше роскоши. Власть – высшее, что только может быть в нашем мире. Именно поэтому Бог – счастливейшее существо на свете. Потому что власть – это дистиллированное счастье...

Он замолчал, переводя дух.

– Ты по бумажке, что ли, готовился? – вежливо поинтересовался я, когда понял, что спич окончен.

Меченый снова приподнял уголки губ.

– В общем, я стал частью той силы, которая движет и контролирует все процессы, происходящие в Зоне, – он снова вернулся к основной теме. – И ни разу не пожалел об этом.

– Почему же ты в конце концов вспомнил обо мне? – тихо спросила Динка. – Почему именно сейчас?

Меченый потер подбородок. Посмотрел на нее.

– Ты же знаешь, наверное, почему я уехал, – проговорил он. – Мы с твоей мамой... у нас были серьезные проблемы. Я думал, что смогу заработать в Зоне денег и вернуться... А потом я полностью потерял память и несколько лет...

– Я знаю историю Меченого, – прервала его Динка.

– А потом я стал частью «О-Сознания», – закончил папаша. – И... я не смог уйти. Это было выше меня...

Динка прикрыла глаза ладонью. На ее лице отразилась мука.

– Но ты по-прежнему очень много значила для меня, – проговорил Эдуард. – Я особенно остро понял это, когда снова ощутил твое присутствие...

– Когда? – поинтересовался я.

– Два месяца назад. Когда ты, зятек, помогал расширению нашей территории, – усмехнулся Меченый. – Зона резко расширилась, и Дина случайно попала в ее радиус. И я ощутил присутствие своей дочурки – так явственно, будто стоял рядом с ней. Я понял, что Дина здесь, совсем близко, но в тот момент не мог ничего предпринять. Все наши силы были брошены на Большой Прорыв. Я сумел направить для ее охраны лишь стаю слепых собак, которую вы бодро перестреляли из автоматов... Вы увезли Дину за пределы Зоны, но вернуть ее обратно теперь, когда я уже знал, где искать, было лишь делом техники.

– Зомби, контролер, темные в городке – тоже твоя работа? – поинтересовался я.

– Конечно.

– А зачем? «Туристы» из спецслужб утверждали, что у вас полно своих людей в Чернобыле-4...

– Агенты влияния, – отмахнулся Меченый. – Информаторы. Поручать им выкрасть в военном городке женщину и доставить ее в сердце Зоны было слишком рискованно. Мы не способны контролировать людей далеко за территорией Радара, поэтому могла случиться утечка информации, и тогда Дина вообще могла исчезнуть. Уехать в Харьков, в Россию, в Польшу...

– И все равно: зачем столько сложностей? Послал бы одного контролера, и он быстро и чисто взял бы Динку под контроль.

– В жизни не все так просто, как хочется. Видишь ли, ментальный контроль достигается за счет ураганного отмирания мозговых клеток пациента. Один кратковременный контроль обычно переносится без особых последствий – клеток в мозгу все-таки достаточно, и, кроме того, разные участки мозговой коры дублируют функции друг друга, так что это может даже пройти совершенно незамеченным. Миллиардом клеток больше, миллиардом меньше... Два-три контроля, тем более на срок свыше четверти часа каждый, тем более через небольшой промежуток времени, гарантированно делают из человека кретина – тех самых зомби, которые бредут к Периметру. Однако некоторым хватает одного раза. Так что рисковать умственным и душевным здоровьем своей дочурки я не собирался.

Вот как все просто, оказывается. Контролер понадобился, только чтобы контролировать зомби. А зомби – потому что контролеру не позволено было взять Динку под контроль.

И надо же, меня ведь тоже как-то раз брали под контроль – на заброшенной военной базе, когда мы громили клан «грешников». Вот, наверное, отчего я такой кретин, радиоактивное мясо. А может, я такой по жизни. И уж после сегодняшнего Радара доктора наук из меня точно не получится.

– А почему темные? Почему не «Монолит», раз уж его члены тоже вам подчиняются? Монолитовцы – нормальные люди, они способны выходить за Периметр на неопределенный срок. А темные едва не сдохли без аномальной энергии возле второй оборонительной линии. Один сдох, кстати.

– Я же сказал: мы не можем контролировать монолитовцев далеко за пределами зоны действия Радара. Они покорны, только пока на них действует наше мозговое излучение. На

Милитари оно серьезно ослабевает, в Мертвом городе уже едва ощущается. Изредка они случайно вываливаются из нашей зоны контроля, если забредают слишком далеко, и тогда становятся обычными зомби – их мозг в результате длительного контроля атрофируется и самостоятельно работать не способен.

– Но темных, как я вчера убедился, вы тоже не можете контролировать полностью.

– А, ты про Варвара, – едва заметно усмехнулся Динкин папаша. – Маленький паршивец, едва не испортил мне всю игру. Видишь ли, дело в том, что темных мы вообще не контролируем при помощи телепатии. Они просто боятся нас. Их тела и мозги поражены мутациями на клеточном уровне, что делает их необычайно чувствительными к аномальным энергиям и проявлениям Зоны, как и всех других мутантов. Они способны чувствовать на расстоянии тварей, друг друга, аномалии – и нас. То есть они не знают, что мы собой представляем, они просто интуитивно, подсознательно ощущают, что в Зоне существуют некие невидимые и чрезвычайно могущественные сущности, от которых зависит очень многое. От которых не спрячешься даже в самом глухом уголке Зоны. Поэтому они слепо выполняют все, что мы от них требуем. Мы же за это взяли их под свое покровительство, они – наш избранный народ, как евреи у Иеговы. А за неисполнение наших приказов мы можем жестоко покарать... Так что после того, как у контролера и тупых зомби ничего не вышло, я мог доверить похищение Дины только темным.

– А для чего ты меня вообще похищал? – Динка по-прежнему говорила негромко, глядя на отца сузившимися глазами. – Как какую-нибудь вещь, как кошку или собаку... Заткнули рот, швырнули в машину, оглушили снотворным... Почему ты просто не прислал мне сообщение? Не позвонил? Не попытался объяснить?... Я бы все бросила и пришла сама...

Меченый помолчал.

– Прости, Червячок, – проговорил он наконец. – Я не знал, как ты отреагируешь. И подумай сама – неужели ты поверила бы в такую безумную историю?..

– Я же верю тебе сейчас.

– Это сейчас. Когда ты здесь и с тобой уже случилось все то, что случилось.

– Патогеныч погиб, – горько сказала Динка. – Борода погиб. Мальчишки погибли. Неизвестно, доживет ли Енот до операционной Болотного Доктора. Зачем все это было нужно, папа?..

– Червячок, мне очень жаль, что так вышло, – искренне произнес он. – Мне жаль твоих друзей. Но если бы они не попытались отбить тебя, если бы они не убили столько моих людей, все было бы по-другому. Темные и монолитовцы только защищались – и защищали тебя, между прочим.

– Боров хотел расстрелять ребят...

– Боров уже серьезно наказан за свою самостоятельность, – устало проговорил Эдуард. – Серьезнее некуда.

– А от кого темные защищались в Рыжем лесу? – мрачно поинтересовался я. – Кто натравил на них химер? Ведь остальное зверье было твоё, верно?

– Верно, – согласился Меченый. – А химер натравили... В общем, у нас возникли некоторые трения с прочими членами «О-Сознания». Они полагали, что деятельность, которую я развил, ставит под угрозу необходимый режим секретности. Что Дину, похищенную из Чернобыля-4, обязательно станут искать и при этом могут копнуть слишком глубоко. К сожалению, они оказались правы. Неправы они оказались только в своих выводах – в том, что решили уничтожить ее: нет человека – нет проблемы...

– Твою мать, – произнес я.

– Именно, – кивнул Эдуард. – Сначала химеры атаковали темных, а потом подчинявшийся моим коллегам отряд «Монолита» напал на группу Борова, которая конвоировала Дину. И аномальные поля после очередного выброса мои многоуважаемые коллеги выстроили таким образом, чтобы оттеснить вас к засаде зомби со снайперскими винтовками, а потом к чертову колесу. Когда эти ловушки не сработали, они попытались попросту раздавить вас аномальными полями, однако это довольно громоздкое и плохо

подчиняющееся нашему контролю оружие. К тому же я все время мешал им, как мог... Но теперь все закончилось: в моем присутствии они, разумеется, не станут предпринимать в отношении вас таких радикальных шагов.

– Ты уверен? – криво ухмыльнулся я. – А может, они решат зачистить тебя вместе с нами, чтобы уж заодно избавиться и от строптивного новичка, давно вставшего им поперек горла?

– Ну что ты, – махнул рукой Меченый. – Если у тебя болит голова, ты же не вырезаешь себе височные доли, чтобы унять боль? Пойми, зятек: мы с ними – единый организм, единое целое. Смерть одного – это невосполнимая, кошмарная утрата для всех. Никто из нас не поднимет руку, чтобы уничтожить часть самого себя, это нелепо и страшно. Высшему разуму несвойственны подобные безумные поступки.

– Да вся ваша Зона – одно сплошное безумие, – хрипло проговорил я. – Болезненный нарыв большого воображения. Одна большая, грязная и нелепая смерть.

Меченый покачал головой.

– Нет. Хозяева мудры. То, что после Второго взрыва было локализовано в границах Зоны, могло бы произойти на огромных территориях, если бы военные довели свои проекты до конца. Они получили бы такое оружие, перед которым меркнет все, что было создано до этого. Одним ударом уничтожив проект «О-Сознания», Хозяева Зоны защитили не только себя – они защитили от жестокого уничтожения все человечество. И, между прочим, Хозяева заботятся и о стране, частью которой является Зона. После того как мы бездарно просрали доставшееся нам после развала СССР ядерное оружие, лаборатории в Чернобыле остались нашим единственным козырем. Именно пси-облучение нашими агентами русских законодателей и представителей исполнительной власти давало нам возможность раз за разом добиваться серьезных уступок от России и не позволило москалям вторгнуться в пределы Украины. Именно после нашего вмешательства Россия сняла свои претензии на якобы исконно русский Крым. Именно мы не допустили, чтобы конфликты за восточные регионы и остров Коса Тузла переросли в полномасштабные военные действия...

– Послушай, а тебе не кажется, что «остров Коса Тузла» звучит парадоксом? Приблизительно как «остров Полуостров Крым»?

– А ты, похоже, кацапский националист? – насторожился Меченый.

– Нет, просто пытаюсь рассуждать логически. Кажется, принадлежность Тузлы Украине или России определялась тем, что это такое – остров или песчаная коса. Впрочем, это все детали. Я вовсе не русский националист, папаша. Я украинец и вполне доволен этим. Однако как гражданину Украины мне не все равно, что сделали с моей землей такие, как вы, прикрываясь мифами о кровожадных соседях, от которых нам необходимо защищаться любой ценой вплоть до истребления собственного населения.

– Ты еще молодой, – снова покачал головой Меченый, – ты еще многого не понимаешь. Мы же двадцать часов в день проводим в мировом информационном пространстве. Благодаря своему коллективному разуму мы имеем возможность стремительно оценивать и анализировать поступающую информацию, а также делать компетентные выводы...

– Два месяца назад вы угробили кучу народа тоже из патриотизма? – прервал его я. – Стремительно проанализировав поступившую информацию?

– Хемуль, нам необходимо непрерывно расширять территорию. Всякая империя живет экспансией. Когда экспансия прекращается, империя начинает загнивать и рушиться. Если Зона не будет расширяться, военные и ученые быстро локализуют и задавят ее. Найдут способ. И в их руки попадет страшное оружие. Пока границы Зоны надвигаются на военных, заставляя их раз за разом бросать укрепленные территории и обустроенные плацдармы, они слишком заняты обороной, чтобы думать о наступлении.

– Если вы чересчур увеличите свою территорию и приблизитесь к Киеву, по вам наверняка нанесут ядерный удар, – проговорил я. – Без вариантов. Когда окончательно поймут, что Зону не остановить. И без разницы, кто это будет – США, Россия, Китай или Евросоюз. Человечество все равно станет рукоплескать, потому что ядерное оружие будет

применено во имя мира и ради спасения этого самого человечества.

– А кто сказал, что это будет плохо?..

Жарить твою печенку! А ведь верно! Кто его знает, как поведет себя цепная реакция в аномальном энергетическом поле Зоны, где даже незыблемые законы физики порой отказывают? Не впитает ли Зона немыслимое количество энергии, высвободившееся в результате ядерного взрыва, и не станет ли после этого еще более мощной, смертоносной и страшной, готовой к новой экспансии?..

– Я ответил на все ваши вопросы? – вежливо поинтересовался Меченый, когда пауза затянулась. – Мне кажется, я был максимально искренен.

– Точно, – кивнул я. – И сейчас, выходит, твоя очередь задавать вопросы. А вопрос у тебя будет, насколько я понимаю, единственный: готовы ли мы присоединиться к великому коллективному разуму «О-Сознания»?

Эдуард снова вскинул на меня свои огромные, как у Динки, глаза – как тогда, когда в первый раз увидел меня в дверях своего бункера. Только теперь я уже понимал, что это вовсе не изумленный взгляд, что так просто кажется из-за карикатурной, мультяшной внешности Меченого. Он ведь тогда явно ждал нас с Динкой, он точно знал, откуда мы должны появиться, даже сел лицом к нам. На самом деле это был пристальный взгляд опытного игрока в покер, рассчитавшего сложную и многоходовую беспроеигрышную комбинацию.

– Видишь ли, Хемуль, – неторопливо проговорил он, – нам необходима свежая кровь. Нашей совместной ментальной энергии уже не хватает. Когда вы с американцами принесли нам нужные коды, мы ведь так и не сумели удержать завоеванное, не сумели вывести заглушенный реактор на проектную мощность. Надорвались. Нас оказалось слишком мало для действительно больших дел. – Он вздохнул. – Но проблема в том, что нам подходит далеко не каждый человек. Иначе мы давно поймали бы десяток предприимчивых бродяг и подключили их к своему супермозгу. Лишь очень немногие люди несут в себе зерно экстрасенса, лишь в некоторых мы способны пробудить их глубоко спящие сверхъестественные способности. Тот эксперимент, который привел к созданию коллективного разума, завершился успешно только чудом – в результате невероятного совпадения четверо из шести подопытных кроликов оказались потенциальными мощными экстрасенсами, и система заработала. За последующие двадцать лет им удалось засечь в Зоне и завербовать еще шестерых, в том числе меня. А ты думал, коллективный разум присоединяет к себе кого попало? Если бы его члены еще на подступах к Радару не ощутили во мне дремлющего потенциала, я давно был бы мертв.

Он помолчал. Динка не отрываясь смотрела на него. Я терпеливо ждал продолжения.

– В тебе нет зерна, Хемуль, – проговорил он. – Да, исключительная везучесть, да, развитая интуиция. Но не более того. То, что ты принимаешь за сигналы свыше, на самом деле просто обостренная работа подсознания, улавливающего в окружающем пространстве малейшие изменения, которые не фиксируются сознанием. Ты – пустышка, зятек. – Он перевел взгляд на дочь. – А вот Дина обладает полноценным даром. Думаю, по наследству передалось.

– Я тебе ее не отдам, – тихо, но с угрозой проговорил я.

– Да ну? – приподнял бровь Эдик. – Серьезно? Впрочем, расслабься, никто ее у тебя не отбирает. Хемуль, ты вполне можешь стать нашим доверенным человеком, способным выходить за Периметр и снова возвращаться к Дине. Я давно слежу за тобой. Я наблюдал, как ты действовал в прошлый раз, когда вел группу американцев. Нам очень нужны предприимчивые, везучие и преданные люди, способные свободно работать на Большой земле...

– Как это ты за мной наблюдал? – угрюмо спросил я.

– Господи! – воскликнул он. – Я же знаю все, что происходит в Зоне! Я слышу все, что произносится в пределах Периметра! Я – один из Хозяев Зоны! Как только ты пересекаешь Периметр, ты попадаешь в поле моего ментального зрения, так же как и все остальные бродяги.

– Хорошо, а если я не соглашусь, – криво усмехнулся я, – ты разорвешь меня на части в течение десяти минут?

– Зачем? – качнул головой Эдуард. – Это совершенно нерационально. Я просто выдворю тебя за пределы Радара. Обратного ты проникнуть не сможешь, даже если очень захочешь. Для чего нам уничтожать опытных сталкеров, подумай сам? Собаки и псевдоплоть плодятся в катастрофических количествах, крупные хищники не успевают регулировать их численность, а аномалий существа Зоны быстро учатся избегать. Вы, сталкеры, уже давно и прочно вписаны в экологическую систему Зоны – очень опасные, но и очень уязвимые хищники. Вы регулируете численность мутантов и в то же время являетесь их основной пищей. Гармоничные взаимоотношения биологических видов. Ну, и еще тебя любит Дина, а я не собираюсь без причины уничтожать дорогих ей людей...

– Надо же, какая трогательная забота, – проговорила Динка. Я прекрасно знаю этот ее безразличный, холодный тон – обычно он означает, что я очень сильно ее оскорбил и в ближайшую ночь мне совершенно ничего не достанется. – Байчурин, а ты меня спросил – хочу ли я присоединиться к вашему гребаному разуму?..

О как. Уже не папа, значит. Байчурин. Зафиксировали.

Меченый только досадливо отмахнулся.

– Подожди, Червячок, мы еще успеем об этом поговорить. Ты просто попробуешь, и если не понравится – тебя немедленно доставят в Чернобыль-4. Подожди, не сейчас. – Он продолжал сверлить меня глазами. Видимо, понимал, что основное противостояние происходит сейчас на другом фронте. – Так что, зятек?

– Эдик, а как твое отчество? – вдруг спросил я.

– Борисович, – отозвался он без тени удивления, словно ожидал этого вопроса.

– Ага... – Я удовлетворенно кивнул. – Вот оно что. Стало быть, это тебе Черный Сталкер просил передать, что на хрену он тебя вертел?

Меченый продолжал молча смотреть на меня, только во взгляде его внезапно появилось что-то волчье.

– Вот оно что, – негромко повторил я после паузы. – Ты мне вешаешь дерьмо на уши, папаша. Черный Сталкер вам не подчиняется. И Доктор. И Оборотень, наверное... Вы вообще не хозяева этих территорий. В лучшем случае вы распоряжаетесь только какими-то секторами вокруг Саркофага. Сдается мне, вы просто сели задницей на какой-то крутой феномен Зоны вроде Монолита и эксплуатируете его локальные чудесные свойства. А такого, чтобы управлять всей Зоной, – это нет, этого вы не можете. Вы поэтому и не могли ничего с нами поделать последние сутки. Я прав? Монолит правда в Саркофаге Четвертого энергоблока?..

– Монолит в Саркофаге, – спокойно подтвердил мой потенциальный тесть, мгновенно взяв себя в руки. – А Черный Сталкер борзеем ровно на столько, на сколько мы это ему позволяем. Если он перестанет выполнять свои функции, мы снимем его с доски. Все просто. Что касается Доктора... Доктор готовит для нас физиологический раствор и заботится о биомассе, населяющей Зону. Зачем же постоянно влезать в его дела? Это нерационально. Пускай думает, что короткий поводок, на котором мы его держим, – просто экзотическое украшение...

– Физиологический раствор делает, значит, – кивнул я. – О как. У тебя для него катетер на руке, для физиологического раствора? Не загноился еще? – заботливо поинтересовался я. – А в зеркало ты на себя давно смотрел, высшее существо? Ребята помнят тебя здоровяком выше меня, плечистым красавцем, Патогеныч покойный рассказывал. А сейчас я на тебя смотрю сверху вниз и вижу мокрицу. Червячок, итить!.. Это ведь у тебя от ежедневного двадцатичасового лежания в резервуаре, а? Ты и дочку хочешь превратить в такого же мерзкого гнома, заботливый папаша?..

У меня вдруг разом перехватило дыхание. Сердце словно стиснула невидимая рука – осторожно, но довольно ощутимо, и оно теперь билось едва-едва. Одновременно, похоже, Меченый дистанционно пережал мне какие-то сосуды мозга – перед глазами потемнело,

обильно замельтешили черные точки и пятна, в голове помутилось.

Со скрипом раскрылась дверь, ведущая во внутренние помещения бункера, и в комнату протиснулись двое монолитовцев в экзоскелетах.

– Ты, разумеется, не прав, зятек, – как ни в чем не бывало проговорил Хозяин Зоны, – но мне не хотелось бы спорить с тобой до бесконечности. Посиди пока с ребятами в соседней комнате, а я тем временем закончу разговор с дочуркой.

– О чем еще говорить, Байчурин, – мрачно проронила Динка. – Не думаю, что тебе удастся убедить меня попробовать...

Монолитовцы взяли меня под локти и подняли со стула. Подруга бросила на нас беглый взгляд, но ничего не сказала – похоже, она не заметила, что со мной что-то не так, а сволочь Меченый, разумеется, не стал это афишировать. Возможно, ее немного удивило, что я не стал дергаться и покорно позволил себя увести, но и только. Сейчас ее больше интересовала беседа с отцом – а из предыдущего разговора она уже уяснила, что Байчурин не собирается причинять мне вреда. И я не мог даже слова произнести, чтобы сказать ей, что это неправда.

Меня выволокли в соседнюю комнату, держа вертикально, так что я даже касался ногами пола. Я был на грани обморока и не сумел рассмотреть это помещение как следует, но главное заметил. Здесь стояли два больших, в рост человека, горизонтальных металлических цилиндра, накрытых полупрозрачными стеклянными крышками. Оттуда, где, судя по всему, предполагались изголовья, выбегало множество кабелей и проводов в цветной оплетке. Все они были присоединены к большому железному шкафу у стены, на передней панели которого теплились огоньки светодиодов. Похоже, все было готово для пробного сеанса.

Мне удалось вдохнуть лишь тогда, когда мы уже пересекли помещение с резервуарами и выбрались в длинный низкий коридор, похожий на тот, который привел нас к черному ходу этого бункера. Я уже почти поверил, что обезумевший от ярости Меченый решил меня прикончить, но нет, затхлый воздух подземелья все-таки снова хлынул в мое судорожно сжимавшееся дыхательное горло. Однако невидимая рука по-прежнему стискивала мне сердце, держа его на грани искусственного инфаркта, а перед глазами плыла кровавая пелена, так что я от сокрушительной боли не мог ни кричать, ни сопротивляться. Зомбированные монолитовцы деловито потащили меня по коридору – видимо, насчет соседнего помещения папаша сказал только для того, чтобы не нервировать Динку. Мне было слишком плохо, чтобы размышлять, что именно он задумал на самом деле.

Возможно, он немного перестарался. Возможно, наоборот – сделал именно то, что и хотел. Одним словом, я очнулся, только сидя под ярко-рыжей елкой на краю поляны. Отсюда была отчетливо видна вдалеке граница территории, выжженной Радаром, а еще дальше за ней – сам Радар и полосатая труба Чернобыльской АЭС.

Меня выволокли обратно в Рыжий лес.

Оба монолитовца стояли рядом. Один низко наклонился надо мной, вглядываясь мне в лицо.

– Очнулся, зятек? – сочувственно поинтересовался он. – Извини, что пришлось немного тебя заткнуть, но ты меня, откровенно говоря, утомил своими выходками. Не надо было тебе заводить разговор про внешность, сам понимаешь – для женщин это гораздо важнее, чем для нас с тобой...

– Меченый? – прошептал я одеревеневшими губами.

– Да, – подтвердил монолитовец. – Не обращай внимания, я мысленно говорю с тобой через этого полузомби. И не беспокойся, Дина ничего не слышит – мы с ней сейчас беседуем совсем о другом. Похоже, я все-таки смогу уговорить ее попробовать могущества – с тем условием, что я тут же отпускаю ее, если ей не понравится. Она уже поддается.

– Тварь, – прохрипел я, с трудом массируя грудную клетку напротив сердца. Большого я сейчас сделать был не в состоянии.

– Бессильно ругаться в адрес альфа-доминанты – это удел низших существ, – заметил

монолитовец. – Не ухудшай и дальше моего мнения о себе, это не нужно никому из нас. Когда придешь в себя, можешь идти на все четыре стороны. Я даже прослежу, чтобы до Периметра ты добрался без приключений. Иди и подумай как следует над моим предложением. А когда надумаешь стать моим доверенным лицом в Чернобыле-4, возвращайся и просто остановись здесь, на границе зоны действия Радара. Я буду знать, что ты согласен. Мы с Диной будем ждать тебя, Хемуль.

– Ты не сможешь... – я давился собственными словами, язык не слушался меня. – Она не станет... Ты не заставишь ее отказаться от меня...

– Брось, – снисходительно прервал меня Меченый. – Раз присоединившись к нашему коллективному разуму и ощутив все те потрясающие преимущества, которые он дает, она наверняка не сможет от них отказаться. Видишь ли, высшее существо совсем иначе осознает мир, оно смотрит на жизнь совсем под другим углом, оно уже не зависит от нелепых обывательских привязанностей, кровных уз и полового инстинкта, как примитивное человеческое быдло... Дина легко жертвует своей нерациональной сексуальной зависимостью ради тех невероятных горизонтов, которые перед ней откроются. Точно так же, как я легко жертвую нашими с ней кровными узами, если понадобится для общего дела. Ты что, всерьез считаешь, что я сентиментальный осел и мечтал еще раз увидеть дочурку? Что за вздор! Я просто пытался привлечь на нашу сторону еще одного потенциального экстрасенса, чтобы расширить наши возможности. А мои коллеги не были уверены в наличии у нее дара и считали слишком рискованной операцию по ее похищению, что и вызвало трения между нами. Но теперь всякие сомнения у них отпадут... Однако несмотря на то что Дина больше не будет испытывать потребности в сексуальных эмоциях, ты вполне можешь рассчитывать на периодические половые вознаграждения с ее стороны, если согласишься работать на нас. Мы всегда очень щедро расплачиваемся со своими агентами...

– Я убью тебя, Меченый! – прохрипел я, корчась у корней ели. – Я убью тебя, сука!..

Разом потеряв ко мне интерес, монолитовцы развернулись и неторопливо двинулись обратно к Четвертому энергоблоку. Я хотел броситься за ними, но ноги отказывались мне повиноваться. Оставалось лишь бессильно смотреть, как они пересекают покрытое пеплом пространство. Оба были в защитных шлемах, и я не сомневался, что сейчас Радар работает на полную мощность. Туда мне больше ходу не было.

Глава 19

Дьявол-хранитель

Вскоре я вновь обрел способность двигаться. Однако теперь мне некуда было идти. Я снова потерял Динку, потерял ее в третий раз за последние сутки, и похоже, уже навсегда. Меченый собирался превратить ее в такую же тварь, какой был сам, а я без сил сидел с одним ножом в Рыжем лесу и не мог ничего с этим поделать. Разве что перерезать себе горло, чтобы чудовищное горе больше не вкручивалось мне в мозг зазубренным раскаленным шурупом.

Нету. Нету безвыходных положений в принципе. Нету, мать твою, Дима Шухов, чертов предатель, безвыходных положений! Меня всегда выручал твой бессмертный афоризм, даже тогда, четыре года назад на Полых холмах, даже когда нас с «туристами» засыпало в катакомбах Темной долины после взрыва мощного глубоковакуумного боеприпаса, даже когда мы с Мухой нарвались на бандитскую засаду в Диких землях и казалось, что нам пришла полная и окончательная труба. Почему же сейчас я наконец впервые за всю свою сталкерскую карьеру попал в абсолютно безвыходное положение – причем именно тогда, когда жизни моей как раз ничего не угрожает?! Зачем же ты так со мной, Дима, Дима...

Кстати, что ты там говорил про кукурузу, черный ублюдок?..

Я медленно поднялся с земли, не отрывая взгляда от темно-зеленого островка, который вдруг бросился мне в глаза посреди рыжих и коричневых окрестностей.

Черный Сталкер, между прочим, поступил вполне логично. Он выручал меня уже не раз – и на этот раз спас тоже. Потому что если бы мы с Динкой не смогли войти в бункер, мы стали бы искать другой способ выбраться наружу. Может быть, решили бы пересидеть какое-то время в колодце, чтобы не попасться монолитовцам, занявшим здание. Одним словом, меня прикончили бы либо прямо там, в колодце, либо уже наверху, если бы мы все-таки выбрались наверх. Войти в бункер для меня было единственным шансом выжить, и этот шанс сработал. Черный Сталкер пытался спасти мне жизнь – и в результате сделал так, что я сам привел Динку к Меченому и сдал ее любящему папеньке с рук на руки. Теперь понятно, почему Дима так странно вел себя, когда ночью вышел к нашему с Гусем костру, – он уже знал, что либо Динке суждено присоединиться к Хозяевам Зоны, либо мне – погибнуть. Шухов понимал, наверное, что первый вариант окажется для меня хуже смерти и поэтому с такой неохотой поделился кодом от электронного замка бункера. Однако другого выхода он, видимо, не видел.

Одним словом, Черный Сталкер предал меня – подло и по полной программе. Гори в своем ледяном аду, мразь.

Однако он что-то проронил про кукурузу. Что не стоит мне, дескать, соваться туда, куда слепая собака хрен не сунет. Любопытно, любопытно...

Небольшой участок высокой уродливой кукурузы располагался на самой опушке Рыжего леса. Не знаю, откуда он здесь взялся – может быть, когда-то давно какой-то житель Припяти устроил себе за городом огородный участок. Кажется, в то время это было страшно модно и называлось не то самозахват, не то фазенда. Не сказать, чтобы огородник выбрал для этого подходящее место, однако советский народ, говорят, вообще отличался редкостным пофигизмом по отношению к собственному здоровью и будущему. Целый народ сталкеров, стало быть. А может, все гораздо проще и полупереваренные семена принесли в желудках крысы или вороны. За прошедшие годы кукуруза на участке мутировала и разрослась в непроходимую чащобу. Вот туда Рэд Шухов и не советовал мне соваться. А это значит, что именно туда я и поеду. Потому что один раз он меня уже прокинул, и теперь я все буду делать наоборот.

Нет, наверное, на самом деле он все-таки оставил мне какой-то шанс попытаться все изменить. «Разве тебя отговоришь?» – вот как он сказал. Что-то в той кукурузе есть такое, что еще позволит мне побороться. Подземный ход, ведущий обратно в бункер Меченого? Одноместный вертолет? Схрон «Монолита» с комплектом защитного оборудования, позволяющего безопасно пересечь зону поражения Радара? Черный Сталкер дал мне понять, что воспользоваться этой штукой будет крайне рискованно, но он все же оставил мне последний крошечный шанс. Потому что иначе нечестно. Потому что иначе нет свободы выбора и я – просто марионетка в его руках, а такого я не прощу даже Черному Сталкеру. Он все-таки предоставил мне выбор – уйти без Динки или умереть, пытаясь ее спасти. Я неистово ломился через переплетенные ветви и листья гигантской уродливой кукурузы, яростно рубил их ножом, распахивал в стороны неподатливые стволы, продирался через чащобу, словно раненый медведь сквозь старые буреломы, неистово озираясь по сторонам – где? Где эта проклятая штука, из-за которой мне не следовало лезть в кукурузу? Где она?..

А потом я внезапно увидел ее – когда сгорая уже почти влетел в самую ее середину. И остановился как вкопанный.

Чувство юмора у Черного Сталкера, оказывается, тоже черное. Чернее некуда. Черное, как дьявол-хранитель.

Я медленно приблизился к этой дряни почти вплотную и остановился, молча разглядывая искрящиеся антрацитовые переливы на огромном зеленом стебле. Это выглядело так, словно кто-то выплеснул в заросли кукурузы деготь из пол-литровой кружки, вязкая жидкость неторопливо потянулась вниз и вскоре застыла густыми жирными потеками и невесомыми паутинными нитями, взблескивающими на свету, как черные глаза Динки. Коварная штука: всякий, кто напролом, без оглядки полезет через заросли, непременно попадет в расставленные сети. Особенно она опасна ночью. В темноте лучше вообще ничего

не трогать – если не отхватит пальцы гриб-невидимка, значит, влетишь в паутину дьявола-хранителя или в синюю жель. К счастью, в последнее время эта черная липкая мерзость попадает очень редко, а когда-то ею, по воспоминаниям старожилов, были увешаны все деревья на Милитари и в Темной долине. По первости многие бродяги подцепили через нее ментального захребетника, кое-кому это сначала даже понравилось, но выжить с ним сумел только Сталкер-Призрак. Если это можно назвать жизнью, конечно.

Интересно, а кому-нибудь еще, кроме Призрака, приходило когда-нибудь в голову добровольно вляпаться в дьявола-хранителя, чтобы разрулить безнадежную ситуацию? Говорят, это гораздо хуже смерти. Я так понимаю, это приблизительно то же самое, что продать душу настоящему дьяволу. По крайней мере, я о таких случаях ни разу не слышал. Разумеется, человек, подцепивший дьявола-хранителя, приобретает невероятные преимущества, ему начинает везти буквально во всем – от поиска артефактов до выбора безопасной дороги, но все это везение нивелируется тем, что от него нельзя получить совершенно никакой пользы. За таким счастливым тут же начинает тянуться след из множества случайных смертей, и он становится изгоем. Все панически избегают его, как зачумленного, как инфицированного *коричневым*, потому что всякий, кто перебросится с ним хотя бы парой фраз, кто прикоснется к нему, кому он подмигнет или к кому обратится по имени, умрет в течение нескольких часов – от несчастного случая, от внезапно открывшейся неизлечимой болезни, от пули, от отравления паленой водкой... Он никому не сможет сбить хабар, потому что всякий, кто прикоснется к добытым им артефактам или попытается их перепродать, умрет. Он не сможет купить себе оружие или снаряжение, потому что всякий, кто что-нибудь ему продаст, умрет. Он не сможет добыть еды или лекарств, он не сможет переночевать в баре «Сталкер», он не сможет получить жизненно важную информацию – дураков помогать ему не будет. Не сможет он и покинуть пределы Периметра – и наверняка не случайно, просто дьявол-хранитель не выпускает свои жертвы с зараженной территории, от которой получает энергетическую подпитку... А через какое-то время он сойдет с ума и бесследно исчезнет в Зоне.

Военные скорее всего уже пытались использовать ментального захребетника в своих целях, но, поскольку прошло уже столько лет, а ни о каких армейских разработках в этом направлении до сих пор не слышно, думаю, эксперименты не увенчались успехом. Дьявол-хранитель без разбору уничтожает всех, с кем хотя бы косвенно контактирует его подопечный, будь то случайные знакомые, лаборанты или высший генералитет сверхдержавы. Полагаю, цена показалась им чрезмерной. И ладушки.

Я медленно опустился на землю, скрестив ноги по-турецки. Прищурившись, посмотрел снизу вверх на колышущуюся на ветру черную кляксу с бахромой паутины у себя над головой. Стиснул гудящие виски ладонями.

Вот он, твой шанс, сталкер. Вот она, реальная альтернатива. Полежай в дрянь, и безумные физические законы Зоны окажутся на твоей стороне. Ты пройдешь через территорию покрытия Радара без всяких защитных устройств. Ты голыми руками расшвыряешь отряд монолитовцев в экзоскелетах и с гаусс-винтовками. Ты возьмешь за глотку Меченого и спасешь возлюбленную. Однако выйти из Зоны уже не сможешь. А через пару дней сойдешь с ума от непрерывного везения и навсегда исчезнешь где-нибудь в Диких Землях или Долине Смерти, как десятки таких же бедолаг до тебя...

У меня была своя теория насчет того, куда деваются везунчики. Ведь если бы им и дальше продолжало так сказочно везти, как раньше, они могли бы разгуливать по Зоне бесконечно долго, удачно находя еду и аптечки в чужих схронах или вынимая их из рюкзаков погибших сталкеров. Однако бродяги с ментальным захребетником за плечами исчезают потому, что такое счастье не может быть вечным. Вполне возможно, что, перекачав определенное количество чужого везения и перенаправив его на своего хозяина, дьявол-хранитель в какой-то момент меняет знак на противоположный и начинает со страшной силой притягивать несчастья. И тогда вчерашний везунчик поскальзывается на ровном месте, ломает себе ногу, напарывается глазом на острый сук, пытаясь приподняться,

попадает в трамплин, ломает себе спину, упрямо ползет вперед, ощущая, как в ноги впиваются острые зубы выбравшихся из руин крыс, держа курс прямо в невидимую на солнце жарку... Поэтому от них не остается даже трупов – потому что патологическое невезение продолжает преследовать хозяина дьявола-хранителя и после смерти. Истерзанный труп корежат молнии, рвут на куски голодные собаки, перемалывают блуждающие аномалии... И как знать, может быть, когда тебе в очередной раз невероятно везет, когда ты уходишь живым от мародеров, когда химера пробегает мимо, не заинтересовавшись твоей персоной, когда чертово яйцо вместо того, чтобы убить тебя на месте, покорно ныряет в контейнер для артефактов, – не происходит ли это потому, что где-то неподалеку в кустах лежит скрытый от глаз труп бывшего везунчика, посмертное везение которого сидящий у него на плечах дьявол-хранитель упорно продолжает перенаправлять на всех, кто окажется поблизости?..

Я неторопливо поднялся с земли. Потер друг о друга мгновенно озябшие ладони. Шагнул к черной кляксе дьявола-хранителя, почти упершись в нее лицом. Нет, ничего особенного: плесень и плесень. Черная, жирная, мерзкая на вид. Медленно и осторожно протянул к ней руку. На мгновение мне показалось, что черная дрянь колыхнулась, подалась навстречу моим пальцам. Но это, наверное, был просто ветер...

Опустив руку, я решительно шагнул вперед, с тихим треском разорвав грудью черное пятно адской плесени. Неопрятные куски паутины повисли на моей куртке. Организм отчаянно сопротивлялся разуму, толкавшему его на самоубийственные действия. Кровь бросилась мне в лицо, ноги отказывались повиноваться, по позвоночнику снизу вверх внезапно продрала ледяная струя жидкого азота, когда я развернулся и для верности погрузился в заросли кукурузы, склеенные смертоносной плесенью везения, спиной. Это было как в том фильме, где одному подводнику необходимо было спуститься на сверхвысокую глубину: его легкие были бы неминуемо расплющены при таком давлении, поэтому ему приходилось заполнять их перенасыщенной кислородом несжимаемой жидкостью. Никакого вреда это причинить не могло, но организм однозначно расценивал воду в легких как смертельную угрозу, и некоторое время после поступления жидкости внутрь водолаз мучительно агонизировал, пока его подсознание не приходило к выводу, что все в порядке, и не успокаивалось. Нечто подобное сейчас происходило и со мной – я не ощущал никакого внешнего воздействия, боли или неудобства, но организм просто сходил с ума, требуя немедленно прекратить это издевательство. По всему телу выступила холодная испарина, желудок судорожно сжимался, в горле отчаянно першило, словно от переизбытка адреналина. Тело протестовало, отказываясь умирать ужасной смертью, пусть даже это и должно было произойти лишь несколько суток спустя. Но убивал я себя именно сейчас, именно в эти ужасные мгновения.

Я снова развернулся лицом к разорванному на части, осыпающемуся с кукурузных стеблей на землю дьяволу-хранителю. Дыхание постепенно приходило в норму, уши перестали горячо пылать, тошнота больше не подкатывала толчками к горлу. Интересно, этого достаточно? Подсаживается ли эта дрянь через одежду и защитный комбинезон?..

На всякий случай я зачерпнул немного черной плесени и быстрыми движениями растер ее в ладонях, словно мыл руки с мылом. С отвращением, через силу мазнул ребром ладони по шее. Ну, теперь-то уж наверняка. Дегтеобразная гадость прилипла к ладоням, будто мазут, и обе кисти тут же страшно зачесались, хотя это скорее всего была всего лишь психосоматическая реакция организма. Из рассказов стариков я знал, что сам дьявол-хранитель не ощущается абсолютно никак.

Я с треском выломился из кукурузных зарослей, забрался на пригорок, посмотрел в сторону ЧАЭС. Закрыв глаза, откинул голову назад, подставил лицо осеннему ветру. Интересно, должно пройти какое-то время, чтобы дьявол-хранитель подействовал, или он уже прочно сидит у меня за плечами? Впрочем, времени ждать у меня все равно нет, счет сейчас идет на минуты. Если еще не подействовал, то и Черный Сталкер с ним. Меньше придется мучиться.

Я спустился с пригорка и двинулся к границе выжженного Радаром пространства.

Дьявол-хранитель уже оседлал меня. По крайней мере, было похоже на то, потому что Радар безмолвствовал – я не почувствовал ни малейшего неудобства, ни малейших признаков мозгового расстройства. Может быть, мозгодав неожиданно поломался, или перегрелся, или как раз подошла очередная дежурная десятиминутка для охлаждения системы или ее профилактического ремонта. Безмолвствовал и организм – видимо, на сегодня он уже утомился впустую реагировать на смертельную опасность. Я быстро шагал по черной земле, вздымая миниатюрные облачка сизого пепла, и мне было решительно на все наплевать. Я шел за Динкой, и ни один урод сейчас не мог меня остановить.

В землю прямо передо мной ударила пуля снайпера, далеко разбросав влажный дерн. Организм тут же очнулся и завопил, что надо немедленно упасть навзничь, но я сцепил зубы и упорно продолжал шагать дальше. Либо дьявол-хранитель самостоятельно, без моего участия устранил эту проблему, либо я получу пулю в голову и этот безумный день наконец закончится. Оба варианта меня вполне устраивали.

Вторая пуля взвизгнула впереди меня, после чего снайпер замолчал. Причин этому тоже могло быть сколько угодно – от непредвиденного отказа оружия до внезапного инфаркта. В жизни бывает столько нелепых случайностей.

Я решительно двигался вперед. В голове у меня не было совсем никаких мыслей, никаких планов – например, о том, как мне прорываться через тройной забор колючей проволоки, как искать вход в бункер Меченого, как вламываться в эту крепость с железными герметическими дверями. Пусть насчет всего этого голова болит у дьявола-хранителя. Я принес ему в жертву себя, а это не так уж мало, поэтому пускай отрабатывает.

Я пересек выжженное пространство и направился к забору из колючей проволоки. С той стороны по территории бродили несколько монолитовцев, еще несколько часовых располагались на вышках по углам огороженного проволокой периметра. Прекрасно. Не скрываясь, я в полный рост двинулся к воротам.

Монолитовцы не стали тратить времени на грозные выкрики и предупредительные выстрелы в воздух. Пулеметчики на вышках тут же развернули свои бандуры в мою сторону. Однако две вышки так и не открыли стрельбу – одной на линии огня мешала крыша двухэтажного административного здания, а со стрелком на второй что-то случилось – по крайней мере, пока я продвигался к забору, он так и не шевельнулся, так и не изменил позы. Думаю, ему очень не помешал бы врач.

Пулемет на ближайшей ко мне сторожевой вышке успел дать только одну короткую очередь, прошедшую значительно выше моей головы, после чего его ствол с грохотом разорвало, покалечив стрелка осколками. Другой пулеметчик выстрелил дважды, после чего тоже умолк и принялся хлопотать возле своего заглохшего оружия: я бы не очень удивился, узнав, что он по разгильдяйству прихватил в караул почти пустой рожок с патронами.

Патрульные на территории тем временем изготовились к стрельбе из гауссов. Одному из них, по-видимому, было плохо видно меня через тройной ряд колючки, поэтому он сошел с протоптанной вдоль забора тропы и просунул длинный ствол винтовки между проволоки. Это была ошибка, потому что прицельным устройством он зацепил растяжку противопехотной мины на внешнем ряду заграждения. Взрывом его опрокинуло на спину, а колючая проволока во всех трех рядах разом опала, образовав проход, достаточный, чтобы в него пролез человек: осколки мины разлетелись так удачно, что рассекли проволочное заграждение в нескольких местах. Оно и понятно, сегодня ведь мой день.

Я взял направление на получившийся проход и двинулся к нему прямо через минное поле перед охранным периметром, совершенно уверенный, что, куда бы ни наступил, везде окажется свободное от мин пространство. Один из монолитовцев попытался выстрелить в меня, но в последний миг перед выстрелом оступился, дернул стволом винтовки и вlepил бронебойную пулю в поляризованное забрало шлема своего коллеги. Еще один боец выронил гаусс и упал на колени, беспомощно заскреб пальцами в перчатках по груди и шлему – уж и не знаю, что там с ним приключилось. В общем, за проволочное ограждение я

проник беспрепятственно.

За ограждением царил обычный для верхних уровней Зоны хаос заброшенной стройплощадки. Лежали штабелями бетонные швеллеры вроде тех, из которых был сложен блокпост на выжженной территории. Повсюду валялись стальные трубы разных диаметров. Выныривали из земли бетонные воздухоотводы, из пригорков неестественно правильной формы, прикрытых стальными листами и прямоугольными люками, торчали кабели и радиомачты. Отыскать в этой мешанине вход в бункер было совершенно нереально.

Словно в ответ на мои мысли, люк в боковой поверхности одного из пригорков откинулся, и наружу опасливо выглянул молодой боец в ССП без шлема и оружия. Я тут же зашагал к нему. Увидев меня, он торопливо захлопнул люк, но тот не закрылся до конца: что-то твердое попало между петель. Когда я приблизился ко входу в бункер и, откинув люк, забрался внутрь, парнишки уже не было: удрал куда-то во внутренние помещения. Ну, сиди тихо, брат, и скорее всего не пострадаешь. И молись, если ты поднял тревогу.

Я равнодушно спустился вниз по бетонной лестнице мимо крепко спящего караульного. Второго нигде видно не было – скорее всего мучился поносом в туалете. Дальше подсказывать мне дорогу необходимости не было, коридор, по которому меня тащили двое монолитовских ублюдков, я запомнил достаточно хорошо. Все двери, мимо которых я проходил в коридоре, были наглухо задраены либо плотно прикрыты, чтобы находившиеся в бункере монолитовцы не заметили меня раньше времени. Наверняка у каждого из них нашлось сейчас какое-нибудь суперсрочное и сверхважное дело. Что ж, мудро. Как говорит в таких случаях один страус, делай что должно и будь что будет, а потом посмотри, у кого больше тузов в рукаве.

Меня внезапно кольнула тревожная мысль. А когда именно дьявол даст обратный ход и обрушит на мою голову многочисленные несчастья? Может ли быть такое, что количество везения, которое он передает своему хозяину, всегда одинаково, поэтому если расходовать его быстро, щедро, в каких-то глобальных масштабах, значительно превышающих положенное по теории вероятностей – скажем, вынудить его внештатно отключить Радар или помочь мне проникнуть в укрепленный бункер, – то может ли так случиться, что выделенный мне запас везения истощится значительно быстрее, чем если бы я с его помощью искал какие-нибудь пустяковые артефакты? На всякий случай следовало исходить из того, что мне отпущены не дни, а часы, может быть, даже минуты.

Возле двери в помещение с резервуарами дорогу мне внезапно заступил, вышагнув из бокового коридора, один из тех монолитовцев, что волок меня отсюда полчаса назад. Кажется, именно через него разговаривал со мной Меченый. Черт его знает, вроде он – тогда на нем был шлем, и я мог ошибиться.

– Стой на месте, – велел он, направив на меня «Форт».

Вместо ответа я показал ему руки, измазанные черной плесенью, и он, кажется, понял, в чем дело. По крайней мере, в его глазах что-то изменилось, и он, не тратя больше времени на разговоры, пять раз стремительно выжал спуск. И пять раз подряд совершенно случайно вышла осечка. Хороший пистолет – «Форт», но уж больно ненадежный по сравнению с аналогами. Патроны в стволе порой перекашивает.

Я не стал ожидать, каким образом дьявол-хранитель избавит меня от надоедалы на этот раз. Количество отпущенного мне везения действительно могло быть ограничено, и не стоило неосмотрительно расходовать его на такие пустяки. Поэтому одновременно с шестой осечкой мой «Боуи», молниеносно выхваченный из кармана, рассек противнику горло. Отчаянно захрипев, монолитовец отшатнулся назад, и я аккуратно принял из его вздернутой руки пистолет.

Сунув нож в карман и отодвинув в сторону свежий труп, я открутил штурвал двери и потянул ее на себя.

– И снова здравствуйте, – произнес я, перешагивая через высокий порог и поднимая пистолет.

Оба металлических цилиндра были приоткрыты. В одном из них лежала моя Динка и

широко раскрытыми глазами смотрела на меня. Эдуард Борисович стоял возле металлического шкафа и щелкал тумблерами.

– Отойди, – сказал я. – Руки по швам, падла. Быстро!

– А, уже вернулся. Оперативно. – Меченый бросил на меня короткий взгляд через плечо. – Вижу, вижу. Вляпался в дьявола-хранителя, придурок. Молодец, сообразительный. Пустяка только не учел: я – один из Хозяев Зоны! – Он повернулся ко мне, с виноватой улыбкой пожал плечами: типа, видал, как оно все обернулось? – Здесь я определяю, как все должно происходить. Я определяю, как должен работать дьявол-хранитель, понимаешь? В моем присутствии физические законы вашего мира не действуют. Вернее, я определяю, действуют они или нет, это мой выбор и мое священное желание. Понял, бродяга?

– Ты ни черта не определяешь, шут гороховый, – сказал я. – Ну, давай поспорим на десятку: выстрелит теперь или нет, когда против твоего телекинеза работает всемирный закон подлости? Одной красавице самое время вылезти из ящика и попрощаться с папой.

– Дурак ты, Хемуль, – с сожалением произнес Динкин папаша. – Ты мог бы иметь многое. В результате лишишься даже того немного, что у тебя уже было.

– По-моему, ты читал в детстве слишком много американских детективов, – сказал я, не спуская с него дула пистолета. Придвинувшись боком к цилиндру с Динкой, я наклонился и начал старательно выдирать провода из его изголовья, чтобы Байчурину не пришлось в последний момент в голову ценой собственной жизни запустить свою адскую машину. – Говоришь какими-то голливудскими штампами...

Тяжелая стеклянная крышка резервуара вдруг обрушилась сверху, с силой ударив меня по голове и плечам. Все-таки папаша совсем не был уверен, сможет ли остановить пулю, выпущенную хозяином дьявола-хранителя, поэтому попытался обезопасить себя другим способом.

«Форт», выбитый у меня из руки, упал внутрь саркофага из стекла и металла.

Я почувствовал, как мое сердце вновь стиснула беспощадная рука. Только на этот раз хватка была не щадящей, а смертельной. Я хватанул воздуха широко раскрытым ртом, в глазах у меня вспыхнули кровавые круги, перечеркнутые волнистой огненной линией, но в этот момент что-то громко треснуло и полыхнуло в металлическом шкафу за спиной моего противника. Он в панике метнулся туда и снова принялся щелкать тумблерами, оставив меня в покое. Дьявол-хранитель продолжал оберегать меня.

Приподнявшись с пола, я выхватил нож. Мы с моим хранителем оставлять противника в покое не собирались.

Я бросился на него со спины, нарушив всякие представления о благородном поединке и честной драке. Однако он уловил мое движение и встретил меня сокрушительным ментальным ударом. Я снова скорчился на полу, но добить меня он опять не смог – с грохотом лопнуло металлическое крепление одной из ламп под потолком, и на едва успевшего прикрыть голову руками Меченого посыпались куски железной арматуры и осколки стекла. Я тут же откатился в сторону, пытаясь прийти в себя и одновременно найти позицию для новой атаки.

Похоже, силы были равны. Я не мог достать Меченого ножом, а дьявол-хранитель не позволял ему убить меня. Пат.

Тяжело дыша, мы стояли в разных углах комнаты и исподлобья разглядывали друг друга. По-видимому, понимание тупиковости ситуации посетило нас одновременно.

– Я думаю, нам следует это обсудить, – негромко проговорил Борисыч. – Возможно, я действительно слишком много хочу, слишком много требую. Что, если нам прийти к разумному, обоюдовыгодному компромиссу, который позволит каждой из сторон...

Он говорил и говорил, и с каждым произнесенным им словом я все острее ощущал, что он заговаривает мне зубы. Что ему для чего-то нужно выиграть немного времени. Но чего он пытается добиться, понять я никак не мог.

Я начал понимать это, только когда вновь двинулся вперед, а невидимая сила приподняла меня над полом и припечатала к противоположной стене.

– Ну, вот и все, – любезно улыбнулся Меченый. – Всего-то и делов было – взять под контроль твоего захребетника. Полминуты времени. Все, нет больше у тебя никакого везения. – Он указал на меня мизинцем, и я ощутил тяжеловесную затрещину, от которой моя голова резко дернулась вправо. – Щенок. Ну, для чего это все было нужно? – Новая затрещина на расстоянии, с другой стороны. Из носа у меня бодро заструился теплый ручеек. – Тебе это нужно, зятек? Мне точно не нужно. Никакого удовольствия мне это не доставляет... – Мою левую руку начало выкручивать из суставной сумки, и я зашипел от боли.

Проклятый колдун распял меня на стене и медленно, со смаком выворачивал мне конечности, пережимал артерии и капилляры, вонзал тонкие иглы боли в нервные узлы. Он позабыл обо всем на свете: о том, что он высшее существо, о том, что в помещении находится его дочь, о том, что он дико пытается собственного, с позволения сказать, зятка. От ослепительной боли я несколько раз выключался, но Меченый тут же приводил меня в чувство. Он что-то говорил, но я ничего не мог расслышать сквозь нарастающий гул в ушах. Он стоял внизу, запрокинув голову и глядя на меня огромными Динкиными глазами, наслаждаясь моей беспомощностью и моими мучениями. Я изо всех сил старался вывернуться из его невидимой хватки, но силы были слишком неравны: казалось, что меня прижали к стене гигантским куском глины, так что я едва был способен дышать.

Это продолжалось долго, очень долго. Возможно, несколько тысячелетий. Это продолжалось до тех пор, пока вдруг не раздался грохот пистолетного выстрела, мой палач не опрокинулся на спину, а сам я не свалился со стены вниз.

Пока Меченый пытал меня, Динка подобрала валявшийся в ее хрустальном гробу пистолет монолитовца и по-своему решила исход поединка. Хорошая все-таки штука – «Форт»: запросто может сработать даже после шести осечек подряд.

Борисыч неподвижно лежал на полу в луже из собственной крови и мозгов. Зря он так растопыривал пальцы. Решил, что мнения Динки можно не спрашивать, что он способен все решить за нее. Напрасно. За те полтора десятка лет, что они не виделись, его Червячок отрастил острые коготки и зубки. И собственное мнение размером с трехэтажный дом.

Пистолет вывалился из ее руки, и я услышал, как он глухо стукнулся о цементный пол.

Глава 20

Линия огня

Я попытался сразу встать на ноги. Меня здорово шатнуло, но я все же ухватился за стену и ухитрился не упасть снова. Нельзя, чтобы Динка бросилась мне помогать. Она, конечно, знает, что такое дьявол-хранитель и насколько коварна эта штука, но может поддаться порыву.

Если только она вообще склонна сейчас помогать мне – после того как застрелила собственного отца.

Однако такая возможность была, поэтому я поспешно прочистил горло.

– Со мной все в порядке, – хрипло сказал я, пытаясь разогнать кровавую пелену перед глазами. Мне хотелось надеяться, что мой голос не дрожит и не ломается. – Если бы я встретил где-нибудь человека, вляпавшегося в дьявола-хранителя, – глухо продолжал я, безразлично глядя в стену прямо перед собой, – то я бы не приближался к нему ближе, чем метров на пять. Для профилактики. Я бы не обращался к нему, вообще не разговаривал бы с ним. Я бы не пытался прикоснуться к нему, окликнуть его, как-то обратить на себя его внимание. Потому что это верная смерть. Я стиснул бы свои чувства в кулак и не пытался бросаться ему на шею с криком «Умрем вместе!», потому что тогда бы вышло, что он пожертвовал собой зря, а это было бы западло по отношению к нему. Я надеюсь, что выражаюсь достаточно ясно. А сейчас я пойду вперед, и за мной будет оставаться чистый след. Если бы кто-нибудь сейчас шел точно следом за мной метрах в десяти, думаю, ему бы практически ничего не грозило. На Милитари этот человек мог бы бросить сообщение на

ПДА, скажем, Мухе, чтобы тот помог ему выбраться за Периметр, а я бы пошел дальше в Дикие земли. Я искренне надеюсь, что именно так все и будет. Я желаю этого – слышишь, дьявол?! Если у меня еще осталось немного везения, ты знаешь, на что его израсходовать.

Я медленно двинулся вперед, к выходу из помещения, изо всех сил надеясь, что Динка все поняла правильно. Разумеется, она много слышала о дьяволе-хранителе, в том числе от меня, и понимала, что любое взаимодействие с его носителем – это смертный приговор. Но я шел вроде бы как сам по себе, она тоже шла по своим делам – просто наши дороги совершенно случайно совпали в пространстве и времени. Я хотел надеяться, что дьявол не сочтет ее моей вдовой и не уничтожит безжалостно как всякого, с кем я заговорю, кто прикоснется к моему снаряжению или кому я хотя бы дам прикурить.

Я неторопливо шагнул к выходу. За спиной у меня царил мертвая тишина. В душе у меня медленно, но неуклонно росла паника. Я не мог знать наверняка, что сейчас творится в голове у Динки. Захочет ли она принять такую колоссальную жертву с моей стороны. Да нет, что за чепуха! Если она останется здесь, выйдет, что я погубил свою душу зря. Нет, она обязательно выберется отсюда следом за мной. Если только...

Мысли внезапно стремительно заметались у меня в голове, словно разбежавшиеся по полу ртутные шарики. А если Динка все-таки успела попробовать этого чертова могущества, которое так рекламировал ей Меченый? Если она уже прочно подсела на этот величайший в мире наркотик и теперь мучительно борется за моей спиной сама с собой, не в силах решить, уйти ли следом за мной и вернуться на Большую землю или лечь обратно в металлический саркофаг и подключиться к ноосфере? Динка, конечно, пришила Меченого, но это еще ничего не означает – Хозяева тут, судя по всему, живут как пауки в банке, а для высшего существа примитивные кровные узы, как любезно пояснил мне Борисыч, – не препятствие... Что, если я сейчас выйду за дверь, а та грохнет за моей спиной, запираясь на все засовы?..

Я перешагнул через высокий порог, приостановился. Сзади по-прежнему не раздавалось ни звука. Новое черное сомнение плавно опустилось на мое сознание. Дьявол-хранитель не подчиняется человеческой логике, невозможно сказать наверняка, что именно он считает взаимодействием между своим хозяином и жертвой. Я старался говорить с Динкой безличными фразами, ни к кому не обращаясь, словно бы размышляя сам с собой, – но все равно смысл моей речи был обращен к ней. Не исключено, что дьявол зафиксировал этот наш коммуникационный канал и решил, что это полноценное взаимодействие... Смертельный несчастный случай необязательно сопровождается выстрелом, громким ударом или последним воплем. Разрыв аневризмы или тромб в сосуде головного мозга – все произойдет мгновенно, жертва не сумеет издать даже предсмертный хрип. Лишь зловещая, гнетущая тишина останется за спиной...

Я стоял на пороге, не решаясь обернуться, не решаясь позвать свою милую девочку, потому что тем самым убил бы ее на месте вернее, чем если бы выстрелил в нее из снайперской винтовки. Однако мне необходимо было знать наверняка, что происходит у меня за спиной. Я больше не мог выносить тишины. Мне казалось, что еще несколько мгновений неизвестности – и я заору от ужаса, как сумасшедший. Заору и больше никогда не смогу остановиться.

Однако Динка, наверное, в конце концов сообразила, что творится у меня на душе и почему я медлю. Потому что она шевельнулась за моей спиной и напряженно проговорила:

– Кажется, я придумала, что нужно делать. Выйду отсюда, доберусь до Милитари и вызову Муху с Бахчисараем... – Голос у нее сорвался, однако она снова собралась с силами и продолжила: – А они помогут мне выбраться за Периметр. Это я отлично придумала...

И все. Больше ни слова. Молодец девочка. Никаких рассуждений в пространство о том, как она любит Хемуля, как она благодарна ему за все, как она никогда-никогда его не забудет и все такое прочее. Она наверняка понимала, что этого я могу и не выдержать. Динка уже доказала свою любовь – тем, что ради меня прикончила собственного отца, которого разыскивала столько лет. Всё, какие-то еще слова сверх этого были бы совершенно излишними.

Спасибо, любимая. То, что я сейчас делаю для тебя, – это малая часть того, что ты действительно заслуживаешь. Будь счастлива.

Мы благополучно выбрались из бункера, так никого и не встретив, кроме спящего мертвым сном караульного. Судя по всему, монолитовцев здесь было много, но все они сейчас были страшно заняты. Дьявол-хранитель все еще продолжал оберегать меня, а теперь еще и мою любимую.

Наверху тоже ничего не изменилось. Валялись в живописных позах бойцы в экзоскелетах, убитые моим захребетником. Высилась к северо-востоку громада Чернобыльской станции, слева от нее виднелась гигантская тарелка Радара. Я пролез через дыру в проволочном ограждении, сожалея, что не могу помочь Динке его преодолеть. Не хватало еще, чтобы она в нем запуталась. Однако минуту спустя из-за моей спины донеслось:

– Надо же! Я перебралась через колючую проволоку.

Спасибо, родная. Получив подтверждение, я двинулся дальше.

Сзади раздался всхлип. Я прислушался, но этот звук больше не повторился. Похоже, моя красавица беззвучно плакала у меня за спиной, зажимая себе рот руками.

Чего бы я только не отдал, чтобы она сейчас не плакала.

Мое внимание отвлек автомобильный сигнал. Прямо посреди выжженной Радаром территории, неподалеку от брошенного блокпоста «Монолита», стоял армейский джип. Дверца с водительской стороны распахнулась, и из машины выбрался Болотный Доктор – я издали узнал его кряжистую фигуру и штаны из чертовой кожи.

– Дьявол-хранитель! – крикнул я, ни к кому не обращаясь. Для наглядности поднял над головой перемазанные черной субстанцией руки. Я старался даже не смотреть лишний раз в сторону Доктора – мало ли что. Впрочем, в голове тут же возникла малодушная мысль: а ведь все, кто когда-либо вляпывался в дьявола-хранителя, наверняка первым делом шли за помощью к Доку. И если он до сих пор жив... Что ему сделается, призраку Зоны?

– Эй, сталкер! – негромко окликнул Доктор. – Хемуль! Иди-ка сюда.

– Я вляпался в дьявола-хранителя, – на всякий случай еще раз сообщил я земле и небесам, стоя вполоборота к Доку.

– Да знаю, знаю я про твои художества, – заявил он. – Наслышан. Иди сюда, все в порядке. И ты, девочка, иди сюда. Опасности нет, гарантирую.

Если Болотный Доктор что-то гарантирует, значит, так оно и есть на самом деле. Он может сколько угодно разыгрывать пациентов и издеваться над ними, но если он сказал, что опасности нет, – этому надо верить. За такие слова Док отвечает.

Я подошел к джипу и остановился прямо перед Доктором. Он пытливо посмотрел мне в лицо, словно пытаюсь прочесть на нем ответ на какой-то мучающий его вопрос.

– Выходит, я не умру? – поинтересовался я.

– Даже не простудишься, – заверил Доктор. – Только почки надо бы проверить на предмет камней и уровень холестерина... Но это не от дьявола-хранителя, это возрастное. – Он покачал головой. – Нет, Хемуль, даже не надейся, ты не умрешь. И никто не умрет, пообщавшись с тобой. Видел линию огня, когда тебя обсыпало раскрошенным чертовым яйцом?

– Огненную черту посреди мрака? – уточнил я.

– Угу, ее самую. Значит, все в порядке. Ты исключительно везучий сукин сын. Думаю, если бы ты тогда шел с нами к Монолиту вместе с Шуховым и Завьяловым, сегодня одной легендой в Зоне было бы больше. – Он посмотрел на меня. – Как самочувствие, бродяга? Голова не кружится?

– Тошнит немного, – признался я. Почему-то в его присутствии хотелось закрыть глаза и ни о чем не думать. От него исходила аура такой уверенности и ледяного спокойствия, что никаким проблемам в присутствии Доктора места не было.

– Это от голода, – заявил Доктор. – Исключительно. Ты, кстати, обязан записать мне рецепт настоящего техасского стейка. Прошло уже столько времени, а я его до сих пор

вспоминаю.

– Вы же все равно не будете готовить, – осторожно возразил я. – Не найдете драгоценного времени на такие пустяки.

– Заставлю кого-нибудь, – отмахнулся он.

Я представил себе матерого кровососа, хлопчущего у плиты, и покачал головой.

– Ладно, садитесь давайте, поехали, – проворчал Доктор.

Мы с Динкой забрались на заднее сиденье джипа, Док завел мотор и вырулил в направлении Мертвого города.

– Так что случилось? – спросил я. – Дьявол-хранитель больше не работает?

– Работает, – отозвался Доктор. – И будет функционировать еще сутки-двое. Только без отрицательных последствий.

– Почему?..

– Яйцо. – Он сказал это так, словно это все объясняло, и мне пришлось уточнить:

– А что с яйцом?

– Расколотое чертово яйцо, – пояснил Доктор. – Когда оно раскалывается, возникает очень сильный импульс неизвестной природы. Он излечивает неизлечимые другими средствами формы рака и заболеваний крови. Он излечивает от клинического бесплодия и саркомы. И еще он излечивает от негативного воздействия дьявола-хранителя, при этом оставляя в неприкосновенности его положительное воздействие.

– О как, – только и сумел сказать я. – Значит, я приобрел временное патологическое везение и ничего за это не заплачу? Со мной все будет хорошо?

– С тобой все будет как обычно, – заявил Доктор, объезжая разбросанные бетонные блоки. – А уж хорошо это или плохо – тебе лучше знать. Хотя нет: ближайшие пару дней тебе по-прежнему будет везти как черту.

– Но ведь мы же раскололи чертово яйцо за несколько дней до того, как я вляпался в дьявола-хранителя.

– Воздействие импульса на организм сохраняется в течение недели.

– То есть можно регулярно крошить на себя чертово яйцо, а потом вляпываться в дьявола-хранителя – и неделю жить припеваючи?

– Верно, – подтвердил Доктор. – Только крошить яйцо надо умеючи. Тебе просто сразу невероятно повезло, что оно расколосось правильно. Все могло оказаться гораздо хуже. Некоторые богатые пациенты, пытавшиеся излечиться при помощи этой панацеи, мгновенно умерли на месте.

Я молча смотрел в окно. Новость о том, что неизбежная жестокая смерть откладывается на неопределенный срок, оставила меня равнодушным. Я слишком много пережил за последние два дня, все эмоции во мне перегорели.

– Если бы все было так просто, эту комбинацию уже давно открыли бы спецслужбы, – сказал я. – И взяли бы на вооружение. Агент, которому бесконечно везет, – это ж какие возможности!

– Просто?! – хмыкнул Доктор. – Сталкер, напомни-ка мне, сколько лет назад было найдено последнее чертово яйцо?

– Вы же их находите где-то, – возразил я. – И регулярно, если я правильно понял. Ведь именно этим объясняется ваше могущество и бесконечное везение?

– Я – особый разговор, – отрезал Доктор. – На то я и призрак Зоны. Темные мне такие вещи приносят, о каких вы и слыхом не слыхивали, радиоактивное мясо. Богом быть трудно, но крайне интересно и познавательно.

Темные, значит. Избранный народ Хозяев.

– Доктор, вы имеете отношение к Хозяевам Зоны? – в лоб спросил я. – К проекту «О-Сознание»?

– Нет, – он покачал головой. – У нас вроде как вооруженный нейтралитет. Они просто не сумели меня уничтожить в свое время и в конце концов смирились с тем, что Болото – мое. Если не можешь уничтожить врага, имеет смысл с ним сотрудничать, тем более что я

приношу определенную пользу экосистеме Зоны. Вот и все. И овцы сыты, и волки целы.

– Это вы о физиологическом растворе для Хозяев?

Доктор с досадой покачал головой.

– Хемуль, если его не буду делать я, Хозяева сделают его сами, – произнес он. – Только менее гуманным способом.

– Каким же? – поинтересовался я. – Выжмут парочку дорогих вашему сердцу мутантов?

– Кровь мутантов радиоактивна, – пояснил Доктор. – Хозяева, конечно, большие фокусники, но побороть физиологию не в состоянии даже они. Для этого раствора необходима в большом количестве плазма человеческой крови. Я получаю ее из киевского донорского банка. Как ты думаешь, где станут брать кровь Хозяева, если я перекрою им канал?

– Понятно.

– Именно. Вся моя деятельность в Зоне – это искусство возможного. Я спасаю сталкеров от мутантов и мутантов от сталкеров. Я помогаю Хозяевам только ради того, чтобы они не наломали еще больше дров...

Динка сидела рядом со мной, безучастно глядя в другое окошко. Мне нужно было найти для нее какие-то слова, немедленно сказать ей что-нибудь нужное и важное. Но мне в голову абсолютно ничего не приходило. Что я мог сказать женщине, которая ради меня только что убила своего отца?! Поэтому я продолжал допрашивать Доктора, лишь бы в кабине джипа не воцарилась гнетущая тишина. Лишь бы мне не пришлось заговорить с подругой. Я чувствовал, что между нами возникла хрупкая стеклянная стена, которая росла и становилась прочнее с каждой секундой. Боюсь, как раньше ничего у нас с ней уже не будет.

Да и черт с ним. Я спас ее, и это главное.

– А откуда вы знаете про то, что я расколол чертово яйцо? – спросил я.

– Мне положено, – строго сказал Доктор. – Я все-таки призрак Зоны. А подробности узнал от Патогеныча.

– Патогеныч погиб сегодня, – горько произнес я.

– Пятнадцать минут назад я высадил его по ту сторону Радара, чтобы не тащить через опасную зону, – возразил Болотный Доктор. – По крайней мере, в то время он выглядел вполне живым и здоровым и успел рассказать мне, что вы тоже где-то на Четвертом энергоблоке. Впрочем, за Периметром в течение четверти часа все сто раз может поменяться.

– Значит, его не убили монолитовцы? – удивился я.

– А, эти? Пытались. Как раз когда я проезжал мимо и шуганул эту мелюзгу из полуразрушенного здания. У меня от визга гауссов голова болит. – Доктор поморщился. – С ним еще был второй номер, этот, как его... Гусь, что ли? Сейчас мы их подберем. Их, правда, здорово контузило взрывом, но это мы быстро вылечим.

Значит, Патогеныч жив. Я с облегчением посмотрел на Динку, которая шевельнулась на соседнем сиденье. Надеюсь, для нее это тоже стало хорошей новостью.

– Муха-то посмотрел вправо, когда перебирался через железнодорожную насыпь? – поинтересовался я. Раз ты призрак Зоны и тебе положено все знать, значит, ты и это знаешь.

– Наверное, – отозвался Доктор. – Поскольку он до меня благополучно добрался, думаю, все-таки посмотрел. С Енотом тоже все будет нормально.

– Ну, отлично...

Динка вдруг обвила меня руками, прижалась ко мне, положила голову на плечо. Вымазанные ладони я старался держать подальше от ее тела. Мало ли что. Хотя раз Доктор не сказал по этому поводу ни слова, значит, опасности нет, от человека к человеку эта дрянь не передается. Но я мог просто испачкать Динку черной липкой мерзостью, а это было совсем ни к чему.

– Доктор, – сказал я, – а вы знали, что Монолит находится в Саркофаге?

– Конечно, – безмятежно отозвался он, не отрывая взгляда от лобового стекла. – Все ведь началось с того, что я к нему пришел. Я, кстати, так до сих пор и не понял, благословил

он меня или проклял. – Он покосился в зеркало заднего вида. – Что, будешь теперь пытаться пробиться к нему?

– Не знаю. – Я покачал головой. – Динка, тебе нужен муж-сталкер, который ухнет следующие полгода жизни на поиски Монолита и в лучшем случае станет после этого призраком Зоны?

– Пошел в жопу.

Мы с Доктором одобрительно усмехнулись. Это были первые слова, которые я слышал от нее с тех пор, как мы сели в машину.

– А женой рядового киевского мента будешь? – продолжал я. – У меня, правда, боевой товарищ в среднем офицерском составе, так что головокружительная карьера мне обеспечена.

– Ты что, предложение мне делаешь, упырь? – спросила красавица.

– Нет, просто интересуюсь на будущее.

– Дурак ты, Хемуль, – сказала Динка, крепче прижимаясь ко мне. – Хемуль-блондинка. Обними меня наконец, чуело...

Я вопросительно посмотрел в спину Доктору. Он не глядя залез в бардачок, вытащил какую-то тряпку, через плечо кинул мне:

– На, сталкер. Вытри руки и обними наконец девушку. Не бойся, дьявол подсаживается только один раз. Теперь эта черная плесень – просто грязь.

Я тщательно вытер руки и осторожно обхватил свою волшебную девочку. Зарылся лицом в ее густые волосы, вдохнул их запах, закрыл глаза, ощущая, как стремительно рушится стеклянная стена. Да и не было никакой стены, что за чушь. Я сам ее и выдумал только что, кретин, радиоактивное мясо.

– Милая, прости меня, – едва слышно проговорил я. – Прости меня за отца...

– Это был не мой отец, – холодно проговорила Динка. – У меня нет отца. Тебе не за что извиняться. Он погиб, когда висел в воздухе в центре лаборатории «О-Сознания» пятнадцать лет назад. На самом деле он не согласился присоединиться к коллективному разуму, и Хозяева его убили. Вот и все. А я только что пристрелила какого-то мерзкого гнома. И никто меня не убедит, что было по-другому. Даже ты, Хемуль.

– Да, ребята, вы славно повеселились, – подал голос Доктор. – Завидую черной завистью. Сейчас захватим Патогеныча с Гусем, заедем ко мне, и вы мне все подробно расскажете. Страсть как люблю подробности. А с меня холодное пиво.

– Хозяева нас не попытаются уничтожить по дороге? – поинтересовался я.

– За Меченого-то? – уточнил Доктор. – Да они вам только благодарны будут, что вы их от него избавили.

Мы миновали территорию покрытия Радара. Он снова молчал – через его территорию в одной машине сейчас двигались сразу два человека, находящиеся под охраной двух дьяволов-хранителей. Похоже, у его обслуги выдался сегодня горячий денек.

Обнимая Динку, я неторопливо размышлял, как мне распорядиться неожиданно свалившимся на голову небесным везением. Попросить Доктора притормозить на Милитари и пробежаться по грибным местам? Пойти вечером в подпольный игровой зал к Карабаху и поставить свой месячный заработок на тройку, семерку и туз? Навестить кое-кого из «Свободы» и разрешить наконец кое-какие многомесячные трения?..

Дурак ты, Хемуль. Круглый дурак. Вот оно, твое везение, сидит рядом на сиденье, обнимает тебя тонкими руками. Доставь ее домой целой и невредимой – вот это и будет отличное применение везению. И двое суток не выпускай из постели.

– Чего ерзаешь? – поинтересовался Доктор. – Отлить надо?

– Нет, не надо, – отозвался я. – Все нормально.

И усмехнулся своим дурацким мыслям.